

Annotation

Введите сюда краткую аннотацию

Кришнамурти Джидду
Единственная революция

Медитация – не бегство от мира, не изолирующая, замкнутая в себе деятельность; скорее – это постижение мира и его путей. Мир мало чего может предложить человеку помимо пищи, одежды, крова и удовольствий с их великими горестями.

Медитация – отход от этого мира; нужно быть целиком и полностью посторонним. Лишь тогда мир имеет смысл, а небеса и земля полны непреходящей красоты. Тогда любовь – это не наслаждение. Из этого возникает действие, не являющееся следствием усилия, противоречия, стремления проявить себя, упоения властью.

Окна комнаты выходили в сад. Тридцатью или сорока футами ниже текла широко разлившаяся река, священная для одних, для других же – прекрасное водное пространство, открытое небесам и великолепию утра. Вы всегда могли видеть другой берег, на нём селение, развесистые деревья и молодые всходы озимой пшеницы. Из этой комнаты вы могли увидеть утреннюю звезду и медленно поднимающееся над деревьями солнце; и река становилась для солнца золотой дорожкой.

Ночью комната погружалась в глубокую тьму, и сквозь широкое окно открывалась вся южная сторона небосклона. Однажды ночью в комнату влетела – громко хлопая крыльями – какая-то птица. Включив свет и встав с постели, увидел её под кроватью. Это была сова. Она была около полутора футов, с необыкновенно широко открытыми огромными глазами и грозным клювом. Мы вглядывались друг в друга совсем близко, разделённые всего несколькими футами. Сова была напугана светом и близостью человека. Мы глядели друг другу в глаза довольно долго, и всё это время сова сохраняла свою напряжённую и полную свирепого достоинства позу. Были видны и её ужасные когти, и лёгкие перья, и плотно прижатые к телу крылья. Хотелось прикоснуться к ней, погладить, но она не допустила бы этого. Поэтому свет вскоре был выключен, и какое-то время в комнате стояла тишина. Затем послышались взмахи крыльев, в лицо пахнуло ветром, и сова вылетела из окна. Она больше никогда не возвращалась.

Это был очень древний храм; утверждалось, что ему может быть более трёх тысяч лет, – но ведь известно, как люди склонны к преувеличениям. Однако, разумеется, храм был древним; сперва там находилось буддийское святилище, а около семисот лет назад, он стал индуистским храмом, и на месте статуи Будды поставили индуистского идола. Странная атмосфера царил в его погружённой во мрак внутренней части, в его залах с колоннами и в длинных коридорах, украшенных великолепной резьбой; пахло летучими мышами и благовониями.

Свершив омовения, поклонники входили в храм небольшими группами, сложив руки; они шли по коридорам, простираясь ниц всякий раз, когда проходили мимо изваяния, облачённого в яркие шелка. В глубине святилища раздавалось пение жреца; приятно было услышать хорошее санскритское произношение. Он не торопился, и слова доносились из недр храма легко и красиво. Здесь были дети, старые женщины и молодые люди. Служащие перед посещением храма снимали свои европейские брюки и пиджаки и надевали дхоти; они сидели или стояли со сложенными руками, с обнажёнными плечами и с выражением глубокой набожности.

Здесь находился водоём, наполненный водой, – священный водоём, со множеством ступеней, ведущих к водоёму вниз, и с колоннами из резного камня, окружавших его. Вы входили в храм после пыльной дороги, полной шума и яркого резкого солнечного света, здесь же царили густые тени, темнота и спокойствие. Здесь не было ни свечей, ни коленопреклонённых

людёй, лишь те, что совершали обход святилища, беззвучно шевеля губами и повторяя какую-то молитву.

В тот день после полудня к нам пришёл человек, назвавший себя последователем Веданты. Он говорил по-английски очень хорошо, так как получил образование в одном из университетов и обладал ясным, острым умом. Это был юрист с весьма большим заработком; пронизательный и несколько встревоженный взгляд был испытующе устремлён на собеседника, как бы что-то взвешивая. По-видимому, он много читал, в том числе кое-что и из западной теологии. Среднего роста, довольно худощавый и высокий, он держался с достоинством адвоката, который выигрывал много дел.

Он сказал: «Я слушал ваши беседы, и то, что вы говорите, - это чистая Веданта, хотя ей, этой древней традиции, придана современная форма». Мы спросили его, что он подразумевает под Ведантой. Он ответил: «Сэр, мы принимаем за бесспорное, что существует лишь Брахман, который творит мир и всю его иллюзию, и что Атман, пребывающий внутри каждого человека, есть часть этого Брахмана. Человеку необходимо пробудиться от своего повседневного сознания множественности и проявленного мира почти так же, как он обычно пробуждается ото сна. Подобно тому, как спящий создаёт всю цельность своего сновидения, так и индивидуальное сознание творит весь проявленный мир и других людей. Вы, сэр, не утверждаете всего этого, однако, несомненно, имеете это – ведь вы родились и воспитывались в нашей стране, и хотя большую часть жизни вы и прожили за границей, вы остаётесь частью этой древней традиции. Индия создала вас, нравится вам это или нет; вы созданы Индией и у вас индийский ум. Ваши жесты, ваше спокойствие во время бесед, подобное спокойствию статуи, сама ваша наружность – часть древнего наследия. Ваше учение, несомненно, представляет собой продолжение того, чему древние мудрецы наши учили с незапамятных времён».

– Отбросим в сторону вопрос о том, является ли ваш собеседник индийцем, воспитанным в индийской традиции, обусловленным индийской культурой, и представляет ли он собой итог древнего учения Индии. Прежде всего, он – не индеец, иначе говоря, не принадлежит ни к индийской нации, ни к брахманской общине, хотя и был рождён в их среде. Он отрицает ту самую традицию, которую вы ему приписываете. Он отрицает, что его учение является продолжением древних учений. Он не читал никаких священных книг Индии или Запада, ибо они не нужны человеку, который осознаёт всё то, что происходит в мире – поведение людей, с из бесконечными теориями, с общепринятой пропагандой двух тысяч или пяти тысяч лет, ставшей традицией, истиной, откровением.

Для человека, целиком и полностью отказывающегося принимать слово, символ с его обусловленностью, – для такого человека истина не является чем-то полученным из вторых рук. И если вы слушали его, сэр, вам известно, что с самого начала он говорил, что любое приятие авторитета само по себе является прямым отрицанием истины, и он настаивал на необходимости находиться вне всякой культуры, традиции, вне общественной морали. Если бы вы прислушались к нему, вы не называли бы его индийцем, не утверждали бы, что он продолжает древнюю традицию современным языком. Он полностью отрицает всё прошлое, его учителей, его толкователей, его теории и его формулы.

Истина – никогда не в прошлом. Истина прошлого – пепел воспоминаний; память – от времени, и в мёртвой золе вчерашнего дня нет никакой истины. Истина – нечто живое, она вне поля времени.

Итак, отбросив всё это в сторону, мы можем рассмотреть теперь центральный вопрос – это постулируемое вами представление о Брахмане. Несомненно, сэр, само это утверждение есть

теория, созданная умом с сильным воображением, будь то Шанкара или же учёный теолог нашего времени. Вы можете переживать эту теорию и утверждать, что она верна; но это подобно тому, что человек, воспитанный в мире католицизма и обусловленный им имеет видения Христа. Несомненно, что подобные видения являются лишь проекциями его собственной обусловленности; а кто воспитан в традициях религии Кришны, имеют переживания и видения, рождённые из их культуры. Так что переживание не является доказательством. Узнать в своём видении Кришну или Христа – следствие обусловленного знания; поэтому такое видение совершенно нереально, это воображаемый образ, миф, усиленный переживанием и абсолютно недоказательный. Зачем вам вообще нужна теория, почему вы бездоказательно принимаете какое-то верование? Такое постоянное утверждение верования является показателем страха – страха повседневной жизни, страха страдания, страха смерти, страха полной бессмысленности жизни. Видя всё это, вы придумываете теорию, и чем она хитроумнее и учёнее, тем большим весом обладает. А после того, как её пропагандируют в течение двух тысяч лет или же десяти тысяч лет, такая теория неизменным и глупым образом становится «истиной».

Но если вы не постулируете никакой догмы, тогда вы оказываетесь лицом к лицу с тем, что действительно есть. «То, что есть» – это мысль, удовольствие, скорбь и страх смерти. Когда вы поймёте структуру своей повседневной жизни – со всей её конкуренцией, жадностью, честолюбием и стремлением к власти, – вы не только увидите бессмысленность теорий, спасителей и гуру, но и сможете покончить со страданием – вы сможете покончить со всей этой структурой, созданной мыслью.

Проникновение в эту структуру, понимание её – это медитация. Тогда вы увидите, что мир – не иллюзия, а ужасная реальность, которую построил сам человек во взаимоотношениях со своими братьями. Именно это необходимо понять, а не ваши теории Веданты, ритуалы и все эти принадлежности организованной религии.

Когда человек свободен, без какого-либо мотива страха, зависти или скорби, только тогда его ум естественно пребывает в состоянии мира, тишины. Тогда он может не только видеть истину повседневной жизни от момента к моменту, но также выйти за пределы всякого восприятия; и, следовательно, приходит конец наблюдающему и наблюдаемому, и двойственность прекращается.

Но за пределами всего этого и вне какой бы то ни было связи с этой борьбой, тщеславием и отчаянием, существует (и это не теория) поток, не имеющий ни начала, ни конца; неизмеримое движение, которое ум никогда не может уловить.

Услышав всё сказанное, вы, сэр, вероятно, создадите из этого ещё одну теорию, и если эта новая теория вам понравится, то вы начнёте её пропагандировать. Но то, что вы пропагандируете, – не истина. Истина существует лишь тогда, когда вы свободны от заботы, от боли, от тревоги и от агрессивности, наполняющих сейчас ваше сердце и ум. Когда вы увидите всё это и когда вы придёте к той благодати, которая называется любовью, тогда вы узнаете истину того, что вам говорится.

Что важно в медитации, так это качество ума и сердца; не то, чего вы добиваетесь, или говорите, что добиваетесь этого, но скорее качество ума, который чист и открыт. Отрицание ведёт к позитивному состоянию. Просто накапливать переживания или жить в них – значит отвергнуть чистоту медитации. Медитация – не средство достижения цели. Медитация – это и средство, и цель. Переживаниями никогда не сделаешь ум чистым, невинным. Именно отрицание переживаний приносит то позитивное состояние чистоты, невинности, которое

невозможно взрастить при помощи мысли. Мысль никогда не бывает чистой, невинной. Медитация – это прекращение мысли, но не медитирующим, ибо медитирующий и есть медитация. Если нет медитации, вы подобны слепому, оказавшемуся в мире великой красоты, света и красок.

Пройдитесь по берегу моря – и пусть на вас снизойдёт это медитативное качество. И если оно придёт – не добивайтесь его вновь. То, за чем вы будете гнаться, окажется воспоминанием о том, что было, – но то, что было, – это смерть того, что есть. Или, когда вы станете бродить по холмам, позвольте всему окружающему рассказать вам о красоте и страдании жизни; тем самым вы пробудитесь и к собственной скорби, и к её окончанию. Медитация – это и корень и стебель и цветок и плод. Это слова разделяют на плод и цветок, на стебель и корень. В этом разделении действие не приносит благодати: добродетель – это целостное восприятие.

Тенистая дорога, длинная и узкая, обсаженная с обеих сторон деревьями, вилась среди ярко-зелёных полей зреющей пшеницы. Солнце отбрасывало резкие тени, и деревни по обе стороны дороги были грязными, запущенными и обнищавшими. Взрослые казались больными и печальными, дети же кричали и играли в пыли и швыряли камни в птиц, сидевших высоко на деревьях. Было очень приятное прохладное утро, и над холмами дул свежий ветерок.

В то утро попугаи и майны подняли сильный шум. Среди зелёной листвы деревьев попугаев едва удавалось заметить; в тамариндовом дереве попугаи устроили свои гнёзда в нескольких дуплах. Зигзагообразный полёт попугаев всегда сопровождался пронзительными и хриплыми криками. Майны довольно мирно сидели на земле, позволяя подойти совсем близко, прежде чем улететь. Зелёно-золотая мухоловка сидела на проводах, тянувшихся через дорогу. Стояло восхитительное утро; ещё не было сильной жары. В воздухе было разлито благословение; царил тот мир, который чувствуется, пока человек ещё не пробудился.

Лошадь тащила по дороге двухколёсную повозку с навесом на четырёх столбиках. На досках лежало вытянувшееся поперёк повозки мёртвое тело, обёрнутое в белую и красную ткань; тело везли к реке, чтобы сжечь его на берегу. Рядом с возницей сидел мужчина, по-видимому, родственник умершего, и мёртвое тело бросало то вверх, то вниз на этой не слишком-то ровной дороге. Видно было, что они ехали издалека, так как лошадь была покрыта потом, а мёртвое тело, которое сотрясалось всю дорогу, выглядело совершенно окоченевшим.

Навестивший нас позднее в тот день человек сообщил, что он флотский артиллерийский инструктор. Он приехал с женой и двумя детьми и казался очень серьёзным. После приветствий он сказал, что хотел бы найти Бога. Говорил он не вполне внятно, вероятно, немного стеснялся. У него было лицо способного человека и умелые руки, однако в голосе и взгляде ощущалась некоторая жёсткость – ведь, в конце концов, он учил тому, как убивать. Казалось, Бог так далёк от его повседневной деятельности. Всё это выглядело так странно, ведь здесь находился человек, утверждающий, что он серьёзно ищет Бога, – а между тем необходимость зарабатывать на жизнь вынуждала его обучать других искусству убивать.

Он сказал, что он религиозен и побывал во многих школах у разных так называемых святых людей. Ни один из них его не удовлетворил, и теперь он проделал это длинное путешествие по железной дороге и на автобусе, чтобы повидаться с нами, так как ему хотелось узнать, как можно попасть в тот странный мир, который искали и обычные люди и святые. Жена и дети сидели, не говоря ни слова с очень почтительным видом, а на ветку у самого окна уселся светло-коричневый голубь и тихо ворковал. Посетитель ни разу не взглянул на голубя; а дети с матерью сидели напряжённо, нервно, не улыбаясь.

– Вы не можете найти Бога, к нему нет пути. Люди придумали много путей, много религий, много верований, спасителей и учителей, думая, что те помогут им найти непреходящее

блаженство. Беда поиска заключается в том, что ведёт он к какой-нибудь фантазии ума, какому-нибудь видению, которое проецирует и оценивает на основе уже известного. Любовь, которую ищет человек разрушается самим образом его жизни. Вы не можете в одной руке держать ружьё, а в другой Бога. Бог – это только символ, слово, утратившее в действительности свой смысл, поскольку церкви и места поклонения уничтожили его. Конечно, если вы не верите в Бога, вы подобны верующему; оба страдают и проходят через скорби краткой и тщетной жизни; горечь каждого дня делает жизнь бессмысленной. В конце потока мыслей нет реальности и пустое сердце заполняется словами мысли. Мы становимся очень умными, изобретая всё новые философские системы, а затем приходит горечь их несостоятельности. Мы изобрели теории о том, как достичь высшего, и вот верующий идёт в храм и погружается в образы собственного ума. Ни монах, ни святой не находят этой реальности, так как оба они – часть традиции, культуры, которая видит в них святых и монахов.

Голубь улетел, и красота облачных гор сияла над землёй – и истина там, куда вы никогда не смотрите.

-3-

Это был старый сад эпохи монголов со множеством огромных деревьев. Среди них высились большие памятники, с тёмными мраморными склепами внутри; камень почернел от дождей и от непогоды, ещё больше почернели купола. На этих куполах жили сотни голубей. Они дрались с воронами из-за места; на нижних частях куполов сидели попугаи, слетавшиеся отовсюду целыми стаями. Газоны содержались в чистоте; траву хорошо подстригали и поливали. Это было тихое место и на удивление не слишком многолюдное. По вечерам слуги из окрестных домов со своими велосипедами собирались на лужайке поиграть в карты. Их игра была понятна только им самим, а постороннему наблюдателю не под силу было в ней разобраться. Дети играли на лужайках возле отдельных гробниц целыми компаниями.

Одна из гробниц была особенно величественной, с высокими арками хороших пропорций. За ней высилась асимметричная стена, сложенная из кирпичей; солнце и дожди сделали её тёмной почти до черноты. Здесь висело запрещение рвать цветы; однако никто как будто не обращал на него особого внимания, и цветы всё равно продолжали рвать.

Позади аллеи эвкалиптов находился цветник, где были посажены розы; его окружала осыпаящаяся стена. Цветник, с его великолепными розами содержался в исключительном порядке, трава всегда была зелёной и только что подстриженной. Похоже, сюда приходило не очень много людей, вы могли гулять вокруг в одиночестве, наблюдая, как за деревьями и куполом гробницы садится солнце. Особенно по вечерам, когда ложились длинные тёмные тени, здесь было очень спокойно – вдали от городского шума, вдали от нищеты и уродливого богатства. Цыгане пололи сорняки на лужайке. Это было прекрасное место, но человек постепенно портил его.

В одном из уединённых уголков лужайки сидел, скрестив ноги, человек; здесь же лежал и его велосипед. Он закрыл глаза, и губы его шевелились. В таком положении он находился более получаса, полностью оторванный от мира, от прохожих, от криков попугаев. Его тело оставалось совершенно неподвижным, в руках он держал чётки, прикрытые кусочком ткани, и движение пальцев было единственным движением, кроме шевелившихся губ, которое можно было увидеть. Он приходил сюда каждый день к вечеру, наверное, после дневной работы. Человеком он был, похоже, бедным, хотя и достаточно полным; он постоянно приходил в этот уголок, чтобы погрузиться в своё занятие. Если бы вы спросили его, что он делает, он ответил бы, что медитирует, повторяет какую-то молитву или мантру, и для него этого было вполне достаточно.

Он находил в своём занятии утешение от монотонности повседневной жизни. Он сидел на лужайке в одиночестве. Позади него цвёл жасмин; земля была усыпана цветами, и красота данного мгновения окружала его. Но красоту эту он никогда не видел, ибо был поглощён красотой собственного изготовления.

Медитация – не повторение слов, не переживание видения, не культивирование безмолвия. Чётки и слова успокаивают склонный к болтовне ум, но это – разновидность самогипноза. С таким же успехом вы могли бы принять пилюлю.

Медитация – не погружение себя в мысленный стереотип или в очарование удовольствия. У медитации нет начала, а потому нет и конца.

Если вы говорите: «Сегодня я начну контролировать свои мысли, спокойно сидеть в позе для медитации и размеренно дышать», – значит, вы захвачены фокусами, которыми люди обманывают себя. Медитация – не в том, чтобы оказаться поглощённым какой-то грандиозной идеей или образом: это успокаивает человека только на данный момент, подобно тому, как ребёнок, поглощённый игрушкой, на какое-то время остаётся спокойным. Но как только игрушка перестаёт быть для него интересной, неугомонность и шалости возобновляются. Медитация – не поиски невидимого пути, приводящего к некоему воображаемому блаженству. Медитативный ум видит – он наблюдает, слушает без слова, без комментария, без мнения; он внимателен к движению жизни во всех её взаимоотношениях на протяжении всего дня. А ночью, когда весь организм отдыхает, медитативный ум не видит сновидений, потому что он целый день бодрствовал. Только вялые видят сны; только полусонным нужны намёки на их собственное состояние. Но когда ум наблюдает, когда он прислушивается к движению жизни, и внешней и внутренней, к такому уму приходит безмолвие – безмолвие, не созданное мыслью.

Это не безмолвие, доступное переживанию наблюдающего. Если наблюдающий переживает безмолвие и опознаёт его, это уже не безмолвие. Безмолвие медитативного ума – вне границ распознавания, ибо это безмолвие не имеет границ. Есть лишь одно безмолвие, в котором нет места разделению.

Холмы были сплошь закрыты тучами, дождь до блеска отмывал утёсы и разбросанные по холмам валуны. В сером граните виднелась чёрная прожилка, и тёмная базальтовая скала, омываемая струями дождя, становилась в то утро ещё чернее.

Пруды были переполнены водой, и лягушки издавали глубокие горловые звуки. Стая попугаев возвращалась с полей в поисках убежища, и обезьяны вскарабкивались на деревья, и красная земля потемнела.

Во время дождя бывает какая-то особая тишина; в это утро в долине все звуки как будто замерли – не было слышно, как шумят на ферме, как грохочет трактор, как колют дрова. Только капало с крыши, и булькала вода в канавах.

Это было совершенно необыкновенно: ощутить на себе дождь, насквозь промокнуть, почувствовать, как и земля и деревья с наслаждением впитывают дождь; уже давно его не было, а сейчас трещинки в земле затягивались. Из-за дождя прекратились крики множества птиц; тучи шли с востока, тёмные, отягощённые влагой, их несло на запад; холмы полностью заволокло, запах же земли проникал во все углы. Дождь лил весь день.

И в тишине ночи по всей долине перекликались совы.

Это был школьный учитель, брахман, в чистом дхоти; пришёл босиком в европейской рубашке. Опрятный, с пронизательным взглядом, с мягкими, на вид, манерами, он подчёркнуто выразил эту скромность в своём приветствии. Он был не очень высоким и довольно хорошо говорил по-английски, так как был учителем английского языка в городе. Сказал, что зарабатывает он немного, и что ему, как и всем учителям во всём мире очень трудно сводить концы с концами. Конечно, у него были и жена и дети, но он, похоже, отметал всё это, как нечто

совершенно несущественное. Это был гордый человек – гордый особой гордостью, не связанной с достижениями, знатностью или богатством; то была гордость представителя древней расы и древней традиции, системы мышления и морали, которые на самом деле не имели ничего общего с тем, чем он действительно был. Его гордость лежала в прошлом, представителем которого он являлся, и его отнимание нынешних сложностей жизни было жестом человека, считающего всё это неизбежным, но таким ненужным. Его произношение было южным, твёрдым, громким. Он рассказывал, что уже много лет слушал беседы – здесь, под деревьями. Фактически, его привёл сюда отец, когда он был молодым, ещё в колледже. Позднее, получив свою нынешнюю жалкую работу, он ежегодно приезжал на беседы.

«Я слушал вас много лет. Пожалуй, интеллектуально я понимаю, что вы говорите, но сказанное как будто не проникает очень уж глубоко. Мне нравится, как здесь расположены деревья, под которыми вы говорите, я смотрю на закат, когда вы обращаете на него наше внимание, как вы часто это делаете во время бесед, однако я не в состоянии ощутить этого, не могу прикоснуться к листу и почувствовать радость пляшущих на земле теней. На самом деле у меня нет никаких чувств вообще. Естественно, я много читал, как английскую литературу, так и литературу нашей страны. Я знаю наизусть стихи, но мне не даётся та красота, которая лежит за пределами слова. Я становлюсь всё более жёстким, не только с женой и детьми, но и со всеми людьми. В школе я чаще кричу. Мне хотелось бы знать, почему я утратил способность наслаждаться вечерним солнцем – если я вообще обладал такой способностью! Мне хотелось бы знать, почему я больше не испытываю сильных чувств по поводу всяческого зла, существующего в мире. Я как будто вижу всё на интеллектуальном уровне, и я умею достаточно хорошо рассуждать – по крайней мере, я думаю, что это так, – в беседе почти с каждым. Почему же существует этот разрыв между интеллектом и сердцем? Почему я утратил любовь и чувство подлинной жалости и участия?»

– Посмотрите на эту бугенвилию за окном. Видите ли вы её вообще? Видите ли вы падающий на неё свет, её прозрачность, её цвет, её форму и её особенности?

«Я смотрю на неё, но она для меня совершенно ничего не значит. И таких как я – миллионы. Поэтому я возвращаюсь к своему вопросу: почему существует этот разрыв между интеллектом и чувствами?»

– Не потому ли, что нас плохо воспитывали, развивая одну только память, – и что с самого раннего детства никогда не обращали внимания нашего на дерево, цветок, птицу или на водный простор? Не потому ли, что мы сделали жизнь механичной? Не следствие ли это перенаселённости? Ведь на каждую работу находят тысячи желающих. Или это результат гордости – того, что мы гордимся продуктивностью, мы гордимся расой, гордимся изошрённой мыслью? Как вы думаете, не в этом ли дело?

«Если вы спрашиваете меня, горд ли я, – да, я горд».

– Но это только одна из причин, почему господствует так называемый интеллект. Не в том ли ещё дело, что слова сделались столь необыкновенно важными, – и именно слова, а не то, что превышает слова или за пределами его? Или причина в том, что вы зажаты, заблокированы разнообразными способами, которых, может быть, совсем и не осознаёте? В современном мире поклоняются интеллекту, и чем вы умнее, хитрее и проницательнее, тем больше вы преуспеваете.

«Может быть, причина и заключена во всех этих вещах; но разве они так уж много значат? Конечно, мы можем продолжать до бесконечности анализировать причину, описывать её, но разве это даст нам возможность перебросить мост между умом и сердцем? Именно это я хочу узнать. Я прочёл несколько книг по психологии, читал и нашу древнюю литературу, но это как-то не загло меня, поэтому теперь я пришёл к вам – хотя, возможно, для меня это уже слишком поздно».

– Вам действительно хочется, чтобы сердце и ум сошлись? Разве вас на самом деле не удовлетворяют ваши интеллектуальные способности? Может быть, вопрос о том, как объединить ум и сердце, является лишь академическим? Почему вы беспокоитесь о сведении их воедино? Эта озабоченность всё ещё идёт от интеллекта, а не от подлинного беспокойства по поводу разрушения вашего чувства, являющегося частью вас самих, не так ли? Вы разделили жизнь на интеллект и сердце, и интеллектуально наблюдаете, как ваше сердце увядает – и это беспокоит вас только на словах. Так пусть оно увянет! Живите только в интеллекте. Это возможно?

«Но ведь я обладаю и чувствами...»

– Не являются ли эти чувства на самом деле сентиментальностью, эмоциональной распущенностью? Разумеется, мы говорим не об этом. Мы говорим: умрите для любви – она не имеет значения. Живите целиком в своём интеллекте, в своих словесных манипуляциях, в своих изошрённых доводах. Что получается, когда вы на самом деле живёте таким образом? То, против чего вы возражаете, – это разрушительный характер того самого интеллекта, которому вы так поклоняетесь. Его разрушительный характер приносит множество проблем. Возможно, вы видите последствия интеллектуальной деятельности в мире – то есть войны, соперничество, высокомерие власти, – и то, что может произойти, возможно, страшит вас – пугает безнадёжное, отчаянное положение человека. Пока существует это разделение между чувствами и интеллектом, одно господствует над другим, и одно должно разрушать другое; между ними нельзя перекинуть мост. Может быть, вы слушали наши беседы много лет, может быть, вы приложили большие усилия, чтобы соединить ум и сердце, – но эти усилия идут от ума и потому подчиняют сердце. Любовь не принадлежит ни одному из них, ибо в любви отсутствует господство. Любовь не создаётся мыслью или сентиментальностью; любовь – не слово интеллекта, не чувственная реакция. Вы говорите: «У меня должна быть любовь, для этого мне необходимо воспитывать сердце». Но это воспитание идёт от ума, так что вы всё равно сохраняете их разделение; их невозможно сблизить или объединить ради какой бы то ни было утилитарной цели. Любовь – в начале нашего поиска, а не в конце его.

«Так что же мне делать?»

Теперь его глаза заблестели, в теле почувствовалось движение. Он выглянул из окна – в нём постепенно разгорался огонь

– Вы ничего не можете делать. Оставьте, не занимайтесь этим! И слушайте; и увидите красоту этого цветка.

-4-

Медитация – это раскрытие нового. Новое – вне и выше повторяющегося прошлого, и медитация – прекращение этого повторения. Смерть, которую несёт с собой медитация, есть бессмертие нового. Новое – вне пространства мысли, и медитация есть безмолвие мысли.

Медитация – не достижение, не погоня за видением, не возбуждение ощущения. Она подобна реке, неукротимой, стремительно текущей и затопляющей берега. Это – музыка без звука; её нельзя приручить, её нельзя использовать. Это безмолвие, в котором с самого начала перестал существовать наблюдающий.

Солнце ещё не взошло; сквозь деревья можно было видеть утреннюю звезду. Стояло поистине необыкновенное безмолвие. Не безмолвие, возникающее между двумя шумами или звуками, но безмолвие, не имеющее никакой причины, безмолвие, должно быть существовавшее в начале мира. Оно наполняло всю долину и холмы.

Две крупные совы, перекликавшиеся друг с другом, не нарушали этого безмолвия, и собака,

лаявшая вдалеке на поздний месяц, была частью всего необъятного бытия. И роса была особенно обильна; когда над холмами взошло солнце, она засверкала множеством красок, испуская то сияние, которое приходит с первыми лучами солнца.

Крошечные листья джакаранды повисли под тяжестью росы; птицы прилетали для утреннего купания; они хлопали крыльями так, что роса падала с этих нежных листьев на их перья. Вороны были особенно усердны – прыгали с одной ветки на другую, просовывая голову сквозь листву, хлопали крыльями и охорашивались. На одной крупной ветви их сидело около полудюжины, и множество других птиц, совершавших своё утреннее купание, было рассеяно по всему дереву.

Это безмолвие распространялось и, казалось, оно уходит далеко за холмы. Но вот послышался обычный шум – закричали дети, раздался смех; и ферма начала пробуждаться.

День обещал быть прохладным, и холмы пока вбирали свет солнца. Это были очень древние холмы, вероятно, древнейшие в мире; их причудливые утёсы казались высеченными с величайшей тщательностью и поставленными друг на друга в особом равновесии; но никакой ветер, ничьё касание не могли вывести их из этого равновесия.

Эта долина находилась вдали от городов, а пересекавшая её дорога вела к другой деревне. Дорога была неровной; ни автомобили, ни автобусы не тревожили древнее спокойствие долины. Проезжали повозки, запряжённые быками, но их движение было частью холмов. Высохшее русло реки наполнялось водой только после сильных дождей, и его цвет был смесью красного, жёлтого и коричневого; казалось, это русло движется вместе с холмами. И жители деревни, молча проходившие мимо, были похожи на скалы.

День миновал, и к концу вечера, когда солнце садилось на западе за холмами, издалека, над холмами и сквозь деревья, пришло безмолвие, нависающее над холмами и окутывающее малые кусты и древний баньян. Когда засверкали первые звёзды, безмолвие достигло огромной интенсивности, стало почти невыносимым.

Небольшие светильники деревни погасли, и с приходом сна интенсивность этого безмолвия стала ещё более глубокой, ещё более широкой и невероятно всеильной. Даже холмы стали более спокойными, ибо они перестали шептаться и двигаться, как бы утратив свою огромную тяжесть.

Она сказала, что ей сорок пять лет; она была тщательно одета в сари, на руках её звенело несколько браслетов. Пожилой человек, пришедший с ней, назвался её дядей. Все мы сидели на полу; из комнаты виднелся большой сад с баньяном, с несколькими деревьями манго, с яркой бугенвиллией и молодыми пальмами. Она пребывала в глубочайшей печали. Её руки не знали покоя; она старалась сдержаться и не разразиться словами, а может быть, и слезами. Дядя сказал: «Мы пришли поговорить с вами о моей племяннице. Несколько лет назад умер её муж, а потом умер и её сын, и вот теперь она не перестаёт плакать и ужасно состарилась. Мы не знаем что и делать. Обычны советы докторов как будто не помогают, и она, кажется, утрачивает контакт с другими своими детьми. Она всё хуеет. Мы не знаем, чем всё это закончится, и она настояла на том, чтобы мы пришли повидать вас».

«Я потеряла мужа четыре года назад. Он был врачом и умер от рака. Должно быть, он скрывал болезнь от меня, я узнала об этом только в последний год или около того. Он ужасно мучился, хотя врачи давали ему морфин и другие болеутоляющие. На моих глазах он зачах и умер».

Она остановилась, почти захлебнувшись слезами. На ветке сидел голубь, спокойно воркуя. Он был коричнево-серого цвета, с небольшой головкой и крупным телом, впрочем, не слишком крупным, ведь это был всего только голубь. Вскоре голубь улетел, и после его толчка ветка качалась вверх и вниз.

«Я как-то не в состоянии вынести это одиночество, это существование, не имеющее без него смысла. Я любила своих детей; у меня было их трое, мальчик и две девочки. Однажды в прошлом году сын написал мне из школы, что чувствует себя неважно; а через несколько дней директор школы сообщил по телефону, что он умер».

Здесь она начала неудержимо всхлипывать. Потом достала письмо мальчика, в котором он писал, что хочет вернуться домой, так как не совсем здоров, и надеется, что с ней всё в порядке. Она объяснила: сын беспокоился о ней; ему не хотелось уезжать в школу, он желал остаться с ней. Она же более или менее заставила его уехать – опасаясь, что на него подействует её печаль. Теперь же было слишком поздно. Обе девочки, сказала она, не вполне осознают случившееся, поскольку они ещё слишком малы. Внезапно её прорвало: «Не знаю, что делать. Эта смерть потрясла самые основы моей жизни. Наш брак, как дом, был старательно построен на том, что мы считали глубоким фундаментом. Теперь же всё разрушено этим ужасным событием».

Дядя её, вероятно, был традиционно верующим, потому что он прибавил: «Бог наказал её этим. Она выполнила необходимые обряды, но они не помогли ей. Я верю в перевоплощение, но её это не утешает. Она даже не хочет говорить об этом. Для неё всё это лишено смысла, и мы не смогли её успокоить».

Некоторое время мы сидели молча. Носовой платок её был совсем мокрым, и чистый платок, вынутый из комода, позволил ей стереть слёзы со щёк. Красная бугенвилия заглядывала в окно, и яркий южный свет сверкал на каждом листе.

Вы хотите поговорить об этом серьёзно, дойти до корня всего этого? Или вам хочется, чтобы вас успокоили каким-нибудь объяснением, каким-то доводом рассудка, отвлекли вас от вашей печали какими-то словами, приносящими удовлетворение?

Она ответила: «Я хотела бы углубиться в это, но я не знаю, есть ли у меня способность или энергия прямо встретить то, что вы собираетесь сказать. Когда муж был жив, мы посещали некоторые из ваших бесед; но сейчас может оказаться для меня очень трудным идти вместе с вами».

– Почему вы скорбите? Не объясняйте, ведь это будет только словесная конструкция вашего чувства, которая не будет действительным фактом. Поэтому, когда мы задаём вопрос, пожалуйста, не отвечайте на него. Просто послушайте и найдите ответ для себя. Почему существует эта скорбь смерти – в каждом доме, у богатого и у бедного, от самого могущественного человека в стране до последнего нищего? Почему вы скорбите? Вы скорбите о муже или же о самой себе? Если вы плачете о нём, то могут ли ему помочь ваши слёзы? Он ушёл безвозвратно. Что бы вы ни делали, вы никогда его не вернёте. Никакие слёзы, никакая вера, никакие церемонии и божества никогда не смогут его вернуть. Это факт, который вам нужно принять; вы ничего не можете с ним поделать. Но если вы плачете о себе, о своём одиночестве, о своей опустевшей жизни, о тех чувственных наслаждениях, которые у вас были, об утраченном общении – тогда вы плачете от собственной пустоты, от жалости к себе – не правда ли? Быть может, вы впервые осознаёте собственную внутреннюю нищету. Вы сделали вложения в своего мужа – не так ли? – пусть это не звучит грубо, – и это дало вам и покой и удовлетворение и удовольствие. Всё, что вы чувствуете сейчас, – ощущение утраты, муки одиночества и тревоги, – это проявление жалости к себе – разве не так? Взгляните на это. Не ожесточайтесь сердцем против этого, не говорите: «Я люблю мужа, и ни капельки не думала о себе. Я хотела охранять его, даже не смотря на то, что я часто стремилась подчинить его; однако всё это делалось ради него, и у меня никогда не было и мысли о себе». Теперь же, когда он ушёл, вы понимаете своё действительное положение, не правда ли? Его смерть потрясла вас, показала вам подлинное состояние вашего ума и сердца. Возможно, вам не захочется и смотреть на это; возможно, вы из страха отвергнете данный факт; однако если вы понаблюдаете несколько дольше, вы увидите,

что плачете из-за собственного одиночества, из-за собственной внутренней нищеты – иначе говоря, вы плачете из жалости к себе.

«Вы довольно жестоки, сэр, не правда ли?» – сказала она. «Я пришла к вам за настоящим утешением, а что вы мне даёте?»

– Это одна из иллюзий, которые есть у большинства людей, что существует такая вещь, как внутреннее утешение, что кто-то другой способен дать его вам или вы сами способны найти его для себя. Боюсь, что такой вещи не существует. Если вы ищете утешения, вы вынуждены жить в иллюзии, и когда иллюзия разбита, вы охвачены печалью, потому что вас лишили утешения. Таким образом, чтобы понять скорбь и выйти за её пределы, нужно действительно видеть, что происходит внутри вас, а не маскировать это. И указать на всё это – не жестокость, не так ли? Здесь нет ничего дурного, от чего следовало бы уклоняться. Когда вы видите всё это, очень ясно, вы выходите из этого немедленно, без повреждения, незапятнанным, свежим, не задетым событиями жизни. Смерть неизбежна для всех нас; никто не может избежать её. Мы стараемся найти всевозможные объяснения, цепляемся за любую форму верования в надежде превзойти смерть, но что бы вы ни делали, смерть всегда тут; завтра, или за углом, или через много лет – она всегда здесь. Нужно войти в контакт с этим огромным жизненным фактом.

«Но...» – произнёс дядя, и на сцену выступила традиционная вера в Атман, в душу, в ту неизменную сущность, которая продолжает существовать. Теперь он стоял на родной почве, хорошо утрамбованный искусными доводами и цитатами. Было видно, как он выпрямился, как в глазах его зажёгся огонь сражения, битвы слов. Симпатия, любовь и понимание исчезли. Он стоял на своей священной почве веры, традиции, придавленный тяжким грузом обусловленности. «Но ведь Атман пребывает в каждом из нас! Он перерождается, продолжая существовать, пока не постигнет своего тождества с Брахманом. Мы должны пройти через скорбь, чтобы достичь этой реальности. Мы живём в иллюзии; мир – это иллюзия. Существует только одна реальность».

Он так разошёлся! Она взглянула на меня, не обращая на него особого внимания, и на её лице появилась слабая улыбка. Мы оба посмотрели на вернувшегося голубя и ярко-красную бугенвилию.

– Нет ничего постоянного, ни на земле, ни в нас самих. Мысль может придать длительность тому, о чём она думает; она может придать постоянство слову, идее, традиции. Мысль считает себя постоянной, но постоянна ли она? Мысль – ответ памяти, но постоянна ли память? Память способна создать образ и придать этому образу устойчивость и постоянство, называя его Атманом или чем угодно; она может помнить лицо мужа или жены и держаться за это. Всё это – деятельность мысли, которая порождает страх, и из этого страха возникает стремление к постоянству, – страха, что завтра не будет еды, не будет жилья, – страха смерти. Этот страх – результат мысли; и Брахман – это также продукт мысли.

Дядя сказал: «Память и мысль подобны свече. Вы гасите её и снова зажигаете; вы забываете, а потом снова вспоминаете. Вы умираете и снова рождаетесь в другой жизни. Пламя свечи – то же самое и не то же самое. Так что в пламени налицо некоторое качество постоянства».

– Но пламя, которое было погашено, это не то же самое пламя, которое зажжено снова. Старому приходит конец, чтобы появилось новое. Если существует постоянная видоизменяющаяся непрерывность, не существует ничего нового вообще. Из тысячи вчерашних дней нельзя сделать нового; даже свеча выгорает. Всё должно кончаться, чтобы появилось новое.

Теперь дядя не мог опираться на цитаты или верования или на сказанное другими – он ушёл в себя и утих, озадаченный и немного сердитый, ибо он оказался раскрыт для самого себя и, как и племянница, не хотел смотреть в лицо факту.

«Всё это меня не интересует», – сказала она. «Я абсолютно несчастна. Я потеряла мужа и сына, и остались эти двое детей. Что мне делать?»

– Если двое детей вас заботят, вы не можете продолжать заниматься собой и своим несчастьем. Вам нужно смотреть за ними, обеспечить им должное образование, воспитать, вырвав из под власти обычной заурядности. Но если вы поглощены жалостью к себе, которую вы называете «любовью к мужу», если вы уходите в изоляцию, вы губите также и двоих других детей. Сознательно или бессознательно, мы все чрезвычайно эгоистичны, и пока получаем то, чего хотим, считаем, что всё идёт хорошо. Но когда приходит нечто, разбивающее всё это, мы приходим в отчаяние и жалуемся, надеясь найти другие утешения, которые, конечно, опять будут разбиты. Так этот процесс продолжается; если вы хотите быть захваченной им, хорошо зная, что это значит и к чему ведёт, тогда продолжайте в том же духе. Но если вы увидите абсурдность всего этого, вы естественно перестанете плакать, вы перестанете замыкаться в себе – и вы будете жить с детьми с новым светом и улыбкой на лице.

-5-

Качества безмолвия многообразны. Есть безмолвие между двумя шумами, безмолвие между двумя нотами и расширяющееся безмолвие в промежутке между двумя мыслями. Есть особенное, спокойное, всепроникающее безмолвие, которое наступает вечером в деревне; есть безмолвие, в котором вы слышите отдалённый лай собаки или свисток поезда, идущего на крутой подъём; есть безмолвие в доме, когда все легли спать, и его особая выразительность, когда вы просыпаетесь среди ночи и слушаете крик совы в долине, – и есть безмолвие перед тем, как донесётся ответный крик другой совы. Есть безмолвие старого, заброшенного дома и безмолвие горы; и безмолвие между двумя людьми, когда увидев одно и то же, они одно и то же почувствовали и сделали.

Этой ночью – особенно в этой отдалённой долине с её древнейшими холмами и причудливыми валунами на них – безмолвие было столь же реальным, как и стена, которой вы касались. И вы глядели из окна на сверкающие звёзды. Это не было безмолвие, созданное «я», личностью; и не в том было дело, что земля успокоилась и жители деревни заснули; оно шло ото всюду – и от тех далёких звёзд, и от тёмных холмов, и из вашего собственного ума и сердца. Казалось, это безмолвие покрывает всё, от мельчайшей песчинки в русле реки, знающей лишь бегущую воду во время дождя, до высокого раскидистого баньяна и до начинающегося лёгкого бриза. Существует безмолвие ума, которого никогда не затрагивает никакой шум, никакая мысль, никакой проносющийся ветер переживания. Именно это безмолвие чисто – и потому бесконечно. Когда есть это безмолвие ума, действие вытекает из него; такое действие не вызывает путаницы или несчастья.

Медитация абсолютно безмолвного ума есть благодать, которой всегда ищет человек. В таком безмолвии заключены все качества безмолвия.

Существует та необычная тишина, что присутствует в храме, или в пустой церкви глухой деревни, где не слышно шума туристов и поклоняющихся; есть глухое молчание, что лежит над водой – это часть того безмолвия, которое вне безмолвия ума.

Медитативный ум заключает в себе все эти разновидности, изменения и движения безмолвия. Это безмолвие ума и есть подлинно религиозный ум, а безмолвие богов – это безмолвие земли. Медитативный ум течёт в этом безмолвии, и любовь – путь такого ума. В этом безмолвии – блаженство и смех.

Дядя вернулся, в этот раз без племянницы, утратившей мужа. Он был одет несколько тщательнее, а также более обеспокоен и озабочен, и лицо его помрачнело от серьёзности и

тревоги. Мы уселись на жёстком полу, и здесь же была и красная бугенвилия, глядевшая на нас через окно. А голубь, вероятно, прилетит позднее; он всегда прилетал утром к этому времени, всегда садился на ту же ветку, на то же место, спиной к окну, а головой на юг; через окно доносилось его нежное воркование.

«Мне хотелось бы поговорить о бессмертии и о совершенствовании жизни по мере её развития в сторону конечной реальности. Из того, что вы недавно сказали, видно, что вы обладаете прямым восприятием того, что истинно; мы же не знаем, а только верим. Мы ведь действительно ничего не знаем об Атмане; мы знакомы только с этим словом. Для нас этот символ стал реальностью; и если вы описываете этот символ так, как вы это сделали на днях, мы пугаемся. Однако, вопреки страху, мы держимся за символ, потому что на самом деле ничего не знаем, кроме того, чему нас научили и что сказами прошлые учителя, и груз традиции всегда на нас. Поэтому я прежде всего хотел бы узнать для себя, существует ли та Реальность, которая постоянна, та Реальность, – называйте её каким угодно именем, Атманом, или же душой, – что продолжает существовать и после смерти. Я не боюсь смерти. Я видел смерть жены и нескольких своих детей, но меня занимает вопрос реальности этого Атмана. Есть ли во мне эта непреходящая сущность?»

– Когда мы говорим о постоянстве, имеется в виду нечто, продолжающее существовать вопреки окружающим нас постоянным изменениям, вопреки переживаниям, вопреки всем заботам, печалям и жестокостям, – не правда ли? Нечто непреходящее? Прежде всего – как можно это выяснить? Можно ли искать ответ при помощи мысли, при помощи слов? Можно ли найти постоянное при помощи непостоянного? Можете ли вы найти неизменное при помощи того, что постоянно меняется, то есть при помощи мысли? Мысль может придать постоянство какой-нибудь идее, Атману, душе, и может говорить: «Это – реальное», – потому что мысль порождает страх перед этими постоянными изменениями, и исходя из такого страха, мысль ищет нечто постоянное – постоянные взаимоотношения между людьми, постоянство в любви. Но мысль сама непостоянна, мысль сама меняется, так что всё, придуманное ею в качестве постоянного, оказывается таким же непостоянным, как и она. Она может в течение всей жизни цепляться за память и называть эту память постоянным, а потом хочет узнать, будет ли она существовать после смерти. Мысль создала эту вещь, придала ей непрерывность, она вскармливала её день за днём и держится за неё. Это – величайшая иллюзия, так как мысль живёт во времени, и то, что мысль пережила вчера, она вспоминает и сегодня и завтра; из этого рождается время. Так что существует и постоянство времени, и то постоянство, что мысль придала идее конечного достижения истины. И всё это есть порождение мысли: страх, время и достижение, бесконечное становление.

«Но кто же мыслящий? – мыслящий, которому принадлежат эти мысли?»

– Существует ли вообще мыслящий или есть только мысль, создающая мыслящего? И утвердив его, придумывает постоянное, душу, Атмана.

«Вы хотите сказать, что я перестаю существовать, когда я не думаю?»

– Не случилось ли вам когда-нибудь естественно оказаться в таком состоянии, где мысль полностью отсутствует? В таком состоянии осознаёте ли вы себя как мыслящего, наблюдающего, переживающего? Мысль – это ответ памяти, а мыслящий – пучок воспоминаний. Когда нет мысли, существует ли вообще «я», по поводу которого мы так суетимся и шумим? Мы не имеем в виду человека, утратившего память, или погружённого в грёзы, или контролирующего мысль, чтобы привести её в состояние безмолвия, – мы говорим об уме, полностью пробуждённом, полностью бдительном. Если нет мысли и слова, не пребывает ли ум в совершенно ином измерении?

«Несомненно, когда «я» не действует, не утверждает себя – это нечто совершенно иное; но

ведь это не обязательно означает, что «я» не существует – просто потому, что не действует».

– Разумеется, оно существует! «Я», эго, пучок воспоминаний существует. Мы видим его существование только тогда, когда это «я» отвечает на вызов; но оно здесь, быть может, в состоянии сна или же неопределённости, в ожидании очередной возможности откликнуться. Жадный человек большую часть времени занят своей жадностью; могут быть и такие мгновения, когда эта жадность бездействует, но она всегда здесь.

«Так что же такое та живая сущность, которая проявляет себя в жадности?»

– Она всё равно жадность. Их не разделить.

«Я прекрасно понимаю, что вы называете «я», эго, его память, его жадность, самоутверждение, его всевозможные потребности; но разве кроме этого «я» нет ничего другого? Вы хотите сказать, что в отсутствие этого «я» есть только забвение?»

– Когда прекращается крик этих ворон, кое-что остаётся; вот это «кое-что» – болтовня ума: проблемы, беспокойства, конфликты, даже этот интерес к тому, что остаётся после смерти. На вопрос этот можно дать ответ только тогда, когда ум более не жаден, не завистлив. Но для нас важно не то, что существует после исчезновения «я», а скорее то, как покончить со всеми атрибутами этого «я». Это и есть настоящая проблема – не что такое реальность, или существует ли нечто непреходящее, вечное, но может ли ум, столь обусловленный культурой, в которой он живёт, за которую он ответственен, – может ли такой ум освободиться и делать открытия.

«Тогда как мне начать своё освобождение?»

– Вы не можете освободить себя. Вы – семя этого несчастья, и когда вы спрашиваете «как?», вы спрашиваете о методе, который будет разрушать «я», но в этом процессе разрушения «я» вы создаёте другое «я».

«Позвольте задать ещё вопрос: что такое тогда бессмертие? Смертность – это смерть, это путь жизни с его печалью, его болью. Человек вечно искал бессмертия, состояния без смерти».

– Опять, сэр, вы возвращаетесь к вопросу о том, что вне времени, что лежит за пределами мысли. То, что выше мысли, – это чистота, невинность; мысль, что бы она не делала, никогда не сможет коснуться её, поскольку мысль всегда стара. Именно чистота, простота, как и любовь, бессмертна; но для того, чтобы она существовала, ум должен быть свободен от тысячи вчерашних дней с их воспоминаниями. И свобода – это состояние, в котором нет ненависти, насилия и жестокости. Не отбросив всего этого, как можем мы спрашивать о том, что такое бессмертие, что такое любовь, что такое истина?

-6-

Если вы решили медитировать, это не будет медитацией. Если вы намерены быть добрым – доброта не расцветёт никогда. Если культивируете смирение, его не будет. Медитация подобна ветру, который входит, когда вы оставляете окно открытым; но если вы намеренно открываете его, если вы сами приглашаете её войти, она никогда не появится.

Медитация – не путь мысли, ведь мысль – это изошрённость и хитрость, с бесконечными возможностями самообмана, так что мысли не выйди на путь медитации. Медитацией – как и любовью – нельзя заниматься.

Река в то утро была очень спокойна. Вы могли видеть на её поверхности отражения облаков и восходов озимой пшеницы и леса на той стороне. Даже лодка рыбака, казалось, не нарушала покоя реки. Утренняя тишина лежала на земле. Над верхушками деревьев только что восходило солнце; издали слышался чей-то голос; где-то поблизости в воздухе звучал распев санскрита.

Попугаи и скворцы-майны ещё не начали искать пищу; стервятники, угрюмые, с голыми шеями сидели на верхушке дерева, ожидая, что по реке поплывёт падаль. Часто было видно, как

вниз по реке плывёт какое-то мёртвое животное, и стервятник или двое уже сидят на нём, а вокруг суется вороны – в надежде ухватить кусочек. Собака бросалась в воду и плыла к туше, но не находя под ногами опоры, возвращалась на берег и уходила. Мимо проходил поезд, и на весьма длинном мосту слышался грохот стали. А за ним, выше по реке, лежал город.

Утро было наполнено спокойной радостью. Нищета, болезни и боль ещё не шагали по дороге. Через ручеёк был переброшен неустойчивый мостик; считалось, что там, где этот ручеёк грязно-коричневого цвета впадает в большую реку, находится самое священное место; по праздникам туда для омовений приходили мужчины, женщины и дети. Было прохладно, но они как будто не обращали на это внимания. Жрец храма, расположенного через дорогу собирал много денег; так начиналось уродство.

Это был бородатый мужчина, носящий тюрбан. Он занимался каким-то бизнесом и с виду казался процветающим и плотным. Походка его была медленной, а мышление медлительным. Его реакции были ещё более замедленными. Чтобы понять какое-нибудь простое утверждение, ему требовалось несколько минут. Он сказал, что у него есть свой собственный гуру; и вот, проезжая мимо, он почувствовал необходимость прийти, чтобы побеседовать о предметах, казавшихся ему важными.

«Почему выходит так, – спросил он, – что вы выступаете против гуру? Это кажется таким нелепым. Они же знают, а я не знаю. Они могут вести меня, помочь, сказать мне, что надо делать, и спасти меня от многих несчастий и страданий. Они как свет во тьме; нам нужно находиться под их руководством, иначе мы просто потеряем голову, окажемся в смятении, в большом несчастье. Они говорили мне, что я не должен встречаться с вами, ибо те, говорили они, кто не принимает традиционного знания, представляют опасность. Они говорили, что если я буду слушать других, я буду разрушать тот дом, который они так старательно строили. Но искушение прийти и увидеть вас оказалось слишком сильным, и вот я здесь!»

Похоже, что ему было довольно приятно поддаться искушению.

– В чём необходимость гуру? Знает ли гуру больше, чем вы? Что он знает? Если он говорит, что знает, он в действительности не знает; кроме того, слово – это не действительное состояние. Может ли кто-то научить вас этому необычайному состоянию ума? Они могут оказаться способными описать его вам, пробудить ваш интерес, желание обладать им и пережить его, но они не могут дать его вам. Вам нужно идти самому, всё путешествие вам надо проделать в одиночестве; в этом странствии вы будете и собственным учителем и собственным учеником.

«Но ведь всё это очень трудно, неправда ли?» – возразил он. «Ведь можно облегчить эти шаги при помощи тех, кто пережил эту реальность».

– Они становятся авторитетом, и всё, что вам нужно делать, по их мнению, это просто следовать, подражать, повиноваться, приняв тот образ и систему, которую они предлагают. Так вы теряете всякую инициативу, всякое непосредственное восприятие. Вы просто следуете тому, что они считают путём к истине. Но к несчастью, пути к истине не существует.

«Что вы хотите этим сказать?» – воскликнул он, явно потрясённый.

– Люди обусловлены пропагандой и обществом, в котором они воспитаны, каждая религия утверждает, что её собственный путь наилучший. Существует тысяча гуру, которые утверждают, что их метод, их система и их способ медитации – единственный путь, ведущий к истине. И если вы обратили внимание, каждый ученик весьма терпим и снисходителен к ученикам других гуру. Терпимость есть цивилизованное приятие разделения людей – политического, религиозного и социального. Человек придумал множество путей, дающих успокоение каждому верующему, и тем самым мир оказался расколот.

«Вы хотите сказать, что мне необходимо оставить своего гуру? Оставить всё, чему он меня научил? Да я бы тогда заблудился и пропал!»

– Но не должны ли мы заблудиться, чтобы открыть что-то? Мы боимся потерянности, неуверенности, и потому бежим за теми, кто обещает нам рай в религиозной, политической или социальной сфере. Так что в действительности, они поощряют страх и держат нас в плену этого страха.

«Но сумею ли я идти самостоятельно?» – с недоверием в голосе спросил он.

– Ведь было уже так много спасителей, гуру, учителей, политических вождей и философов, и никто из них не спас вас от ваших горестей и конфликтов. Так зачем за ними следовать? Вероятно, возможен совершенно иной подход ко всем нашим проблемам.

«Но достаточно ли я серьёзен, чтобы самому справиться со всем этим?»

– Вы серьёзны только тогда, когда начинаете понимать – не благодаря кому-то другому – те удовольствия, к которым сейчас стремитесь. Вы живёте на уровне удовольствия. Дело не в том, что удовольствия не должно быть, однако если погоня за удовольствием составляет всё содержание вашей жизни, её начало и её конец, тогда совершенно очевидно, что вы не можете быть серьёзным.

«Вы заставляете меня почувствовать себя беспомощным, лишённым всякой надежды».

– Вы чувствуете безнадежность потому, что вам хочется и того, и другого. Вам хочется быть серьёзным, и хочется также иметь все удовольствия, которые может дать вам мир. Но тем не менее, эти удовольствия настолько мелки и незначительны, что вы желаете ещё и добавочного удовольствия, которое называете «Богом». Когда вы сами видите всё это, не в согласии с кем-то, тогда само это видение делает вас и учеником и учителем. Это главное. Тогда вы – и учитель, и обучаемый, и само учение.

«Но вы – гуру», – заявил он. «Вы же научили меня чему-то сегодня утром, и я признаю вас своим гуру».

– Вас ничему не научили, но вы взглянули. Взгляд показал вам что-то. Этот взгляд и есть ваш гуру, если хотите. Но от вас зависит – смотреть или не смотреть. Никто не может заставить вас. Но если вы смотрите потому, что вы хотите получить награду или из страха перед наказанием, – тогда сам этот мотив не даёт вам увидеть. И чтобы видеть, вы должны быть свободны от всякого авторитета, традиции, от страха и мысли с её хитрыми словами. Истина – не где-то в отдалённом месте; она в видении того, что есть. Видеть себя таким, какой вы есть, – с тем осознанием, в котором нет места выбору, – это и начало и конец всех исканий.

-7-

Мысль не может постичь природу пространства или же сформулировать её для самой себя. Все формулировки мысли уже заключают в себе ограниченность её собственных пределов. Это не то пространство, на которое выходит медитация. Мысль всегда имеет горизонт, а для медитативного ума горизонта нет. Ум не способен уйти от ограниченного к необъятному или преобразовать ограниченное в безграничное – одно должно исчезнуть, чтобы другое имело место. Медитация открывает дверь в тот простор, который нельзя вообразить и который не может быть предметом спекуляций. Мысль – это центр, окружённый пространством идеи, и это пространство можно расширить дальнейшими идеями. Но такое расширение при помощи стимулирования в какой-нибудь форме – не тот простор, где нет никакого центра. Медитация – понимание этого центра и тем самым выход за его пределы. Безмолвие и простор идут вместе. Необъятность безмолвия – необъятность ума, в котором никакого центра не существует. Восприятие этого пространства и безмолвия – не от мысли. Мысль может постичь только свою собственную проекцию; признание этого факта является пределом мысли.

Вы проходили через ручеёк по шаткому мостику из бамбука и глины. Ручеёк сливался с

большой рекой и исчезал в водах могучего потока. По дырявому мостику нужно было шагать с некоторой осторожностью. Вы поднимались по песчаному склону, проходили мимо небольшого храма и, чуть дальше, мимо колодца, который был так же стар, как и все колодцы земли. Он находился в углу деревни, где было множество коз и голодных мужчин и женщин, закутанных в грязные одеяния, так как было очень холодно. Они занимались рыболовством в этой большой реке, но при этом всё же оставались очень худыми, истощёнными, уже старыми, некоторые были почти калеками. Ткачи этой деревни выдвигали прекраснейшее шитьё и шёлковые сари, работая в грязных и тёмных комнатках с маленькими оконцами. Ремесло это передавалось по наследству от отца к сыну, а посредники и торговцы наживались на нём.

Вы шли не через деревню, а сворачивали налево, проходя по тропе, ставшей священной, – полагали, что около двух с половиной тысяч лет назад по ней прошёл Будда; чтобы пройти по ней сюда со всех концов страны приходили паломники. Тропа пролегла среди зелёных полей, среди манговых рощ, деревьев гуавы, и разбросанных здесь и там храмов. Здесь была старая деревня, вероятно, старше Будды; здесь находилось множество святилищ и мест, где паломники могли бы провести ночь. Всё это обветшало, оставшись, видимо, без всякого ухода; и повсюду бродили козы. Среди огромных деревьев возвышался один старый тамаринд; на его верхушке сидели стервятники и стая попугаев. Видно было как попугаи прилетают и исчезают в зелёной листве: их цвет был одинаков с цветом листьев, так что вы слышали крики, но увидеть птиц не могли.

По обеим сторонам тропы расстилались поля озимой пшеницы; в отдалении виднелись жители деревни и дым очагов, на которых готовилась пища. Было очень тихо и дым поднимался прямо вверх. Бык, тяжёлый, свирепого вида, но совсем безобидный, брёл по полям, поедая зерно, пока крестьянин перегонял его через поле. Прошедшей ночью дождь прибил густую пыль. День обещал быть жарким, но сейчас небо было покрыто густыми облаками, и идти было приятно даже днём, ощущая запах чистой земли и любуясь красотой местности. Это была очень древняя земля, полная очарования и людской печали, с её нищетой и этими бесполезными храмами.

«Вы много говорили о красоте и о любви, и, послушав вас, я вижу, что не знаю ни что такое красота, ни что такое любовь. Я простой человек, но читал я много, и философские труды и литературу. Предлагаемые там объяснения как будто отличаются от того, что говорите вы. Я мог бы процитировать вам высказывания наших древних мудрецов о любви и красоте, а также и объяснения этого вопроса на Западе, но знаю, что вы не любите цитат, так как в них есть привкус авторитета. Но если вы позволите, сэр, мы могли бы рассмотреть этот вопрос поглубже; тогда, возможно, и я смог бы понять, что могут означать любовь и красота».

– Почему получается так, что в самой нашей жизни столь мало красоты? Почему необходимы музеи с их картинами, их статуями? Зачем вам нужно слушать музыку? Или читать описания пейзажей? Можно научиться хорошему вкусу, и возможно, мы обладаем им от природы, но хороший вкус – это не красота. Есть ли она в вещи, которая сделана, в изящном современном самолёте, в компактном магнитофоне, в современном отеле, в греческом храме – красота линии, очень сложной машины или изгиба прекрасного моста, перекинутого через глубокую пропасть?

«Вы хотите сказать, что в красиво изготовленных и безусловно работающих вещах красоты нет? Что нет красоты в шедеврах искусства?»

– Конечно есть. Когда вы смотрите на внутреннее устройство часов, то оно действительно поражает вас своей тонкостью, и в нём есть определённая красота, как и в древних колоннах из мрамора или в словах поэта. Но если это и есть вся красота, тогда она – всего лишь поверхностный отклик чувств. Когда вы видите одинокую пальму на фоне заходящего солнца – это цвет, тишина вечера и спокойствие этой пальмы заставляют вас почувствовать прекрасное?

– или красота, подобно любви, есть нечто, лежащее по ту сторону осознания и зрения? Есть ли красота дело воспитания, обусловленности, говорящей: «Это – прекрасно, а это – нет»? Есть ли красота вопрос обычая, привычки, стиля, которые говорят: «Это – грязь, а вот это – порядок и расцвет добра»? Если всё дело в обусловленности, тогда красота – продукт культуры и традиции, а потому вовсе не красота. Если красота есть результат или сущность переживания, тогда для человека Запада и человека Востока красота зависит от воспитания и традиции. Но принадлежит ли любовь – как и красота – Востоку или Западу, христианству или индуизму, является ли она монополией государства или идеологии? Очевидно, что ничего подобного.

«Тогда что же это такое?»

– Знаете, сэр, строгая простота в самозабвении и есть красота. Без строгой красоты нет любви; а без самозабвения красота не обладает реальностью. Под строгой простотой мы понимаем не жёсткую дисциплину святого или монаха или комиссара, с их гордым самоотречением, и не дисциплину, дающую им власть и признание. Всё это – не строгая простота. Строгая простота не бывает жёсткой; это не утверждение собственной важности при помощи дисциплины. Это не отказ от удобств, не обеты нищеты или безбрачия. Строгая простота – это полнота разумности. Такая строгая простота возможна только тогда, когда есть самозабвение, она не может появиться благодаря усилию воли, выбору или обдуманному намерению. Действие красоты самозабвенно – как раз любовь и несёт в себе глубочайшую внутреннюю ясность строгой простоты. Красота и есть эта любовь, в которой измерение пришло к концу. Тогда эта любовь, что бы она ни делала, и есть красота.

«Что вы имеете в виду, говоря «что бы она ни делала»? Если налицо самозабвение, нам ничего не остаётся делать».

– Действие неотделимо от того, что есть. Как раз разделение приносит конфликт и безобразие. Когда нет этого разделения, сам процесс жизни оказывается актом любви. Глубокая внутренняя ясность строгой простоты приводит к жизни, в которой нет двойственности. Это – странствие, которое ум должен предпринять для того, чтобы прийти к этой красоте, свободной от слова. И это странствие – медитация.

-8-

Медитация – это тяжёлый труд. Она требует высочайшей формы дисциплины – не приспособления, не подражания, не повиновения, но дисциплины, приходящей благодаря осознанию не только окружающих вас внешних предметов, но и внутренних явлений. Таким образом, медитация – не продукт изоляции, а действие в повседневной жизни, требующее сотрудничества, восприимчивости и разумности. Если не заложен фундамент праведной жизни, медитация становится бегством и поэтому не имеет никакой ценности. Праведная жизнь не означает следование общественной морали – это свобода от зависти, жадности и властолюбия, то есть от всего того, что порождает вражду. Свобода от этих состояний не приходит благодаря деятельности воли – она приходит благодаря их осознанию в процессе самопознания. Без познания деятельности «я» медитация становится чувственным возбуждением и потому значение имеет очень небольшое.

На этой широте почти не бывает сумерек или рассвета, и в это утро река, широкая и глубокая, казалась потоком расплавленного свинца. Солнце ещё не поднялось над землёй, но восток уже светлел. Птицы ещё не начинали своего ежедневного утреннего концерта, и жители деревни не перекликались друг с другом. Утренняя звезда стояла в небе довольно высоко, и по мере того, как вы наблюдали за ней, она становилась всё бледнее и бледнее, – пока над верхушками деревьев не показалось солнце и река не превратилась в поток серебра и золота.

Тогда запели птицы и деревня пробудилась. В тот же миг на подоконнике внезапно появился большой самец обезьяны, серый, с чёрным лицом и густыми волосами надо лбом. У него были чёрные руки; длинный хвост свешивался с подоконника в комнату. Так он сидел, очень спокойный, почти неподвижный, глядя на нас без единого движения. Мы были совсем близко, нас разделяло всего лишь несколько футов. Внезапно он протянул руку, и некоторое время мы держали друг друга за руки. Его рука была жёсткой, чёрной и пыльной, потому что он вскарабкался на крышу и оттуда уже слез на небольшой парапет над окном, спустился вниз и уселся на подоконнике. Он не проявлял никакого напряжения и, удивительное дело, был необычайно приветлив. В нём не было никакого страха, никакой неловкости – он чувствовал себя как дома. Был он, с ним река, теперь ярко-золотая, и по ту сторону зелёный берег и далёкие деревья. Должно быть, мы достаточно долго держали друг друга за руки, затем он почти случайно убрал свою, но всё ещё оставался на месте. Мы глядели друг на друга, и можно было видеть, как сверкали его чёрные глазки, маленькие, полные необычного любопытства. Ему хотелось войти в комнату, но он колебался, затем, вытянув руки и ноги, забрался на парапет, оттуда перебрался на крышу и вскоре исчез. Вечером он опять сидел высоко на дереве и что-то ел. Мы помахали ему, но ответа не последовало.

Этот человек был саньяси, монах, с довольно приятным тонким лицом и чувствительными руками. Он был опрятен, его одеяния были недавно выстираны, хотя и не поглажены. Он сказал, что приехал из Ришикеша, где провёл много лет с гуру, который ныне удалился выше в горы и остался там в уединении. Он сказал, что посетил много ашрамов. Дом свой он оставил много лет назад, когда ему было, возможно, лет двадцать. Вспомнить точно, в каком возрасте это было, он не смог. У него были родители, несколько сестёр и братьев, но он полностью утратил всякую связь с ними. Он проделал весь этот путь потому, что услышал от нескольких гуру, что хорошо бы ему посетить нас, а так же и потому, что он понемногу читал кое-что здесь и там и недавно обсуждал это со своим собратом-саньяси. И вот он здесь. Невозможно было угадать его возраст: ему было уже немало лет, однако голос и взгляд всё ещё оставались молодыми.

«Моя судьба сложилась так, что мне пришлось много странствовать по Индии и посещать различные центры с их гуру, некоторые из них обладали утончённостью, другие невежественны, однако им присуще особое качество, указывающее на некоторое внутреннее содержание, третьи – просто эксплуататоры, раздающие мантры; как раз они-то и бывают часто за границей и приобретают там популярность. Существуют очень немногие, кто остаётся выше всего этого; среди этих немногих и был мой недавний гуру. Теперь он удалился в глухую и отдалённую часть Гималаев. Раз в год мы целой группой посещаем его, чтобы получить благословение».

– Необходима ли изоляция от мира?

«Очевидно, что отказаться от мира необходимо, ибо этот мир нереален, и у нас должен быть гуру, чтобы учить нас, ведь гуру пережил реальность, он поможет тем, кто следует за ним, осознать эту реальность. Он знает – а мы не знаем. Нас удивляют ваши слова о том, что никакой гуру не нужен, – ведь вы идёте против традиции. Вы сами стали гуру для многих людей, а истину не найти в одиночку. Нам необходима помощь, ритуалы, руководство тех, кто знает. Возможно, в конечном счёте может получиться так, что надо будет остаться в одиночестве, но не сейчас. Мы – дети, и мы нуждаемся в помощи тех, кто продвинулся по пути. Мы учимся, только сидя у ног знающего. Но вы как будто отрицаете всё это, и я пришёл серьёзно выяснить, почему это так».

– Посмотрите на эту реку – на утренний свет на реке и эти искрящиеся зелёные и сочные поля пшеницы и те отдалённые деревья. Здесь великая красота; и чтобы постичь её, глаза должны быть полны любви. И слышать грохот этого поезда на стальном мосту так же важно, как и слышать голос птицы. Так что посмотрите – и послушайте воркование этих голубей. Взгляните

вот на это тамариндовое дерево с теми двумя зелёными попугаями. Чтобы глаза видели их, вам необходим контакт с ними – и с рекой, и с этой плывущей мимо лодкой, полной крестьян, гребущих с песнями. Это часть мира. Если вы отрекаетесь от этого, вы отрекаетесь от красоты и любви, потому что вас страшат эти два слова и всё, что за ними скрывается. Красота ассоциируется с чувственной реальностью, её сексуальными проявлениями и с той любовью, которая в это вовлечена. Такое отречение сделало так называемых религиозных людей эгоцентричными, на более высоком, быть может уровне, чем у мирского человека, но это всё же эгоцентризм. Когда у вас нет красоты и любви, у вас нет возможности подойти к этой безмерности. Если вы заглянете в самую суть всех этих саньяси и святых, вы увидите, что красота и любовь от них далеки. Они могут говорить о красоте и любви; но они – жёсткие последователи дисциплины, проникнутые насилием в своих требованиях и самоограничениях. Так что, в сущности, хотя они и могут облачаться в жёлтое одеяние или в чёрную рясу, или в пурпур кардинала, все они – очень мирские люди. Это – профессия, подобная всякой другой профессии; и несомненно, это не то, что называется духовностью. Кое-кому из них следовало бы сделаться бизнесменами, а не принимать позу духовности.

«Но знаете, сэр, вы довольно резки, разве нет?»

– Нисколько, мы просто констатируем факт, факт же не бывает ни резким, ни приятным, ни неприятным; просто так есть. Большинство из нас отказывается видеть вещи такими, каковы они есть. Но всё это вполне очевидно и достаточно явно. Изоляция – это образ жизни, путь этого мира. Каждый человек в силу своей эгоцентрической деятельности изолирует себя, независимо от того, имеет он семью, или нет, говорит ли о сотрудничестве, или о национальности, достижении и успехе. Только когда эта изоляция становится чрезвычайной, возникает невроз, который при наличии таланта иногда и создаёт произведения искусства, хорошую литературу и прочее. И этот уход от мира со всем его шумом, жестокостью, ненавистью, наслаждением представляет собой часть процесса изоляции, не так ли? Только саньяси делает это во имя религии или Бога, а человек, проникнутый соперничеством, принимает его как часть общественной структуры.

В этой изоляции вы приобретаете определённые свойства, и определённое качество суровости и воздержанности, дающее ощущение власти. А власть, будь то власть олимпийского чемпиона, премьер-министра или главы церквей и храмов, всегда одна и та же. Власть в любой форме есть зло, если можно употребить это слово, и человек, имеющий власть, никогда не сумеет отворить дверь к реальности. Поэтому изоляция – не путь.

Для того, чтобы вообще жить, необходимо сотрудничество; но в случае с последователем или с гуру сотрудничества нет. Гуру разрушает ученика, а ученик разрушает гуру. В этих взаимоотношениях учителя и обучаемого – какое может быть сотрудничество, совместная работа, совместное исследование, совместное странствие? Это иерархическое разделение, представляющее собой часть общественной структуры, будь то в сфере религии, в армии или в деловом мире, по сути своей является мирским. И когда человек отрекается от мира, он всё равно в сетях мирского.

Внемирское – это не набедренная повязка, не приём пищи один раз в день, не повторение бессмысленной, хотя и стимулирующей мантры или фразы. Когда вы отказываетесь от мира, но внутренне остаётесь частью этого мира жадности, зависти и страха, притяжения авторитета и разделения на тех, кто знает и тех, кто не знает, – это мирской образ жизни. Когда вы ищете достижений, будь то слава или достижение того, что можно назвать идеалом или Богом или чем вам угодно, – это всё ещё мирское. Здесь налицо воспринятая традиция той культуры, которая по своей сущности является мирской; и уход в горы, подальше от людей не освобождает от мирского. Реальность ни при каких обстоятельствах не лежит в этом направлении.

Необходимо пребывать в уединении, но это уединение – не изоляция. Такая уединённость подразумевает свободу от мира жадности, ненависти и насилия со всеми его тонкими путями, и от болезненного одиночества и отчаяния.

Пребывать в уединении, быть одному, – это быть посторонним, не принадлежать ни к какой религии, ни к какой нации, ни к какому верованию или догме. Это то уединение, что приходит к чистоте, простоте, которая никогда не была затронута человеческим безобразием. Эта чистота, невинность, может жить в нашем мире со всей его суетой и всё же быть не от мира. Она не облачена в какое-то особое одеяние. Расцвет добра не лежит на каком-то пути, ибо пути к истине нет.

-9-

Не думайте, что медитация – это продление и расширение переживания. В переживании всегда налицо свидетель, и он всякий раз привязан к прошлому. Медитация, напротив, – это такое полное бездействие, которое представляет собой окончание всех переживаний. Действие переживания имеет корни в прошлом и потому связано временем; оно ведёт к действию, которое есть бездействие и приносит беспорядок. Медитация есть полнейшее бездействие, исходящее из ума, который видит то, что есть, без вовлечённости в прошлое. Такое действие – не ответ на какой-либо вызов, а действие самого вызова – действие, в котором нет двойственности. Медитация – это опустошение от переживания, и она сознательно или бессознательно продолжается всё время; и потому она не будет действием, ограниченным определённым периодом в течение дня. Это непрерывное действие с утра и до ночи – наблюдение без наблюдающего. Так что нет разделения на повседневную жизнь и медитацию, на религиозную жизнь и жизнь мирскую. Разделение появляется только тогда, когда наблюдатель привязан ко времени. В этом разделении существует беспорядок, горе, смятение; таково состояние общества.

Так что медитация – не индивидуальна и не общественна; она превышает оба этих аспекта, и поэтому она включает их в себя. Это – любовь: расцвет любви и есть медитация.

Утро было прохладным, но по мере того, как оно сменялось днём, становилось довольно жарко; проезжая по узким улочкам города, многолюдным, пыльным, грязным, вы понимали, что такой же будет и каждая новая улица. Вы почти видели взрыв населения. Автомобилю приходилось двигаться очень медленно, так как люди шли по самой середине улицы. Становилось всё жарче. Постепенно, после множества звуковых сигналов, вы с радостью выбрались из города, проехали мимо фабрик и, наконец, оказались за городом.

За городом было сухо. Некоторое время назад прошёл дождь и теперь деревья ждали новых дождей, а ждать им приходилось долго. Вы проехали мимо жителей деревни, мимо скота, повозок, запряжённых волами и буйволами, которые не захотели сходить с середины дороги, а затем миновали древний храм, казавшийся заброшенным, но сохранившем качество древнего святилища. Из леса вышел павлин; его блестящая синяя шея сверкала на солнце. Похоже, на автомобиль он не обратил внимания, поскольку через дорогу перешёл с большим достоинством и исчез в поле.

Затем вы начали подъём на крутые холмы, с глубокими расщелинами по обеим сторонам этих холмов. Теперь становилось прохладнее, деревья были более свежими. После того как некоторое время вы ехали по дороге, вьющейся между холмами, вы подъехали к дому. И к тому времени уже стало совсем темно. Звёзды сделались очень яркими. Казалось, если протянуть руку, можно почти коснуться их. Над землёй распростёрлось молчание ночи. Здесь человек мог оставаться в уединении, свободным от тревог, и он мог без конца глядеть на звёзды и на себя.

Этот человек сказал нам, что вчера тигр убил буйвола и наверное вернётся за ним, – так вот,

не хотим ли мы позже, вечером, увидеть тигра? Мы сказали, что будем очень рады. Он предложил: «Тогда я пойду приготовлю на дереве около трупа убежище, а к дереву привяжу живую козу. Тигр сначала придёт к живой козе, потом же вернётся к старой добыче». Мы ответили, что нам не хотелось бы видеть тигра ценой козы. И вскоре, после недолгого разговора, он ушёл. В тот же вечер наш друг сказал: «Давайте сядем в автомобиль и поедem в лес, и, может быть, нам удастся увидеть этого тигра». И вот ко времени заката мы проехали пять или шесть миль через лес, и, конечно, никакого тигра нигде не оказалось. Тогда мы повернули обратно и включили фары для освещения дороги. Мы оставили всякую надежду увидеть тигра и ехали, не думая о нём. Вдруг, как только мы сделали поворот, он оказался перед нами, посередине дороги, огромный, со сверкающими неподвижными глазами. Автомобиль остановился, и зверь, громадный и угрожающий, рыча двинулся к нам. Теперь тигр был совсем близко от нас, прямо перед радиатором. Затем он обогнул его и прошёл вдоль автомобиля. Мы высунули руку, чтобы тронуть его, когда он проходил мимо, но друг схватил руку и мгновенно вдёрнул её обратно – он знал кое-что о тиграх. Тигр был очень крупным, и сквозь открытые окна можно было почувствовать его запах – и запах этот был не отталкивающим. В нём чувствовалась свирепая энергия, огромная сила и красота. Продолжая рычать, тигр скрылся в лесу, а мы отправились домой своим путём.

Он приехал с семьёй – с женой и несколькими детьми; он казался не слишком процветающим, хотя все члены его семьи были хорошо одеты и упитаны. Дети какое-то время сидели молча, пока им не разрешили выйти поиграть – тогда они радостно вскочили и выбежали за дверь. Отец их занимал какую-то государственную должность; это была просто работа, которую надо было выполнять, не боле того. Он спросил: «Что такое счастье? – и почему выходит так, что счастье не может продолжаться всю нашу жизнь? У меня были моменты великого счастья, но также и моменты глубокой печали. Я очень старался жить в счастье – но в жизни всегда существует печаль. Возможно ли сохранить счастье?»

– Что такое счастье? Когда вы счастливы – вы знаете об этом? Или вы узнаете только в следующее мгновение, когда счастья больше нет? Удовольствие – это счастье? Может ли удовольствие быть постоянным?

«Я полагаю, сэр, что удовольствие, по крайней мере для меня, составляет часть того счастья, которое я знал. Я не могу даже представить себе счастье без удовольствия. Удовольствие – первичный инстинкт человека, и если вы его отнимите, как можно быть счастливым?»

– Мы исследуем вопрос о счастье, не так ли? И если вы заранее делаете какое-то допущение, или имеете мнение, или выносите суждение по данному вопросу, то вы не можете пойти очень далеко. Для исследования сложных человеческих проблем свобода должна быть с самого начала. Если у вас её нет, вы уподобитесь животному, привязанному к столбу и способному двигаться лишь в пределах того, что позволяет ему верёвка. Так бывает всегда. У нас имеются общие представления, формулы, верования и переживания, которые нас ограничивают, и в таком положении мы пытаемся что-то рассмотреть, оглядеться вокруг, но это естественным образом препятствует очень глубокому исследованию. Поэтому, если позволите посоветовать, не предполагайте ничего заранее, не будьте убеждённым, не верьте, но пользуйтесь глазами, способными видеть очень ясно. Если счастье – удовольствие, оно также и страдание. Вы не можете отделить удовольствие от страдания. Разве они не идут всегда вместе?

Итак, что такое удовольствие и что же такое счастье? Вы знаете, сэр, что если, рассматривая цветок, отрывать его лепестки один за другим, то вообще не останется никакого цветка. У вас в руках останутся только его обрывки, и обрывки не составляют красоты цветка. Так что, глядя на вопрос, интеллектуальным анализом мы не занимаемся, этим бы мы сделали

весь предмет сухим, бессодержательным, пустым. Мы смотрим на него глазами, которые очень осторожны, глазами, которые понимают, которые прикасаются, но не рвут. Поэтому, прошу вас, не разрывайте его – и не уходите с пустыми руками. Оставьте аналитический ум в покое.

Удовольствие поддерживается мыслью – не так ли? Мысль может придать ему постоянство, кажущуюся продолжительность, которую мы и называем счастьем; и так же мысль может придать продолжительность печали. Мысль говорит: «Это мне нравится, а это не нравится; это мне хотелось бы удержать, а вот это отбросить». Но мысль создала и то, и другое, и теперь счастье стало образом мысли. Когда вы говорите: «Я хочу остаться в этом состоянии счастья», – вы и есть мысль, вы – память о прошлом переживании, которое называете удовольствием и счастьем.

Итак, прошлое, вчерашний день или множество давнишних вчерашних дней, которые и есть мысль, – это прошлое говорит: «Мне хотелось бы жить в том состоянии счастья, которое у меня было». Вы превращаете мёртвое прошлое в действительность настоящего, и вы боитесь утратить его завтра. Так вы построили цепь непрерывности. Корни этой непрерывности – в пепле вчерашнего дня, а потому она ни коим образом не будет живой. Ничто не может расцвести на пепле, но мысль – это пепел. Так что вы сделали счастье произведением мысли – и для вас оно действительно является произведением мысли.

Но есть ли что-либо другое, кроме удовольствия, страдания, счастья и печали? Существует ли блаженство и экстаз, не затронутые мыслью? Ведь мысль весьма тривиальна, в ней нет ничего оригинального. Задавая этот вопрос, мысль должна отказаться от самой себя. Когда мысль отказывается от самой себя, имеет место дисциплина самозабвения, которая становится благодатью строгой простоты. Тогда строгая простота не является жёсткой и грубой. Жёсткая строгость – продукт мысли, её отвращение к наслаждению, к поблажкам, к потаканию своим слабостям.

От этого глубокого самозабвения, когда мысль забывает себя, поскольку она ясно видит свою собственную опасность, вся структура ума успокаивается. Это поистине состояние чистого внимания – и из него приходит блаженство, экстаз, который невозможно выразить в словах. Когда он выражен словами, в нём нет реальности.

-10-

Медитация – движение в тишине. Безмолвие ума есть способ действия. Действие, рождённое из мысли, является бездействием, которое порождает беспорядок. Это безмолвие ума – не продукт мысли и не прекращение болтовни ума. Спокойный ум возможен только тогда когда спокоен сам мозг. Клетки мозга – клетки, которые столь долго обуславливались, чтобы реагировать, проецировать, защищать, утверждать, – эти клетки становятся спокойными лишь тогда, когда они видят то, что есть на самом деле. Из этого безмолвия возникает действие, которое не будет причиной беспорядка; оно возможно только тогда, когда не стало наблюдающего, когда нет центра, того, кто переживает, – потому что тогда само видение оказывается действием. Видение возможно только из безмолвия, в котором все оценки и моральные ценности окончились.

Этот храм был старше своих богов. Боги оставались – узники храма, – но сам храм был гораздо более древним. Толстые стены и колонны коридоров были украшены резными фигурами лошадей, богов, ангелов. Они обладали особым качеством красоты, и когда вы проходили мимо, появлялись мысли о том, что случилось бы, если бы все они, включая и самое сокровенное божество, ожили.

Говорили, что этот храм, и в особенности его сокровенное святилище, восходит к

невообразимой древности. Когда вы бродили по различным коридорам, освещённым утренним солнцем, с их резкими, ясными тенями, вы раздумывали о том, что же всё это такое – как так вышло, что человек создал богов из собственного ума, вырезал их своими руками, поместил их в храмы и в церкви и поклоняется им?

Храмам древних времён свойственны странная красота и мощь. Кажется, что они рождены из самой земли. Храм этот был почти также стар, как человечество; божества, находившиеся в нём, были облачены в шелка и увиты гирляндами; их пробуждали ото сна песнопениями, благовониями, звуками колокольчиков. Казалось, благовония, сжигавшиеся в течение многих прошлых столетий, пропитывают весь храм, такой огромный и занимающий, должно быть несколько акров.

Похоже, люди шли сюда со всех концов страны, и богатые и бедные, но только лица определённого класса допускались в само святилище. Вы входили туда через низкую каменную дверь, переступая через парапет, стёртый от времени. Снаружи святилища стояли каменные хранители, а когда вы входили во внутрь храма, там оказывались жрецы, обнажённые до пояса, торжественные, величественные, поющие гимн. Все они были довольно полными людьми, с большими животами и с тонкими руками. Их голоса были хриплыми, ведь пели они эти гимны уже много лет; Бог или Богиня был почти бесформенным. Должно быть, когда-то было и лицо, но черты его почти стёрлись. Драгоценным украшениям, должно быть, не было цены.

Когда пение прекратилось, воцарилось молчание, как если бы сама Земля прекратила своё вращение. Солнечные лучи не проникали сюда, и свет давали только фитили, горевшие в масле. Эти фитили закоптили потолок, и всё было погружено во тьму, полную тайны.

Всем богам нужно поклоняться в темноте и в тайне, иначе они просто не существуют.

Когда вы выходили на яркий свет солнца и глядели на синее небо и на высокие, колеблемые ветром пальмы, вам было непонятно, почему это человек поклоняется самому себе в виде образа, который он сам сделал собственными руками и умом. Страх и такое восхитительное синее небо казались такими далёкими друг от друга.

Это был молодой человек, опрятный, с резкими чертами лица, блестящими глазами и быстрой улыбкой. Мы сидели на полу в небольшой комнате; окна её выходили в маленький сад. Сад был полон роз, от белых до почти чёрных. На ветке, головой вниз, висел попугай с блестящими глазами и красным клювом; он глядел на другую, гораздо меньшую птичку.

Он говорил по-английски довольно хорошо, но в подборе слов был несколько нерешителен и в этот момент выглядел серьёзным. Он спросил: «Что такое религиозная жизнь? Этот вопрос я задавал нескольким гуру, и все они давали мне стандартные ответы. Мне хотелось бы, если можно, задать этот вопрос вам. У меня была хорошая работа, но поскольку я не женат, я оставил её, так как я глубоко увлечён религией и хочу выяснить, что значит жить религиозной жизнью в столь безрелигиозном мире».

– Вместо этого вопроса, что такое религиозная жизнь, не лучше ли спросить, если позволите предложить, что такое жизнь? Тогда, быть может, мы сумеем понять, что такое подлинно религиозная жизнь. Так называемая религиозная жизнь различна от страны к стране, от секты к секте, от верования к верованию, и человек страдает от пропаганды организованных религий и их особых интересов.

Если мы сможем отставить всё это в сторону – и не только верования, догмы и ритуалы, но также респектабельность, которая вовлечена в культуру религий, – тогда, может быть, мы смогли бы выяснить, что такое религиозная жизнь, не затронутая мыслью человека.

Но прежде чем сделать это, давайте, как мы сказали, выясним, что такое жизнь. Подлинное содержание этой жизни – ежедневная нудная работа, рутина, с её борьбой и конфликтом; это боль одиночества, беды и грязь нищеты и богатства, честолюбие и стремление к

самоутверждению, успех и печаль – и этим перекрывается всё поле нашей жизни. Именно это мы и называем жизнью – выигрыш и проигрыш битвы и бесконечная погоня за наслаждением.

В противоположность этому, как бы по контрасту, существует то, что называют религиозным образом жизни или духовной жизнью. Но противоположность содержит в себе самое семя своей противоположности, и потому хотя она и может казаться чем-то отличным от неё, но на самом деле это не так. Вы можете сменить наружное одеяние, но внутренняя сущность того, что было, и того, что должно быть, остаётся всё той же. Эта двойственность – продукт мысли, и потому она снова порождает конфликт; и коридор этого конфликта бесконечен. Всё это нам известно, нам об этом рассказали другие или мы почувствовали это сами, и всё это мы называем жизнью.

Религиозная жизнь – не на том берегу реки, она здесь, на этом берегу, на той стороне, где находятся все тяготы человека. Именно это нам необходимо понять, и действие понимания есть религиозный акт – не тело, посыпанное золой, не набедренная повязка, не митра, не принадлежность к власти имущим, не езда на слоне.

Видеть всё состояние человека в целом, его наслаждения и горести – вот что имеет первостепенное значение, – а не всякие рассуждения о том, чем должна быть религиозная жизнь. То, что должно быть, – миф; это мораль, созданная мыслью и воображением, и человеку необходимо отвергнуть эту мораль – социальную, религиозную, индустриальную. Такое отрицание – не от интеллекта; оно представляет собой действительный уход от стереотипа той морали, которая сама аморальна.

Поэтому вопрос в действительности стоит так: возможно ли выйти из этого стереотипа? Именно мысль и создала эту ужасающую путаницу и несчастье, именно она стала препятствием и для религии и для религиозной жизни. Мысль полагает возможным для себя выйти из этого стереотипа; но если она это сделает, это всё равно будет актом мысли, ибо мысль не обладает реальностью и потому создаст ещё одну иллюзию.

Выход за пределы стереотипа не является актом мысли. Это следует ясно понять, иначе вы снова очутитесь в темнице мысли. Ведь в конце концов, «вы» – это пучок памяти, традиции, знания тысячи вчерашних дней. Поэтому выйти из мира войны, ненависти и насилия можно только с окончанием скорби, ибо скорбь есть результат мысли. Этот акт выхода и есть религиозная жизнь. В этой религиозной жизни нет никаких верований, потому что в ней нет завтрашнего дня.

«Не требуете ли вы невозможного, сэр? Не требуете ли вы чуда? Как я могу выйти из всего этого без мысли? Ведь мысль – это самое моё существо!»

– В том-то и дело! Само это существо, которое и есть мысль должно окончиться. Сам этот эгоцентризм со всеми видами его деятельности должен легко и естественно умереть. Одна лишь его смерть будет началом новой религиозной жизни.

-11-

Если вы намеренно принимаете определённую позу для того, чтобы медитировать, некоторое положение тела, медитация становится игрушкой, умственным развлечением. Если вы решаете освободиться от путаницы и горестей жизни, медитация окажется переживанием воображения, что не медитация. Ни сознательный ум, ни бессознательный ум не должны принимать в ней никакого участия, не должны даже осознавать всей широты и красоты медитации; если они осознают их, вам можно с таким же успехом пойти и купить какой-нибудь занимательный роман.

В тотальном внимании медитации нет познавания, нет узнавания, нет воспоминания чего-

либо происшедшего. Время и мысль целиком и полностью пришли к концу, ибо они есть центр, который ограничивает своё собственное видение.

В момент света мысль угасает; сознательное усилие пережить свет и воспоминание о нём – это слово, которое было. Но слово – никогда не действительность. В это мгновение света, которое вне времени, наивысшее и конечное проявляется непосредственно; но это наивысшее и конечное не имеет символа, оно не принадлежит никому, никакому божеству.

Этим утром, особенно в столь ранний час, долина была необыкновенно спокойной. Перестала ухать сова, и не было слышно ответного уханья её супруга с далёких холмов. Не лаяла ни одна собака и деревня ещё не пробудилась. На востоке виднелось свечение, предвещавшее рассвет, и ещё был виден Южный Крест. Не было слышно даже шёпота листьев, и, казалось, сама Земля остановила своё вращение. Вы могли почувствовать безмолвие, коснуться его, ощутить его запах, и оно обладало этим свойством проникновения. Это безмолвие не было внешним, не было спокойствием холмов или деревьев; вы были его частью. Безмолвие и вы не были чем-то отдельным. Разделение на шум и безмолвие не имело смысла. И эти холмы, тёмные, без движения, принадлежали безмолвию, как и вы.

Это безмолвие было весьма деятельным. Оно не было отрицанием шума и в то утро странным образом проникало сквозь окно подобно какому-то аромату – и вместе с ним пришло некое ощущение, некое чувство абсолюта. Когда вы смотрели из окна, исчезало расстояние между всеми предметами, и глаза ваши раскрывались вместе с рассветом и видели всё заново.

«Меня интересуют вопросы секса, социального неравенства и проблема Бога. В жизни имеют значение только эти предметы – больше ничего. Политика, религии с их жрецами, обещаниями, ритуалами и верованиями, кажутся столь оскорбительными. Они не дают настоящего ответа ни на один вопрос, никогда не разрешили реально ни одной проблемы, они способствовали только отсрочке решения. Все они разными способами осуждали секс, все они поддерживали неравенство в обществе; а бог их ума – это камень, который они покрыли любовью и сентиментальностью. Лично мне это совершенно не нужно. Говорю это только для того, чтобы мы могли отставить всё это в сторону и заняться только тремя вопросами: сексом, социальным неустройством и тем, что называется Богом.

Для меня секс необходим как хлеб. Природа создала мужчину и женщину, и наслаждение ночи. Для меня это так же важно, как раскрытие той истины, которая может быть названа Богом. И так же важно сочувствовать своему ближнему, как и любить свою женщину. Секс проблемой не является. Я наслаждаюсь им, но во мне существует страх перед чем-то неизведанным, я должен понять эти страх и боль – не как проблему, подлежащую разрешению, но скорее как нечто, во что мне нужно углубиться, чтобы по-настоящему от него очиститься. Поэтому я хотел бы рассмотреть вместе с вами эти вопросы, если у вас есть на это время».

– Нельзя ли начать с последнего вопроса, а не с первого? – тогда, пожалуй, можно будет глубже понять и другие проблемы, и тогда они, возможно, будут иметь не то содержание, которое способно им придать наслаждение.

Чего вы хотите – укрепить свою убеждённость или же увидеть реальность по-настоящему? – не пережить её, а действительно увидеть сердцем и умом, которые будут чрезвычайно внимательными и ясными? Убеждение – одно, а видение – другое. Убеждённость ведёт к тьме, как ведёт к ней и вера. Она приводит вас в церковь, в тёмные храмы к приятным ощущениям ритуалов. На этом пути нет реальности – там существует только фантазия, обстановка, созданная воображением, которая наполняет церковь.

Если вы отвергаете страх, убеждения не нужны, но если вы привязаны к убеждениям и догме, страх берёт верх. Убеждения не обязательно связаны с религиозными санкциями; они появляются и тогда, когда вы не принадлежите ни к какой религии. У вас может существовать

ваше собственное индивидуальное верование, исключаяющее другие, но оно не будет светом ясности. Мысль делает вложение в какое-то верование, чтобы предохранить себя от страха, который она же и породила. И путь мысли – это не свобода внимания, которое видит истину.

Неизмеримое нельзя искать мыслью, так как мысль всегда имеет меру. Возвышенное – вне структуры мысли и рассудка, не продукт эмоции и чувства. Отрицание мысли – это внимание, отрицание мысли – это любовь. Если вы ищете высочайшего, то вы его не найдёте; оно должно прийти к вам, если вам повезёт, и везением здесь будет открыто окно вашего сердца, не мысли.

«Но ведь это довольно трудно, не правда ли? Вы предлагаете отвергнуть всю мою структуру, отвергнуть «я», которое я весьма старательно питал и поддерживал. Я думал, что наслаждение тем, что можно называть Богом, будет непреходящим. Это моя защита, в этом вся моя надежда и моя радость; и вот вы предлагаете мне, чтобы я всё это отбросил. Разве это возможно? И действительно ли я хочу этого? Кроме того, разве вы не пообещаете мне что-нибудь в качестве награды, если я всё это отброшу? Конечно, я вижу, на самом деле вы и не предлагаете мне награду, но могу ли я действительно, не только на словах, отбросить полностью то, чем всегда жил?»

– Если вы попытаетесь отбросить это преднамеренно, оно станет конфликтом, страданием и нескончаемым горем. Но если вы увидите истину этого, как видите истину этого светильника, его мерцающий свет, фитиль и бронзовую подставку, – тогда вы вступите в другое измерение. В этом измерении любовь не порождает общественных проблем; там нет расовых, классовых или интеллектуальных разделений. Ведь только неравный чувствует необходимость в равенстве. Именно тот, кто стоит наверху, нуждается в сохранении своей отдалённости, своего класса, своих обычаев. А стоящий внизу постоянно старается стать высшим; угнетённый стремится стать угнетателем. Так что только законодательство – хотя такое законодательство и необходимо – не приведёт к концу разделение с его жестокостью; не покончит оно и с разделением между трудом и положением в обществе. Мы используем работу для приобретения статуса, и начинается весь цикл неравенства. Нельзя устранить проблемы общества при помощи морали, изобретённой этим же обществом. У любви нет морали, и любовь – не реформа. Когда любовь становится наслаждением, страдание неизбежно. Любовь – не мысль, а именно мысль даёт наслаждение, сексуальное наслаждение и наслаждение своими достижениями. Мысль усиливает наслаждение данного момента и придаёт ему длительность. Размышляя об этом наслаждении, мысль придаёт ему живой характер и следующего мгновения наслаждения. Эта потребность наслаждения и есть то, что мы называем сексом, не правда ли? Ему способствует огромная масса привязанности, нежности, заботливости, дружбы и прочего; но через всё это тянется нить боли и страха. А мысль своей деятельностью сообщает этой нити неразрывность.

«Но вы не можете устранить наслаждение из секса! Я живу этим наслаждением – и я люблю его. Для меня оно гораздо более важно, чем обладание деньгами, чем положение или престиж. Я вижу, что наслаждение приносит с собой боль, но наслаждение преобладает над болью, так что это меня не беспокоит».

– Когда этому наслаждению, столь для вас восхитительному приходит конец – с возрастом, в результате несчастного случая, со временем, – тогда вы в ловушке; и тогда вашей тенью становится печаль. Но любовь – не наслаждение, она – не продукт желания; вот почему, сэр, человек должен войти в иное измерение. В нём наши проблемы – и вообще все проблемы – оказываются разрешёнными. Без этого, что бы вы ни делали, остаются скорбь и смятение.

рекой взад и вперёд, другие же парили высоко в небе, описывая широкие круги и едва шевеля крыльями. Парившие наверху большей частью были стервятники, и в ярком солнце они казались просто пятнышками, державшимися против ветра. На земле они были неповоротливыми, со своими голыми шеями и широкими тяжёлыми крыльями. Несколько стервятников сидело на тамариндовом дереве, а вороны дразнили их. Одна ворона особенно преследовала стервятника, стараясь на него взобраться. Стервятнику это надоело, и он взлетел; надоедавшая ему ворона подлетела сзади – и уселась стервятнику на спину прямо на лету. Зрелище было действительно любопытным: стервятник с чёрной вороной на нём; ворона как будто получала полнейшее удовольствие, а стервятник старался избавиться от неё. Наконец ворона улетела за реку и исчезла в лесу.

Из-за реки прилетели попугаи; они летели зигзагами, криком оповещая о своём прибытии весь мир. Они были ярко-зелёными с красными клювами; несколько из них уселось на тамариндовом дереве. Утром они улетали вниз по реке, и иногда сразу же возвращались с хриплыми криками, но чаще отсутствовали весь день, прилетая обратно поздно вечером оттуда, где крали зерно на полях и плоды, какие они могли найти. Вы видели их среди листьев тамаринда всего несколько секунд, а затем они исчезали. Вы не могли рассмотреть их как следует среди мелкой зелёной листвы дерева. В стволе дерева было дупло, в котором они жили, самцы и самки; они казались такими счастливыми, когда, крича от радости они вылетали оттуда. Вечером и рано утром солнце прокладывало дорожку через реку – золотую утром, серебряную вечером. И нет ничего удивительного в том, что люди поклоняются рекам; это лучше, чем поклоняться изображениям со всеми ритуалами и верованиями. Река была живой, глубокой и полной, всегда в движении; а в лужах около берега вода застаивалась и загнивала.

Каждый человек изолирует себя в луже и там разлагается; он никогда не вступает в полное течение реки. Каким-то образом эта река, сильно загрязнённая людьми в её верхнем течении, в средне становилась чистой, сине-зелёной и глубокой. Это была прекрасная река, особенно рано утром, до восхода солнца; она была такой тихой, неподвижной – цвета расплавленного серебра. А когда солнце поднималось над деревьями, река становилась золотой – но затем снова превращалась в серебряную дорожку; и её вода оживала.

В этой комнате – с окнами на реку – было прохладно, почти холодно: стояла ранняя зима. Человек, сидевший напротив вместе с женой, был молод; жена была ещё моложе. Мы сидели на ковре, расстеленном на довольно холодном твёрдом полу. Для них не было интересно смотреть на реку, и когда им указали на неё, на её широту, её прелесть, зелёный берег с другой стороны, они согласились с вежливым жестом. Они проделали порядочный путь с севера, ехали автобусом и поездом, им не терпелось поговорить о том, что занимало их ум; река – что-то такое, на что можно посмотреть позже, когда будет время.

Он сказал: «Человек никогда не может быть свободным; он связан семьёй, детьми, работой. И до самой смерти у него существуют какие-то обязанности. Разумеется, – добавил он, – если человек не станет саньяси, монахом».

Он видел необходимость быть свободным и чувствовал при этом, что свобода – нечто недостижимое для него в этом мире соперничества и жестокости. Жена слушала его с несколько удивлённым видом; ей было приятно видеть, что муж способен быть серьёзным и может очень хорошо выражаться по-английски. Это давало ей некоторое чувство гордости, свойственной обладанию. Он ничего этого не замечал, так как она сидела немного позади.

«Возможно ли когда-нибудь быть свободным?» спросил он. «Некоторые политические писатели и теоретики, такие как коммунисты, утверждают, что свобода – какое-то буржуазное понятие, недостижимое и нереальное, – тогда как в демократическом мире много говорят о

свободе. То же самое делают и капиталисты, и, конечно, её проповедует и обещает любая религия, хотя при этом все религии следят за тем, чтобы сделать человека узником их особых верований и идеологий, опровергая свои обещания своими действиями. Я пришёл сюда выяснить – не только на уровне интеллекта, – способен ли человек, способен ли я, быть действительно свободным в этом мире. Я взял отпуск на работе, чтобы приехать сюда; на два дня я свободен от работы, от конторской рутины, от обыденной жизни городка, где я живу. Если бы у меня было больше денег, я был бы более свободным и мог бы ездить куда хочу и делать что хочу, – и я, может быть, занимался бы живописью или путешествовал. Но это невозможно, поскольку жалование моё невелико, и у меня есть обязанности; я узник своих обязанностей».

Жена не могла разобраться во всём этом, но насторожилась при слове "обязанности". Может быть, она усомнилась, не хочет ли он оставить дом и странствовать по земле.

«Вот эти обязанности, – продолжал он, – и мешают мне быть свободным, как во внешней, так и во внутренней жизни. Я могу понять, что человек не в состоянии быть вполне свободным от мира почты, рынка, учреждения, и тому подобных вещей, и я не ищу свободы в этой сфере. Что я пришёл выяснить – возможно ли вообще быть внутренне свободным?».

На веранде ворковали голуби, перелетавшие с места на место, а из окна доносились резкие крики попугаев, и солнце сверкало на их ярко-зелёных крыльях.

– Что такое свобода? Это идея или чувство, которое порождается и взращивается мыслью, потому что она оказалась в плену проблем, тревог и тому подобного? Или свобода – результат, награда, вещь, которая находится в конце процесса? Свобода ли это, когда вы освобождаетесь от гнева? Или это способность делать то, что вы хотите сделать? Свобода ли это, когда вы считаете обязанность бременем – и отбрасываете её? Когда вы противитесь или уступаете – это свобода? Может ли мысль дать эту свободу, может ли дать её какое-либо действие?

«Боюсь, вам придётся продвигаться немного медленнее».

– Противоположна ли свобода рабству? Вот когда вы находитесь в тюрьме, знаете это, осознаёте все стесняющие ограничения тюрьмы, строите в воображении образ свободы – это свобода? Может ли воображение когда-либо дать свободу – или это причуда мысли? Что мы действительно знаем и что действительно существует – так это рабство, и рабство не только по отношению к внешним предметам, к дому, к семье, к работе, но рабство и во внутренней жизни, по отношению к наслаждению, которое доставляют господство и обладание, к страху, к вашим достижениям и к столь многому другому. Когда успех приносит большое наслаждение, мы никогда не говорим о свободе от него, мы даже не думаем о ней. Мы говорим о свободе лишь тогда, когда налицо боль. Мы связаны всем этим как во внутренней, так и во внешней жизни; и такое рабство – это именно то, что есть. А сопротивление тому, что есть, мы и называем свободой. Мы противимся тому, что есть, или мы убегаем от него или пытаемся его подавить – надеясь, благодаря этому прийти к какой-нибудь форме свободы. Во внутренней сфере мы знаем только два явления – рабство и сопротивление; и сопротивление создаёт рабство.

«Извините, я совсем этого не понимаю».

– Когда вы сопротивляетесь гневу или ненависти, что имеет место в действительности? Вы возводите стену против ненависти, но она всё ещё здесь, и стена просто скрывает её от вас. Или вы решаете не сердиться; но эта решимость есть часть гнева, и само противодействие ему усиливает гнев. Вы можете увидеть это внутри самого себя, если вы понаблюдаете за тем, что происходит. Если вы сопротивляетесь, контролируете, подавляете или стараетесь преодолеть – всё это одно и то же, так как всё это действия воли, – вы делаете стену противодействия более толстой, а потому становитесь всё более поработанным, ограниченным, мелочным. И вот исходя именно из этой мелочности, из этой ограниченности, вы хотите быть свободным; но

само это желание являет собой реакцию, которая сразу же создаёт другую преграду, ещё большую мелочность. Так мы и движемся – от одного противодействия, от одной преграды, к другому, придавая иногда этой стене сопротивления иную окраску, иное качество, какое-нибудь благородное название. Но сопротивление – это рабство, а рабство – это боль.

«Означает ли это, что во внешней жизни следует позволить каждому толкать себя, как ему заблагорассудится, а во внутренней – отпустить вожжи гнева и тому подобное?»

– Кажется, вы и не слушали того, что было сказано. Когда дело касается удовольствия, вы не возражаете против его толчков, против чувства наслаждения; но когда этот толчок становится болезненным, тут вы сопротивляетесь. Вы хотите быть свободным от боли, однако держитесь за удовольствие. Удерживание удовольствия и есть сопротивление.

Реагировать – естественно; если вы не реагируете физически на укол булавки, это значит, что у вас нечувствительность к боли. Так же и во внутренней жизни: если вы не реагируете, значит с вами творится что-то неладное. Но важен тот способ, каким вы реагируете, природа реакции, а не сама реакция. Когда вам кто-то льстит, вы реагируете; и реагируете, когда кто-то оскорбляет вас. В обоих случаях существует сопротивление: в первом сопротивление связано с удовольствием, во втором – со страданием. Вы сохраняете одно, другое же игнорируете, или желаете с ним бороться. Но и то и другое – сопротивление. Как удержание, так и отторжение являются формой сопротивления; а свобода – не сопротивление.

«Могу ли я реагировать без сопротивления, связанного с удовольствием или страданием?»

– А что думаете вы, сэр? Что чувствуете вы? Кому вы задаёте этот вопрос – мне или самому себе? И если на этот вопрос вам отвечает кто-то посторонний, какой-то посторонний посредник, тогда вы полагаетесь на него, тогда такая опора становится авторитетом, а это и означает сопротивление. Тогда вы снова желаете освободиться, уже от этого авторитета! Так как же вы можете задавать этот вопрос другому человеку?

«Вы могли бы указать мне на ответ; ведь если я сам увижу его, не будет никакого авторитета, не правда ли?»

– Но мы указали вам на то, что действительно есть. Сумейте увидеть то, что действительно есть, не реагируя на это удовольствием и болью. Свобода – это видение. Видеть – это свобода. Вы можете видеть только в свободе.

«Это видение может быть актом свободы, но какое воздействие оно окажет на моё рабство – которое представляет собой то, что есть, – на то самое, что увидено?»

– Когда вы говорите, что видение может быть актом свободы, это предположение, так что и ваше видение – тоже только предположение. Тогда на самом деле вы не видите того, что есть.

«Не знаю, сэр. Я вижу, что моя тёща изводит меня. Перестанет ли она так вести себя от того, что я увижу это?»

– Сумейте увидеть действия тёщи и сумейте увидеть свои реакции, без последующих реакций удовольствия и страдания. Сумейте увидеть их в свободе. Тогда ваше действие может проявиться в том, чтобы не обращать на её слова никакого внимания или же просто выйти из комнаты. Но когда вы таким образом выходите из комнаты, или не обращаете на неё внимания, это уже не сопротивление. Такое осознание без выбора – это свобода. Действие, проистекающее из этой свободы, нельзя предсказать, нельзя систематизировать или же облечь в рамки общепринятой морали. Это осознание без выбора не принадлежит какой-либо политике, какому-либо "изму"; оно не продукт мысли.

«Я хочу познать Бога!» – произнёс он с горячностью; слова эти он почти выкрикнул. Стервятники сидели на своём обычном дереве; на мосту грохотал поезд; продолжала течь река, здесь она была очень широкая, очень спокойная, глубокая. Этим ранним утром вы могли издали почувствовать запах воды, и стоя на высоком берегу над рекой, вы могли ощутить этот запах, его свежесть, чистоту в утреннем воздухе. День ещё не испортил его. Через окно доносились крики попугаев, летевших на поля, а позднее они вернутся к тамаринду. Целые дюжины ворон летали высоко в небе взад и вперёд через реку; потом они также усядутся на деревья и среди полей по ту сторону реки. Стояло ясное зимнее утро, холодное, яркое; на небе не было ни облачка. Пока вы наблюдали за светом раннего утреннего солнца на реке, медитация продолжалась. Сам свет был частью этой медитации, когда вы глядели на яркую пляску воды среди спокойного утра – глядели не умом, придающим всему какой-то смысл, но глазами, которые видят свет и ничего больше.

Свет, подобно звуку, – нечто необыкновенное. Существует свет, который живописцы стараются нанести на свои полотна; есть свет, улавливаемый фотографическим аппаратом; есть свет одинокого светильника в тёмной ночи или свет на лице другого человека, свет, скрытый в глубине его глаз. Свет, видимый для глаз, – не свет на воде; этот свет настолько отличен, он настолько обширен, что не может войти в узкое поле глаза. Подобно звуку, он находится в непрерывном движении – внешнем и внутреннем, – как морской прилив. И если вы оставались очень спокойным, вы шли вместе с ним – не в воображении, не в чувственном переживании; вы шли вместе с ним, не зная об этом, вне временных измерений.

К красоте этого света, как и к любви, не следует прикасаться, не следует облекать её в слова. Но она была здесь – в тени, на улице, в доме, в окне по ту сторону дороги и в смехе этих детей. Без этого света то, что вы видите, так незначительно, ибо в этом свете – всё; этот свет медитации стоял на воде. Он снова будет здесь вечером, и ночью, и тогда, когда солнце поднимется над деревьями и превратит реку в золото. Медитация есть тот свет внутри ума, который освещает путь действию; и без этого света нет любви.

Это был крупный мужчина, чисто выбритый, и голова его была также обрита. Мы сидели на полу в этой комнатке с видом на реку. Пол был холодный, так как стояла зима. Он держался с достоинством, как человек, владевший немногим и не слишком опасавшийся того, что о нём говорят люди.

«Я хочу познать Бога. Я знаю, в наше время этот предмет вышел из моды. Студенты, подрастающее поколение – со всеми их мятежами, с их политической деятельностью, с их разумными и неразумными требованиями – насмеются над всякой религией. Они тоже вполне правы – посмотрите, что сделали с ней священнослужители! Естественно, молодое поколение ничего этого не желает. По их представлениям и храмы и церкви существуют для эксплуатации человека. И они нисколько не доверяют иерархическому жреческому взгляду на жизнь, со всякими спасителями, церемониями и прочим вздором. Я согласен с ними; я помогал некоторым из них бунтовать против всего этого. Но сам я всё ещё хочу познать Бога. Я был коммунистом, но давно вышел из партии, потому что и у коммунистов также есть свои божества, свои догмы и свои теоретики. Я был настоящим, ревностным коммунистом, ведь вначале они наобещали всем нечто – великую, подлинную революцию. Но теперь у них всё идёт так же, как у капиталистов; они пошли по привычному пути мира. Я же брался за социальные реформы, я деятельно занимался политикой; но всё это осталось позади, потому что я не думаю, что человек когда-нибудь освободится от своего отчаяния, тревоги и страха при помощи науки и техники. Пожалуй, для этого существует только один путь. Я никоим образом не суеверен. И не думаю, что хоть сколько-нибудь боюсь жизни. Я прошёл через всё это, и, как видите, передо

мною ещё много лет жизни. Я хочу узнать, что такое Бог. Я спрашивал об этом некоторых странствующих монахов, и тех, кто вечно повторяет: «Бог есть, вам нужно только взглянуть», и тех, кто стал мистиком и предлагает какой-то метод. Я остерегаюсь всех этих ловушек. Поэтому я здесь; я чувствую, что мне необходимо выяснить это».

Некоторое время мы посидели в молчании. Мимо окна с криками проносились попугаи, и свет отражался на их ярко-зелёных крыльях и на красных клювах.

– Вы полагаете, что можете это выяснить? Вы думаете, что придёте к решению благодаря поискам? Вы думаете, что можете пережить это? Вы думаете, что мерка вашего ума подойдёт к неизмеримому? Как вы собираетесь это выяснить? Как вы узнаете? Как сможете распознать?

«На самом деле я не знаю», – ответил он. «Но я узнаю, когда это будет иметь место в действительности».

– Вы хотите сказать, что узнаете это своим умом, своим сердцем, своим разумом?

«Нет, Познание не зависит ни от какого из этих факторов. Я очень хорошо знаю опасности внешних чувств, и я осознаю, как легко создаются иллюзии».

– Познать – это пережить, не правда ли? Пережить – значит узнать, а узнавание – это память и ассоциации. Если то, что вы понимаете под "познанием", есть результат прошлого события, памяти, того, что случилось раньше, тогда это познание того, что было. Можете ли вы познать то, что происходит сейчас, что действительно имеет место? – или познать это вы способны лишь спустя мгновение, когда всё уже прошло? То, что действительно происходит, пребывает вне времени; а познание всегда во времени. Вы же смотрите на происходящее глазами времени, которые дают происходящему наименование, переводят на свой язык и регистрируют. Именно это и называется познанием, будь оно результатом анализа или мгновенным узнаванием. Вы хотите ввести в это поле познания то, что находится по ту сторону этого холма или за этим деревом. И вы настаиваете на том, что вам необходимо познать это, необходимо пережить это и удержать. Можете ли вы удержать в уме или руке эти струящиеся воды? То, что вы удерживаете, это слово, увиденное вашими глазами, а также это увиденное, облачённое в слова, и память об этих словах. Но память – не эта вода, и никогда она ею не будет.

«Прекрасно, – сказал он, – как же тогда я соприкоснусь с этим? За свою долгую и полную труда жизнь я обнаружил, что человека ничто не спасёт, никакой социальный институт, никакой социальный стереотип, ничто; тогда я перестал читать. Но человека необходимо спасти, он как-то должен выбраться из этого положения; и моя настоятельная потребность найти Бога – вопль огромной тревоги о человеке. Это распространяющееся насилие поглощает человека. Я знаю все доводы за и против него. Когда-то у меня была надежда, но сейчас я уже лишён всякой надежды. Я по-настоящему дошёл до конца своих возможностей. Я задаю этот вопрос не в состоянии отчаяния, не для того, чтобы обновить свою надежду. Я просто не могу увидеть какой-либо свет. Поэтому я и пришёл задать этот единственный вопрос: можете ли вы помочь мне раскрыть реальность – если эта реальность есть?»

Опять мы помолчали некоторое время. И воркование голубей овладело комнатой.

«Я понимаю, что вы имеете в виду. Никогда раньше я не погружался в такое глубокое безмолвие. Вопрос – здесь, вне этого безмолвия, и когда я гляжу на вопрос из этого безмолвия, он перестаёт существовать. Итак, вы хотите сказать, что в этом полном и непреднамеренном безмолвии и заключено неизмеримое?»

Ещё один поезд с грохотом проходил мост.

– Это открывает доступ всей глупости и истерии мистицизма – неясному, невразумительному чувству, которое порождает иллюзию. Нет, сэр, мы не это имеем в виду. Это тяжкий труд – устранить все иллюзии: политические, религиозные, иллюзии будущего. Мы

никогда не открываем что-нибудь сами. Мы думаем, что открываем, и это одна из величайших иллюзий, которая и есть мысль. Рассмотреть ясно эту путаницу, это безумие, которое человек соткал вокруг себя, – тяжёлый труд. Вам нужен очень и очень здоровый ум для того, чтобы видеть и быть свободным. Эти два фактора, видение и свобода, абсолютно необходимы. Свобода от стремления видеть, свобода от надежды, которую человек всегда возлагает на науку, на технику, на открытия религии. Эта надежда порождает иллюзию. Видеть это есть свобода, и когда существует свобода, вы ничего не призываете. Тогда сам ум стал неизмеримым.

-14-

Это был старый монах, почитаемый многими тысячами. Он хорошо ухаживал за телом; его голова была выбрита; на нём было обычное одеяние саньяси шафранового цвета. В руках у него был большой посох, выдавший многие виды, на ногах изношенные пляжные туфли. Мы сели на высоком берегу на скамью, обращённую к реке; справа от нас находился мост, слева река уходила вниз широким изгибом. Этим утром противоположный берег скрывался в густом тумане, и вы могли видеть только верхушки деревьев; казалось, будто они плывут по разлившейся реке. Не чувствовалось ни малейшего дуновения воздуха, и ласточки кружились внизу, у самой поверхности воды. Та река была очень древняя и священная; люди приходили из очень далёких мест, чтобы умереть на её берегах и быть сожжёнными здесь. Её почитали, её восхваляли в песнопениях, считали самой священной. В неё бросали всевозможные отбросы; в ней купались люди, пили её воду, стирали одежду; на берегах виднелись медитирующие с закрытыми глазами, сидевшие очень прямо, неподвижно. Река давала всё в изобилии, но человек загрязнял её. В сезон дождей река поднималась на двадцать-тридцать футов, унося прочь всю грязь и покрывая землю илом, который на её берегах служил крестьянам удобрением. Река текла крупными изгибами, и иногда можно было видеть, как мимо проплывали целые деревья, вырванные с корнем сильным течением. Вы также могли увидеть, как по реке плывут мёртвые животные, а на их трупах сидят стервятники и вороны и дерутся друг с другом; иногда из реки выплывала рука, нога или даже всё тело человека.

В то утро река была прекрасна, на ней не было ни малейшей ряби. Другой берег казался далёким. Солнце поднялось уже несколько часов назад, но туман ещё не рассеялся, и река продолжала течь как некое таинственное существо. Монах был очень хорошо знаком с этой рекой; он провёл на её берегах многие годы в окружении своих учеников и считал почти непреложным фактом, что она будет здесь всегда, будет жить, пока жив человек. Он привык к ней, это-то и было прискорбно. Теперь он смотрел на реку глазами, видевшими её многие тысячи раз. Мы привыкаем к красоте и к безобразию, и тогда свежесть дня исчезает.

«Почему вы, – довольно властным голосом спросил он, – против морали, против писаний, которые мы считаем самыми священными? Вас, вероятно, испортил Запад, где свобода является распущенностью, где за немногими исключениями люди даже не знают, что означает подлинная дисциплина. Очевидно, вы не читали ни одной из наших священных книг. Я был здесь вчера утром, когда вы вели беседу, и просто пришёл в ужас от того, что вы говорили о божествах, о жрецах, о святых и о гуру. Как может человек жить без всего этого? Если он живёт так, он становится материалистом, мирским, чрезвычайно жестоким человеком. Вы, похоже, отрицаете всё знание, которое мы почитаем как самое священное. Почему? Я знаю, вы серьёзны. Многие годы издалека мы следили за вами, наблюдали за вами, как за своим братом; мы думали, вы принадлежите к нам. Но с тех пор, как вы отреклись от всего этого, мы стали чужими, и мне кажется, стоит тысячу раз пожалеть о том, что мы идём разными путями».

– Что такое священное? Священны ли изображение в храме, слово, символ? Где пребывает

святость? В том дереве, или в той крестьянке, несущей тяжёлую ношу? Вы вкладываете святость в те предметы, которые считаете святыми, достойными, полными значения, не правда ли? Но какую ценность имеет изображение, вырезанное руками или созданное умом? Эта женщина, это дерево, эта птица, эти живые существа, похоже, имеют для вас только мимолётную, преходящую ценность. Вы разделяете жизнь на то, что священно, и на то, что не является священным, на безнравственное и нравственное. Такое разделение порождает несчастье и насилие. Или всё священно, или нет ничего священного. Или то, что вы говорите, ваши слова, ваши мысли, ваши песнопения серьёзны – или они существуют, чтобы обманывать ум, чтобы погрузить его в своеобразное очарование, которое становится иллюзией и потому совсем не серьёзно. Существует нечто священное, но оно не в слове, не в статуе, не в образе, построенном мыслью.

Он выглядел несколько озадаченным; он не совсем понимал, куда это приведёт, поэтому он прервал: «В данный момент мы и не обсуждаем, что священно, а что нет; мне скорее хотелось бы знать, почему вы осуждаете дисциплину?»

– Дисциплина, как её обычно понимают, есть подчинение стереотипу глупых социальных, политических или религиозных требований или правил. Это подчинение подразумевает подражание, подавление или какую-либо форму преодоления фактически имеющегося состояния, не правда ли? В такой дисциплине присутствует, несомненно, постоянная борьба, конфликт, искажающий качество ума. Мы подчиняемся из-за обещанной или в надежде ожидаемой награды. Человек дисциплинирует себя для того, чтобы что-то приобрести. Он повинует и подчиняется, чтобы что-то достичь, и стереотип, будь он коммунистическим или религиозным или своим собственным, становится авторитетом. В этом совершенно нет никакой свободы. Дисциплина означает "учиться"; а учиться означает отвергать всяческий авторитет и повиновение. Видение всего этого – не процесс анализа; видеть всё, входящее в структуру этой дисциплины, – само по себе дисциплина, которая состоит в том, чтобы изучать всё, касающееся этой структуры. Это и есть истинная дисциплина, так как вы учитесь, а не подчиняетесь. Для того, чтобы учиться, нужна свобода.

«Значит ли это, – спросил он, – что вы делаете просто то, что вам хочется? Что вы пренебрегаете авторитетом государства?»

– Разумеется нет, сэр. Естественно вам надо подчиняться закону государства или полисмена, пока такой закон не подвергнется изменению. Вам нужно вести автомобиль по одной стороне дороги, не по любой её стороне, по ней же движутся и другие автомобили, так что следует руководствоваться правилами дорожного движения. Если бы мы делали только то, что нам хочется, – мы так или иначе исподтишка это и делаем, – имел бы место полнейший хаос; как раз именно это и происходит. Бизнесмен, политик и почти каждый человек под покровом добропорядочности стремится удовлетворить свои собственные тайные желания и влечения, и это производит хаос во всём мире. Мы хотим прикрыть всё это, приводя и вводя в действие законы, правила, наказания и тому подобное. Это не свобода. В мире существуют люди, у которых имеются священные книги, древние или современные. Они повторяют отрывки из них, перекладывают на песни, бесконечно цитируют, но в глубине своих сердец они полны насилия, алчности, жажды власти. Имеют ли эти так называемые священные книги вообще какое-то значение? Они лишены реального значения. Что важно, так это крайний эгоизм человека, его постоянное насилие, ненависть, вражда – а не книги, не храмы, не церкви, не мечети.

Под одеянием монаха скрывается страх. Монах имеет собственные влечения, он горит желанием; и его одеяние – просто бегство от этого факта.

Пытаясь преодолеть эти мучения человека, мы тратим наше время на ссоры по поводу того,

какие книги в сравнении с другими считать самыми священными; и это крайне несерьёзно.

«Тогда вы должны отрицать и традицию... Так?»

– Переносить прошлое в настоящее, переводить движение настоящего на язык прошлого – значит разрушать живую красоту настоящего. Эта страна – как почти каждая страна – отягощена традицией, укрепившейся и в дворцах и в деревенской хижине. В традиции нет ничего священного – какой бы она не была, древней или современной. Мозг несёт память вчерашнего дня, которая и есть традиция, – и мозг боится освободиться от неё, потому что не может встретить новое. Традиция становится нашей защитой, но когда ум защищён, находится в безопасности, он разлагается. В странствие следует отправляться без всякого груза, легко, без всякого усилия, никогда не останавливаясь ни у какой святыни, ни у какого памятника, никогда не задерживаясь ни ради какого героя, общественного, религиозного, наедине с красотой и любовью.

«Но мы, монахи, всегда в одиночестве, разве это не так?» – спросил он. «Я отказался от мира и дал обет бедности и целомудрия».

– Вы не одиноки, сэр, так как сам этот обет связывает вас – как связывает человека и обет, даваемый им при заключении брака. Разрешите обратить ваше внимание на то, что вы не одиноки и потому, что вы – индуист, точно также вы не были бы одиноки, будучи буддистом, мусульманином, христианином или коммунистом. Вы связаны позицией и обязательствами – как же может человек быть одиноким, когда он внутренне связан чем-то, когда он отдал себя какой-либо форме идеологии, которая влечёт за собой свою собственную особую деятельность? Само это слово "одинокий" значит то, что оно выражает: "не подверженный влиянию, чистый, свободный и целостный, не фрагментированный". Когда вы один, вы способны жить в этом мире, но всегда будете посторонним. Тогда возможно законченное действие и сотрудничество; ибо любовь всегда целостна.

-15-

В то утро река отливала матовым серебром, было облачно и холодно. Листья были покрыты пылью. Всюду она лежала тонким слоем – в комнате, на веранде и на стуле. Становилось холоднее; должно быть в Гималаях выпал обильный снег; можно было чувствовать пронизывающий ветер с севера, и птицы чувствовали его. Но в то утро река обладала каким-то странным, своим собственным движением; казалось, ветер не рябит её воду, она выглядела почти неподвижной, имея качество вневременности, которое кажется присуще всем водам. Как она была прекрасна! Не удивительно, что люди почитали её как священную реку. Вы могли сидеть здесь, на этой веранде, и медитативно наблюдать её бесконечно. Вы не грезили; мысли ваши не текли ни в каком направлении – они просто отсутствовали.

И наблюдая свет на этой реке, вы как бы теряли себя, а закрывая глаза, погружались в пустоту, полную благословения. Это было блаженством.

Этим утром он пришёл опять, теперь уже с каким-то молодым человеком, – тот же монах, который беседовал о дисциплине, о священных книгах и власти традиции. Его лицо было свежeweмытым, как и его одеяние. Молодой человек казался несколько нервным. Он пришёл с монахом, который, вероятно был его гуру, и ждал, чтобы тот заговорил первым. Он смотрел на реку, но думал о другом. И вот саньяси сказал:

«Я опять пришёл, но на этот раз, чтобы поговорить о любви и чувственности. У нас, принявших обет целомудрия, имеются свои проблемы с чувственностью. Обет – лишь средство

противодействия нашим неконтролируемым желанием. Теперь я старый человек, и эти желания меня больше не сжигают. До принятия обета я был женат. Жена моя умерла, я оставил дом и пережил мучительный период невыносимых биологических побуждений; я боролся с ними ночью и днём. Это было очень трудное время, полное одиночества, разочарования, страха сойти с ума, невротических взрывов. Даже сейчас я не осмеливаюсь думать об этом слишком много. И этот молодой человек пришёл со мной потому, что та же самая проблема, как я думаю, существует и у него. Он хочет оставить мир и принять обет бедности и целомудрия, как сделал я. Я беседовал с ним в течение многих недель, и думаю, может оказаться полезным, если мы оба сможем поговорить с вами об этой проблеме, проблеме секса и любви. Надеюсь, вы не станете возражать, если мы побеседуем с полной откровенностью».

– Если мы собираемся рассматривать этот предмет, я прежде всего предложил бы не начинать рассмотрение исходя из какой-то позиции, какого-то положения или принципа, поскольку это помешает нашему исследованию. Если вы настроены против секса или настаиваете на том, что секс необходим для жизни, что он является частью жизни, любое такое допущение препятствует подлинному пониманию. Нам следует отбросить всякие готовые выводы и тем самым быть свободными, чтобы смотреть, исследовать.

Упали первые редкие капли дождя, и птицы утихли, так как вот-вот должен был хлынуть ливень, листья ещё раз будут свежими и зелёными, полными света и цвета. Чувствовался запах дождя; на землю опустилось странное спокойствие, наступающее перед бурей.

– Итак, у нас две проблемы – любовь и секс. Одно – абстрактная идея, другое – действительная повседневная биологическая потребность – факт, который существует, который не может быть отрицаем. Давайте сначала выясним, что такое любовь – не как абстрактная идея, а как нечто действительно существующее. Что это такое? Есть ли это всего лишь чувственная радость, культивируемая мыслью как наслаждение, как воспоминание о переживании, которое дало большое удовольствие или сексуальное наслаждение? Есть ли это красота солнечного заката, или тоненький листик, который вы трогаете или видите, или аромат цветка, который вы вдыхаете? Является ли любовь наслаждением или желанием? Или она не является ничем из этого? Можно ли разделить любовь на священную и мирскую? Или она – нечто неделимое, целостное – то, что не может быть расколото мыслью? Существует ли она без объекта? Или она обязательно вызывается каким-то объектом? Возникает ли она у вас потому, что вы увидели лицо женщины? Тогда любовь – ощущение, желание и наслаждение, которым мысль придаёт длительность. Или любовь – ваше внутреннее состояние, которое реагирует на красоту нежностью? Любовь есть нечто, культивируемое мыслью? – и потому важным становится предмет мысли; или любовь никак не связана с мыслью, а потому независима и свободна? Без понимания этого слова и скрытого за ним смысла, мы обречены на мучения, или станем сексуальными невротиками, или окажемся поработанными сексом.

Любовь нельзя разбить на части мыслью. Когда мысль разбивает её на куски – на безличную и личную, на чувственную и духовную, на любовь к моей стране и к вашей стране, к моему божееству и к вашему божееству, – это более не любовь, это что-то совершенно иное: продукт памяти, пропаганды, удобства, комфорта и тому подобного.

Является ли секс продуктом мысли? Секс – наслаждение и блаженство и партнёрство и нежность, присутствующие в нём, – является ли всё это только воспоминанием, усиленным мыслью? В половом акте есть самозабвение, ощущение отсутствия страха, тревоги и житейских забот. Вспоминая это состояние нежности и самозабвения и требуя его повторение, вы как бы пережевываете его, каким оно было, до следующего случая. Нежность ли это, или просто воспоминание о том, что уже прошло и чем вы с помощью повторения, надеетесь завладеть

опять? Не является ли повторение чего бы то ни было, каким бы приятным оно ни было, разрушительным процессом?

Молодой человек внезапно обрёл дар речи:

«Секс, как вы сами сказали, – биологическая потребность; и если он разрушителен, не будет ли разрушительной в той же мере и еда, поскольку она тоже биологическая потребность?»

– Если человек ест, когда он голоден, – это одно. Если же человек голоден, и мысль говорит: "Я должен почувствовать вкус такой-то и такой-то пищи", – тогда это мысль, и именно это и есть разрушительный процесс.

«Как вы узнаете, что в сексе – биологическая потребность, подобная голоду, а что – психологическое побуждение, подобное жадности?» – спросил молодой человек.

– Почему вы разделяете биологическую потребность и психологическое побуждение? И вот ещё один, совершенно иной вопрос: почему вы отделяете секс от видения горы, прелести цветка? Почему вы придаёте такую огромную важность одному и полностью пренебрегаете другим?

«Если секс – нечто совершенно отличное от любви, как вы, кажется, сказали, есть ли тогда вообще какая-либо необходимость заниматься сексом?» – спросил молодой человек.

– Мы никогда и не говорили, что любовь и секс – две отдельные вещи. Мы сказали: любовь целостна, её нельзя разбить, тогда как мысль по своей природе фрагментарна. Когда господствует мысль – любви нет, это же очевидно. Обыкновенно человек знает – возможно, только его он и знает – секс мысли, то есть пережёвывание жвачки удовольствия и его повторения. Поэтому нам приходится спросить: существует ли какой-либо ещё род секса, не порождённый мыслью или желанием?

Саньяси слушал всё это со спокойным вниманием. Теперь он заговорил: «Я сопротивлялся сексу, я принял обет против него, потому что в силу традиции и рассуждений увидел, что человеку нужно обладать энергией для жизни, посвящённой религии. Но теперь я вижу, что на само это сопротивление потребовалось много энергии. И я потратил больше времени на сопротивление сексу, израсходовал на это больше энергии, чем когда-либо потратил на сам секс. Поэтому теперь мне понятно сказанное вами – конфликт любого рода есть пустая трата энергии. Конфликт и борьба гораздо более омертвляют нас, чем видение женского лица и даже, возможно, чем сам секс».

– Существует ли любовь без желания, без наслаждения? Существует ли секс без желания, без наслаждения? Существует ли любовь, которая целостна, в которую не вступает мысль? Секс – это что-то прошлое, или это каждый раз новое? Мысль очевидно стара, поэтому мы всегда противопоставляем старое и новое. Задаём вопросы мы, исходя из старого, и получить ответы хотим в терминах старого. Поэтому когда мы спрашиваем: "Существует ли секс без этого действующего, работающего механизма мысли?", – не означает ли это, что мы не вышли из старого? Мы настолько обусловлены этим старым, что никак не нащупаем своего пути в новое. Мы сказали, что любовь целостна и всегда новая – новая не как противоположность старому, ведь это опять таки было бы старым. Любое утверждение о том, что существует секс без желания, совершенно бессодержательно, но если вы проследили всё значение мысли, вы, может быть, придёте к иному. Если, однако, вы настаиваете на том, что должны любой ценой получать своё наслаждение – любви не будет.

Молодой человек сказал: «Та биологическая потребность, о которой вы говорили, именно этого и требует, ведь именно она порождает мысль, хотя и может отличаться от мысли».

«Пожалуй, я мог бы ответить моему юному другу, – сказал саньяси, – ибо сам испытал всё это. Годами я приучал себя не глядеть на женщину. Я безжалостно подавлял биологическую

потребность. Биологическая потребность не порождает мысль – это мысль захватывает её, мысль превращает эту потребность в образы и в картины – и вот тогда потребность оказывается работой мысли. Именно мысль порождает эту потребность в большинстве случаев. Я уже говорил вам, что начинаю видеть необычайную природу нашего самообмана и нашей нечестности. В нас так много лицемерия. Мы никогда не можем видеть вещи такими, каковы они есть, но должны создавать иллюзии о них. То, что вы, сэр, говорите нам, – смотреть на всё ясным взором, без воспоминаний о вчерашнем дне; вы так часто повторяли это в своих беседах. Тогда жизнь не превращается в проблему. И вот только к старости я начинаю это понимать».

Молодой человек казался не вполне удовлетворённым. Он хотел жить на своих условиях, в своих границах, соответственно той формуле, которую он так старательно построил.

Вот почему очень важно познавать себя, но не по какой-то формуле, не в согласии с каким-то гуру. Это постоянное осознание без выбора приводит к концу все иллюзии и всякое лицемерие.

Теперь дождь лил как из ведра, и воздух был очень тихим; слышался только звук воды, падавшей на крышу и на листья.

Медитация – не просто переживание чего-то, выходящего за пределы повседневных мыслей и чувств; это и не погоня за видениями и радостями. Незрелый и убогий маленький ум может иметь и имеет видения расширенного сознания, и у него бывают переживания, которые он опознаёт в соответствии с собственной обусловленностью. Эта незрелость вполне способна к успеху в этом мире, к достижению славы и известности. Гуру, которым она следует, демонстрируют то же качество и состояние. Медитация не принадлежит к таким, как они. Она не для ищущего, ибо ищущий находит именно то, что он хочет; и то утешение, которое он из этого извлекает, – это мораль его собственных страхов.

Человек веры и догмы, что бы он ни делал, не может вступить в область медитации. Чтобы медитировать, необходима свобода. Это не медитация сначала, а свобода потом; свобода – тотальное отрицание социальной морали и ценностей – есть первое движение медитации. Это не общественное мероприятие, где многие могут сообща возносить молитвы. Медитация стоит одиноко, она всегда вне границ социального поведения. Ибо истина – не в предметах мысли, не в том, что мысль составила и назвала истиной. Полное отрицание всей этой структуры мысли в целом – вот несомненная реальность медитации.

Море в то утро было очень спокойное; оно было очень синее, почти как озеро, и небо было ясным. У края водной поверхности летали чайки и пеликаны – в своём медленном полёте пеликаны почти касались воды тяжёлыми крыльями. Небо – очень голубое; далёкие холмы, выжженные солнцем, за исключением нескольких кустов. С этих холмов слетел бурый орёл, пролетел над ложиной и скрылся среди деревьев.

Свет в этой части мира обладает особенным качеством глубокого проникновения и блеска, который не слепит глаза. Чувствовался запах сумаха, апельсинов и эвкалиптов. Дождей не было уже много месяцев, и трещины рассекали обожжённую высохшую землю. Иногда на холмах вы замечали оленя, а однажды, взбираясь на холм, выдели медведя, пыльного и всклокоченного. По тропе часто проползали гремучие змеи; изредка можно было видеть рогатую жабу. На той тропе вы вряд ли встретите кого-либо. Тропа была пыльной, каменистой и чрезвычайно тихой.

Прямо перед вами появилась перепёлка со своими птенцами. Их было больше дюжины, и все они не двигались, претворяясь, что не существуют. Чем выше в гору вы поднимались, тем более диким казалось место, так как оно было совершенно необитаемым, поскольку здесь не было воды. Не было также видно птиц, и почти совсем не было деревьев. Солнце палило сильно; его жар как будто вгрызался в вас.

На этой большой высоте, неожиданно, очень близко от вас появилась гремучая змея; чтобы вас предостеречь, она издала хвостом пронзительный треск. Вы отскочили. Она была там, эта гремучая змея со своей треугольной головой, нацеленной на вас, свернувшаяся спиралью и с гремящими кольцами хвоста в центре. Вы глядели на неё, а она не спускала с вас своих немигающих глаз. Некоторое время вы следили за ней, за её полным и гибким туловищем, за её угрозой; страха не было. Затем, видя, что вы продолжаете наблюдать, змея распрямилась, перестала направлять на вас голову и хвост и начала отползать. Когда вы шагнули к ней, она снова свернулась, поместив хвост в середину, вновь готовая к прыжку. Вы играли в эту игру некоторое время, пока змея не устала; оставив её, вы спустились к морю.

Это был прелестный дом с окнами на лужайку, выбеленный внутри, хороших пропорций. В

холодные ночи зажигали камин. Было так приятно наблюдать за пламенем с тысячью язычков и множеством теней. Не было слышно никакого шума, кроме неумолкающего рокота моря.

В комнате собралась небольшая группа из двух-трёх человек; шёл разговор на общие темы, о современной молодёжи, о кино и о прочем. Затем один из присутствующих сказал: «Можно задать вопрос?» И как будто стало жалко тревожить синее небо и холмы. «Мы хотим спросить, что для вас означает время. Нам более или менее известно, что говорят об этом учёные и авторы научно-фантастических книг. Мне кажется, что человек всегда был захвачен этой проблемой времени, этими бесконечными "вчера" и "завтра". С самой глубокой древности до сегодняшнего дня время занимало ум человека. О нём размышляли философы, религии давали ему собственные объяснения. Нельзя ли нам поговорить об этом?»

– Будем ли мы рассматривать этот вопрос достаточно глубоко или вы хотите коснуться его лишь поверхностно и на этом кончить дело? Если мы собираемся говорить об этом серьёзно, тогда нам необходимо забыть, что говорят религии, что говорят философы и все прочие, так как в действительности вы не можете доверять никому из них. Не доверяем мы им не просто в силу чёрствого безразличия или высокомерия, мы только видим: чтобы выяснить нечто, нужно отставить в сторону все авторитеты. Если мы готовы к этому, тогда, пожалуй, мы можем войти в это очень просто.

Существует ли вообще время, помимо времени по часам? Мы принимаем на веру столь многое; в нас настолько внедрено повиновение, что приятие кажется естественным. Но существует ли вообще время вне этого множества вчерашних дней? Обладает ли оно протяжённостью в виде "вчера", "сегодня" и "завтра" – и существует ли время без вчерашнего дня? Что даёт продолжение тысяче вчерашних дней?

Причина приносит свой результат – а этот результат в свою очередь становится причиной; между ними нет разделения, это одно движение. Это движение мы называем временем – и через это движение в наших глазах и в наших сердцах, мы видим всё. Мы видим глазами времени, и мы переводим настоящее на язык прошлого; и вот такой перевод встречает завтрашний день. Такова цепь времени.

Мысль, захваченная этим процессом, задаёт вопрос: что такое время? Сам этот вопрос – от механизма времени. Так что он не имеет смысла, ведь мысль есть время. Вчерашний день произвёл мысль, и поэтому мысль делит пространство на "вчера", "сегодня" и "завтра". Или мысль говорит: "Есть только настоящее", – забывая, что и само это настоящее есть результат вчерашнего дня.

Наше сознание сделано из этой цепи времени; и находясь в его границах, мы спрашиваем: "Что такое время? И если времени нет, что происходит со вчерашним днём?" Подобные вопросы – внутри поля времени, и на вопрос о времени, заданный мыслью, никакого ответа нет.

Или нет ни завтрашнего дня, ни вчерашнего, но есть только настоящий момент, только теперь? Этот вопрос задан не мыслью. Он задан, когда видна структура и природа времени, – но видна глазами мысли.

Действительно ли существует "завтра"? Конечно, существует, если мне нужно поспеть на поезд; но внутренне – существует ли завтрашний день страдания, удовольствия, достижения? Или существует только "теперь", не связанное со вчерашним днём? Время останавливается только тогда, когда останавливается мысль. Вот в это мгновение остановки существует "теперь". Это "теперь" не является идеей, оно – действительный факт, но только тогда, когда весь механизм мысли пришёл к концу. Ощущение "теперь" полностью отличается от слова, которое принадлежит времени. Поэтому не будем захвачены словами "вчера", "сегодня" и "завтра". Осознание данного момента существует только в свободе, а свобода – не культивирование

мысли.

Тогда возникает вопрос: "Что такое действие настоящего момента?" Мы знаем лишь действие, которое от времени и памяти, – и промежуток между "вчера" и "сейчас". В этом промежутке, или в пространстве, начинается вся путаница, начинается конфликт. В действительности мы задаём вопрос: "Если вообще нет никакого промежутка – что такое действие?" Сознательный ум может сказать "Я сделал что-то спонтанно", – однако в действительности это не так; не существует такого явления, как спонтанность, поскольку ум обусловлен. Действительность – единственный факт, действительность – "теперь". И поскольку мысль не способна его встретить, она строит его образы. Промежуток между образом и тем, что есть, – это несчастье, которое создала мысль.

Видеть то, что есть без вчерашнего дня – это и есть "теперь". "Теперь" – это молчание вчерашнего дня.

-2-

Медитация – движение, которое никогда не кончается. Вы никогда не можете сказать, что вы медитируете или что вы отвели какой-то период времени для медитации. Это не в вашей власти. Её благословление не приходит к вам потому, что вы живёте упорядоченной жизнью или следуете особому распорядку или морали. Медитация приходит лишь тогда, когда ваше сердце по-настоящему открыто – открыто не ключом мысли, не застраховано от опасности при помощи интеллекта, а когда оно так же открыто, как открыто безоблачное небо; и тогда медитация приходит без вашего ведома, без вашего призыва. Но вы никогда не в состоянии удержать её, сохранить её или поклоняться ей. Если вы попытаетесь, она никогда не вернётся; что бы вы ни делали, она будет избегать вас. В медитации вы не важны, вам в ней нет места; её красота не в вас, а в ней самой. К этому вы ничего не можете прибавить. Не смотрите из окна в надежде застать её врасплох, не сидите в затемнённой комнате, ожидая её; она приходит только тогда, когда вас совсем нет, и её блаженство не имеет продолжения.

Горы смотрели вниз на бесконечное синее море, расстилавшееся на мили. Холмы были почти голые, выжженные солнцем, с небольшими кустами, а в их складках виднелись деревья, спалённые солнцем и огнём; но они всё же были там, цветущие и очень спокойные. В особенности одно из них, огромный старый дуб, казалось, господствовал над всеми окружающими его холмами. А на вершине другого холма было мёртвое дерево, сожжённое огнём; оно стояло обнажённое, серое, без единого листа. Когда вы смотрели на эти горы, на их красоту, на их линии на фоне синего неба, вам казалось, что это одинокое дерево поддерживает небо. У него было множество ветвей, но все мёртвые и оно более никогда не почувствует весну. И всё же дерево было интенсивно живым, грандиозным и прекрасным; вы чувствовали себя частью этого дерева, чувствовали себя одиноким, без всякой опоры, вне времени. Казалось, оно будет здесь вечно, как и огромный дуб в долине. Одно дерево жило, другое было мёртвым, но оба они были единственными предметами, имевшими значение среди этих обожжённых солнцем и опалённых огнём холмов, ожидающих дождей зимы. Вы видели всю жизнь, включая вашу собственную, в этих двух деревьях – одном живом, другом мёртвом. Между ними пребывала любовь, скрытая, невидимая, нетребовательная.

Под домом жила мать с четырьмя своими малышами. В день нашего прибытия они были на веранде, мать-енот с четырьмя детёнышами. Они были непосредственно дружелюбны, с острыми чёрными глазками и мягкими лапками, требуя, чтобы вы их накормили, и в то же время проявляя нервозность. Мать держалась в стороне. На следующий вечер они снова были здесь, получили еду из ваших рук, и вы чувствовали их мягкие лапки; они были готовы к ласке, к тому,

чтобы их приручили. Вас же поражала их красота и их движения. Через несколько дней они полностью покорят вас, и вы чувствовали в них всю безмерность жизни.

Стоял прелестный день, и каждый кустик, каждое небольшое деревцо вырисовывались отчётливо на ярком солнце. Человек поднялся из долины вверх, на холм, к дому над расщелиной, за которой виднелся целый ряд горных вершин. Около дома стояли несколько сосен и высоких стволов бамбука.

Это был молодой человек, полный надежды, и жестокость цивилизации пока ещё не коснулась его. Что ему было нужно, так это спокойно посидеть, помолчать, погрузиться в безмолвие, и не только под воздействием этих холмов, но и через внутреннее успокоение.

«Какую роль играю я в этом мире? Каковы мои взаимоотношения со всем существующим порядком? В чём смысл этого бесконечного конфликта? У меня есть любимая; мы спим вместе. Всё же это не главное. Мне всё кажется далёким сном, гаснущим и возвращающимся, захватывающим дух в один момент и теряющим всякий смысл в следующий. Я видел, что некоторые из моих друзей принимали наркотики. Они стали глупыми, отупели. Но, может быть, я тоже отупею, даже без наркотиков, от жизненной рутины и боли собственного одиночества. Я ничего не значу среди этих многих миллионов людей; я пойду тем же путём, каким пошли другие, и я никогда не встречу тем нетленным сокровищем, которое нельзя похитить, которое никогда не потускнеет. Поэтому я и подумал, что нужно прийти сюда, поговорить с вами – если у вас найдётся время. Я не прошу каких-либо ответов на мои вопросы. Я обеспокоен: ведь я ещё очень молод, но уже обескуражен. Вокруг себя я вижу людей старого, безнадёжного поколения с их горечью, жестокостью, лицемерием, готовностью к компромиссу и благоразумием. Им нечего мне дать, и что странно, я ничего от них не хочу. Не знаю, что мне нужно; но знаю, что жить должен очень богатой жизнью, полной значения. Я определённо не хочу поступать на какую-либо службу и добиваться положения – чтобы становиться кем-либо в этом бесформенном, бессмысленном существовании. Иногда я плачу от одиночества и красоты далёких звёзд».

Некоторое время мы сидели молча, и сосна с бамбуком уловили движение ветерка.

– Жаворонок и орёл не оставляют в полёте никакого следа; учёный же оставляет после себя след, как оставляют его и все специалисты. Вы можете идти за ними ступень за ступенью и прибавлять новые ступени к тому, что они нашли и накопили; и вам известно, более или менее, куда ведёт это накопление. Но истина не такова; на самом деле это неисследованная страна, к которой нет пути; она может находиться за следующим поворотом дороги или оказаться за тысячу миль от вас. Вам нужно продолжать идти, тогда вы найдёте её рядом с собой. Но если вы остановитесь и начертите путь для кого-то другого, или наметите свой собственный путь в жизни, она никогда не подойдёт к вам близко.

«Что это – поэтический образ или действительный факт?»

– А что думаете вы? Для нас всё должно быть приведено в скучный и банальный вид – чтобы мы могли сделать с этим что-либо практическое, что-то на этом построить или поклоняться этому. Вы можете принести в дом палку, поставить её на полку и ежедневно класть перед ней цветок, и вот через несколько дней эта палка будет иметь большое значение. Ум способен придать смысл чему угодно, но придаваемый им смысл есть бессмыслица. Когда кто-то задаёт вопрос о том, что является целью жизни, это похоже на поклонение такой палке. Ужасно то, что ум постоянно придумывает новые цели, новые значения, новые наслаждения и всегда их разрушает. Он никогда не бывает спокоен. Ум, который богат в своём спокойствии, никогда не заглядывает за пределы того, что есть. Надо быть одновременно и орлом и учёным,

хорошо зная, что эти двое никогда не могут встретиться. Это не означает, что их следует разделять. Необходимы оба. Но когда учёный хочет стать орлом, а орёл оставляет свои следы, в мире воцаряется несчастье.

Вы совсем молоды. Никогда не теряйте своей простоты, чистоты, и той уязвимости, которую она приносит. Это единственное сокровище, которое человек может иметь – и должен иметь.

«Эта уязвимость и есть начало и конец всего в существовании? Это и есть единственная бесценная жемчужина, которую можно найти?»

– Вы не можете быть уязвимым без простоты; имей вы хоть тысячу переживаний, тысячу улыбок и слёз, но если вы не умираете для них, как может ум быть простым? Только чистый ум, несмотря на тысячи своих переживаний, может увидеть, что такое истина. И только истина делает ум уязвимым – то есть свободным.

«Вы говорите, что нельзя увидеть истину, не будучи простым, чистым, и нельзя быть простым, не видя истины. Это порочный круг, разве нет?»

– Простота может быть только со смертью вчерашнего дня. Но ведь мы никогда не умираем для вчерашнего дня. У нас всегда есть остаток, какие-то клочки вчерашнего дня остаются, именно это удерживает ум на якоре, в тисках времени. Поэтому время – враг простоты. Человек должен умирать каждый день для всего, что ум захватил и за что держится. Иначе свободы нет. В свободе есть уязвимость. Не так, что одно следует за другим – это одно движение, и приход и уход. Поистине проста только полнота сердца.

-3-

Медитация – это опустошение ума от известного. Известное – это прошлое. Опустошение не является концом накопления; это, скорее, означает совсем не накапливать. То, что было, опустошается только в настоящем, и не при помощи мысли, а благодаря действию – действию того, что есть. Прошлое представляет собой движение от умозаключения к умозаключению и суждение о том, что есть, на основании этого умозаключения. Всякое же суждение есть умозаключение, вывод, будь то о прошлом или о настоящем; именно этот вывод препятствует постоянному опустошению ума от известного; ибо известное – это всегда вывод, всегда определение.

Известное есть действие воли, а действующая воля – это продолжение известного, так что действие воли не в состоянии опустошить ум. Пустой ум не может быть приобретён по требованию; он появляется, когда мысль осознаёт свою собственную деятельность – не тогда, когда мыслящий осознаёт свою мысль.

Медитация есть простота, чистота настоящего момента, и поэтому она всегда одинока. Когда ум совершенно один, когда не затронут мыслью, он перестаёт накапливать. Поэтому опустошение ума всегда в настоящем. Для уединённого ума будущее, которое принадлежит прошлому, прекращается. Медитация – это движение, это не завершение, не цель, которая должна быть достигнута.

Лес был очень обширный, с соснами, дубами, кустарниками и секвойями. Всё время журчал ручеёк, сбегавший вниз по склону. Здесь же летали маленькие бабочки, синие и жёлтые; они, казалось не нашли цветов, чтобы усесться на них, и медленно спускались к долине.

Это был очень старый лес, секвойи же были ещё старше. То были огромные деревья гигантской высоты, здесь чувствовалась та особая атмосфера, которая приходит в отсутствие человека – с его ружьями, с его болтовнёй и хвастовством своим знанием. Через этот лес не

было проезжей дороги; вы должны были оставить автомобиль на некотором расстоянии и идти по тропе, покрытой сосновыми иголками.

Здесь сидела сойка, предупреждавшая всех о приближении человека. Предостережение сойки оказывало действие: казалось, всякое движение животных приостанавливалось, воцарилось чувство напряжённого ожидания. Солнечный свет с трудом проникал сюда; стояла тишина, к которой вы могли почти прикоснуться.

Две рыжие белки с длинными пушистыми хвостами, спустились вниз по сосне, стрекоча, а их коготки производили скребущий звук. Они гонялись друг за другом, бегая кругами по стволу дерева вверх и вниз, бешено наслаждаясь и радуясь. Между ними существовала какая-то напряжённость – струна игры, секса и веселья. Они по-настоящему наслаждались. Зверёк сверху внезапно останавливался, наблюдая за нижним, который всё ещё двигался, затем останавливался и нижний, и они глядели друг на друга, подняв хвосты и подёргивая носиками, направленными один к другому. Острые глазки вбирали в себя сотоварища, а также всякое движение вокруг. Они поворчали на наблюдателя, сидевшего под деревом, потом забыли о нём; но они всё время чувствовали друг друга, и вы могли почти ощущать их высочайшую радость во взаимном общении. Их жилище, должно быть, находилось где-то высоко; и вот они утомились – один побежал вверх по дереву, другой же, пробежав по земле, скрылся за другим деревом.

Сойка, синяя, внимательная и любопытная, наблюдала за ними и человеком, сидевшим под деревом; теперь и она улетела с громким криком.

Надвигались тучи; через час или два можно было ждать грозу.

Она была дипломированной специалисткой по психоанализу и работала в большой клинике. Ещё совсем молодая, в современном платье выше колен, она казалась очень напряжённой; вы могли видеть, что она сильно встревожена. За столом она была излишне разговорчивой, решительно и определённо выражая своё мнение; она, похоже, ни разу не посмотрела через большое окно на цветы, на ветерок, играющий в листьях, и на высокие, тяжёлые эвкалипты, покачивающиеся на ветру. Она ела, не обращая внимания на еду, не особенно интересуясь тем, что именно она ест.

Во время беседы в небольшой соседней комнате она сказала: «Мы, психоаналитики, помогаем больным людям приспособиться к ещё более больному обществу; и иногда, возможно, очень редко, нам это удаётся. Но на самом деле любой успех – достижение самой природы. Я подвергала психоанализу многих людей. Мне не нравится то, что я делаю; но ведь нужно зарабатывать себе на жизнь, и больных людей так много. Я не верю, что можно оказать им очень значительную помощь, хотя, разумеется, мы всё время испытываем новые лекарства и химические вещества и теории. Но, не говоря о больных, я сама изо всех сил стараюсь стать другой, отличной от обыкновенного среднего человека».

– Но в самих этих усилиях стать другой, не являетесь ли вы такой же, как и все остальные? И зачем все эти усилия?

«Но если я не буду прилагать усилий, не буду бороться, я буду в точности похожа на заурядную буржуазную домохозяйку. Я хочу быть другой, и поэтому не хочу выходить замуж. Но в действительности я очень одинока – и моё одиночество побудило меня заняться этой работой».

– Значит, это одиночество постепенно подталкивает вас к самоубийству, не так ли?

Она кивнула, еле сдерживая слёзы.

– Не ведёт ли к изоляции само движение сознания в целом, не приводит ли оно к страху и к этой непрестанной борьбе за то, чтобы стать другим? Всё это является частью стремления чего-

то добиться, отождествить себя с чем-то или с тем, чем человек является. Большинство психоаналитиков имеют своих учителей, и психоаналитики работают в соответствии с их теориями и с их устоявшимися школами, лишь видоизменяя их и добавляя к ним новые нюансы.

«Я принадлежу к новой школе; мы обходимся без символа, мы смотрим на реальность с точки зрения факта. Мы отвергли прежних наставников с их символами и видим человека таким, какой он есть. Но всё это тоже становится ещё одной школой; здесь же я не для того, чтобы обсуждать различные типы школ, теорий и наставников, а скорее для того, чтобы поговорить о себе самой. Я не знаю, что делать».

– Не больны ли вы точно так же, как и те пациенты, которых вы стараетесь вылечить? Не являетесь ли вы частью общества, которое, возможно, находится в ещё большем смятении, чем вы, которое ещё более больное, чем вы? Так что проблема более обширная и глубокая, не правда ли?

Вы есть результат этого огромного давления общества с его культурой и его религиями, оно управляет вами, как экономически, так и изнутри. Вам придётся заключить мир с обществом, то есть принять его болезни и жить с ними, или отвергнуть его полностью и найти новый образ жизни. Но вы не можете найти новый путь, не освободившись от старого.

То, что вы действительно хотите, – это быть в безопасности, быть защищённой, не так ли? В этом всё устремление мысли – быть другим, более умным, более хитрым, более изобретательным. В этом процессе вы пытаетесь обрести надёжную, прочную, глубокую безопасность, не так ли? Но существует ли такое вообще? Безопасность исключает порядок. Во взаимоотношениях, в вере, в убеждениях, в действии безопасности нет, и в своём стремлении к ней человек создаёт беспорядок. Безопасность порождает беспорядок, и когда вы видите этот всё возрастающий беспорядок в себе, вы хотите покончить со всем этим.

Внутри сферы сознания с её широкими или узкими границами, мысль всегда стремится найти какое-то безопасное место. Так мысль создаёт беспорядок; порядок – не результат мысли. Порядок существует, когда беспорядок окончен. Любовь не находится в сфере мысли. Как и красоты, её нельзя коснуться кистью художника. Надо отбросить тотальный беспорядок внутри себя.

Она погрузилась в глубокое молчание, углубившись в себя. Ей было трудно сдерживать струившиеся по щекам слёзы.

-4-

Сон также важен, как и бодрствование; он, возможно, даже важнее. Если в дневное время ум бдителен, собран в себе, наблюдает внутреннее и внешнее движение жизни, ночью, как благословение, приходит медитация. Ум пробуждается, – и из глубины безмолвия исходит очарование медитации, породить которое никогда не могут никакое воображение, никакой полёт фантазии. Медитация происходит всегда без участия ума, всегда её призывающего: медитация является из спокойствия сознания – и не внутри, а вне его, не на периферии мысли, но там, куда мысль не имеет доступа. Потому мы её и не помним: воспоминание всегда от прошлого, а медитация – не воскрешение прошлого. Медитация исходит из полноты сердца, а не из интеллектуального блеска и способностей. Медитация может происходить каждую ночь, но если вам дано такое благословение, каждый раз она новая – новая не потому, что отличается от старой, а потому, что не имеет отношения к старому, новая в своём многообразии и неизменной изменчивости. Так что сон становится явлением чрезвычайной важности – не сон от изнеможения и не сон, вызванный снотворным средством или физическим удовлетворением, а сон, который столь же лёгок и быстр, как восприимчиво тело. И тело делается восприимчивым

вследствие бдительности. Иногда медитация также легка, как лёгкий ветерок, скользящий мимо; в других же случаях её глубина безмерна. Но если ум удерживает то или иное как воспоминание, чтобы предаваться ему, экстазу медитации приходит конец. Важно никогда не обладать им, важно не желать такого обладания. Стремление к обладанию никогда не должно проникать в медитацию, так как у медитации нет корня или какой-либо определённой сущности, которые ум мог бы удержать.

На днях, когда мы поднимались по глубокому каньону, лежащему в тени между горами по обеим сторонам, он был полон птиц, насекомых и тихой деятельности мелких животных. Вы понимались по отлогому склону всё выше и выше на огромную высоту – и уже оттуда обозревали все окрестные холмы и горы, освещённые закатным солнцем. Казалось, будто они освещены изнутри и никогда не погаснут. Но по мере того, как вы их наблюдали, свет угасал, и на западе всё ярче разгоралась вечерняя звезда. Это был прекрасный вечер, и вы как-то чувствовали, что вся вселенная находится здесь, подле вас и странное спокойствие окутывало вас.

Мы не имеем света внутри себя – у нас есть искусственный свет, идущий от других; свет знания, свет, который дают талант и способности. Весь свет подобного рода угасает и становится болью. Свет мысли превращается в собственную тень. Но свет, никогда не угасающий, глубинное внутреннее сияние, который на рынке не купить, не может быть показан другому. Вы не можете искать его, не можете культивировать его; вам невозможно вообразить его или размышлять о нём, ибо для ума он недостижим.

Это был довольно известный монах; он жил и в монастыре и в уединении вне монастыря; то был ищущий, глубоко серьёзный человек.

«То, что вы говорите о медитации, кажется истинным; она недостижима. Это означает, что не должно быть никаких исканий, никаких желаний, никаких жестов в её сторону – будь то в виде преднамеренного сидения в одной позе или в виде особого отношения к жизни или к себе, не так ли? Так что же делать? Зачем тогда какие-либо слова вообще?»

– Вы ищете от пустоты, стараясь заполнить эту пустоту или убежать от неё. Это внешнее движение, порождённое внутренней нищетой, оказывается надуманным, рассудочным, двойственным. Это – конфликт и он не имеет конца. Поэтому – не стремитесь! Но энергия, которая устремлена наружу, обращается внутрь, выискивая, исследуя, требуя чего-то, что она называет "внутренним". Эти два движения – по существу одно и то же. Оба они должны прийти к концу.

«Вы предлагаете просто довольствоваться этой пустотой?»

– Конечно, нет.

«Так что пустота остаётся – и неизменное отчаяние тоже. Это отчаяние даже будет больше, если нам нельзя искать!»

– Отчаяние ли это, если вы видите истину того, что как внутреннее, так и внешнее движение не имеют смысла? Является ли это довольством тем, что есть? Является ли это приятием пустоты? Ничего подобного. Итак: вы отвергли движение вовне, движение внутрь, приятие; вы отвергли все движения ума, стоящего перед этой пустотой. И тогда сам ум пуст – потому что это движение и есть сам ум. Ум пуст от всякого движения, – и поэтому нет никакой сущности, чтобы инициировать какое-то движение. Пусть он и остаётся пустым. Дайте ему быть пустым. Ум очистил себя от прошлого, от будущего и от настоящего; он очистил себя и от становления, но становление – это время. Поэтому нет никакого времени, нет измерения. Тогда – является ли это пустотой?

«Такое состояние часто приходит и уходит. Даже если это и не пустота, это, несомненно, и не экстаз, о котором вы говорите».

– Забудьте всё, что было сказано. Забудьте и то, что оно приходит и уходит. Когда оно приходит и уходит, оно – от времени; тогда есть наблюдающий, который говорит: «Вот оно здесь, вот оно ушло». Этот наблюдающий – это тот, кто измеряет, сравнивает и оценивает. Поэтому здесь нет пустоты, о которой мы говорим.

«Вы погружаете меня в бесчувствие?» И он засмеялся.

– Когда нет ни меры, ни времени – есть ли тогда у пустоты граница или очертания? Тогда назовёте ли вы её пустой или "ничем" вообще? Тогда в ней есть всё и нет ничего.

-5-

Ночью прошёл совсем небольшой дождь, и сейчас, ранним утром, просыпаясь, вы чувствовали сильный запах сумаха, шалфея и влажной земли. Это был краснозём, а краснозём, кажется, издаёт более сильный запах, чем бурая почва. Солнце окрашивало сейчас холмы необыкновенным красно-коричневым цветом, и каждое дерево, каждый куст сверкали, омытые дождём прошлой ночи, – и всё взрывалось радостью. Дождей не было уже шесть или восемь месяцев, и можете себе представить, как ликовала земля, и не только земля, но и всё на ней – огромные деревья, высокие эвкалипты, перечные деревья и виргинские дубы. Казалось, будто в это утро и птицы поют по-иному; когда вы смотрели на холмы и далёкие синие горы, вы как бы терялись в них. Вы не существовали – и не существовало никого вокруг вас. Была только эта красота, эта безмерность, только распростёртая во всю ширь земля. В это утро от холмов, тянувшихся на многие мили, пришло спокойствие, которое встречалось с вашим собственным спокойствием. То было подобно встрече земли с небесами, и этот экстаз был благословением.

В тот вечер, когда вы поднимались по каньону к горам, красная земля под вашими ногами была влажной и мягкой, податливой и полной обещания. Много миль вы поднимались вверх по крутому уклону, затем внезапно спускались вниз. За поворотом вы неожиданно оказывались посреди этого полнейшего безмолвия, которое уже опускалось на вас, и по мере того, как вы входили в глубокую долину, оно становилось всё более проникающим, более настоящим, более настойчивым. Мысли не было – было лишь это безмолвие. Когда вы шли вниз, казалось, что оно покрывает всю землю, и было удивительно, какими тихими стали каждое дерево и каждая птица. Не чувствовалось ни малейшего ветерка среди деревьев, и с наступлением темноты деревья замыкались в своём уединении. Странно, как днём они приветствуют вас, а теперь, в своих фантастических очертаниях, стали далёкими, отстранёнными и замкнутыми. Прошли три охотника, со своими мощными луками и стрелами, на лбах у них были укреплены электрические фонари. Они отправлялись убивать ночных птиц – и как будто совершенно не воспринимали окружавшие их красоту и безмолвие. Они были поглощены только убийством, и казалось, всё наблюдает за ними с ужасом и сожалением.

Этим утром в дом пришла группа молодых людей. Их было около тридцати, студенты разных университетов. Они выросли в этом климате; они были сильными, плотными, высокими, полными энтузиазма людьми. Только один или двое из них сели на стулья, большинство же разместилось на полу, и девушкам в их мини-юбках сидеть было неудобно. Говорил один из юношей – его губы дрожали, а голова была опущена.

«Я хочу жить другой жизнью. Я не хочу быть захваченным сексом, наркотиками, бешеной конкуренцией. Я хочу жить вне этого мира, но всё-таки я захвачен им. Я занимаюсь сексом, а на следующий день оказываюсь в глубокой депрессии. Я знаю, что я хочу жить мирно, с любовью в сердце, однако меня разрывают на части мои страсти, на меня оказывает давление общество, в котором я живу. Я хочу повиноваться этим страстям, и всё же восстаю против них. Я хочу жить

на горной вершине, однако я всегда спускаюсь в долину, потому что моя жизнь там. И я не знаю, что мне делать. Мне всё надоело. Родители не в состоянии мне помочь, не могут помочь и профессора, с которыми я иногда пробую обсуждать эти вопросы. Они так же несчастны, как и я; они пребывают в таком же смятении, фактически, даже в большем, поскольку они гораздо старше меня».

– Что важно, так это не делать заранее каких-либо выводов, не принимать решения в пользу секса или против него, не быть втянутым в умозрительные идеологии. Давайте взглянем на всю картину нашего существования. Монах принял обет безбрачия, полагая, что для обретения небес ему нужно остерегаться контакта с женщиной; но всю оставшуюся жизнь он борется против своих физических потребностей, он в конфликте с небом и землёй и проводит остаток дней во тьме, стремясь к свету. Каждый из нас втянут в эту идеологическую борьбу, в точности так же, как ей захвачен и монах, сжигаемый желанием, и пытающийся подавить это желание ради обещанных небес. У нас имеется физическое тело – и оно предъявляет свои требования. Их поощряет и на них влияет общество, в котором мы живём, реклама, полунагие девицы, настойчивая погоня за весельем, развлечениями, забавами, сама мораль этого общества, мораль общественного порядка, который есть беспорядок и безнравственность. Наше физическое возбуждение стимулируется – более вкусной и обильной пищей, напитками, телевидением. Всё современное существование фокусирует ваше внимание на сексе. Вас возбуждают всеми дозволенными способами – книгами, разговорами, всем этим обществом крайней вседозволенности. Всё это окружает вас, нет смысла просто закрывать глаза на это. Вам необходимо увидеть весь этот образ жизни в целом, с его абсурдными верованиями, разделениями, крайней бессмысленностью жизни, проводимой в какой-нибудь конторе или на фабрике. А в конце всего этого – смерть. Вам нужно очень ясно увидеть всю эту путаницу.

Теперь посмотрите в это окно и взгляните на эти чистые горы, свежeweымытые ночным дождём, на этот необычайный свет Калифорнии, какого нет нигде более. Увидьте красоту света на этих холмах. Вы сможете ощутить запах свежего воздуха и обновления земли. Чем более вы живы для всего этого, чем более восприимчивы к этому восхитительному, необычайному свету, к красоте, чем более вы с ними, тем более повышается ваше восприятие. Это тоже нечто чувственное, точно так же, как и смотреть на девушку. Вы не можете откликаться своими чувствами на эту гору, а затем отсекают их, когда вы видите девушку; делая так, вы разделяете жизнь, но в разделении – печаль и конфликт. Когда вы отделяете вершину горы от долины, вы – в состоянии конфликта. Сказанное не означает, что вы должны избегать конфликта или убегать от него, или же забывать себя в сексе или в какой-то другой страсти, чтобы этим отсечь себя от конфликта. Понимание конфликта не означает, что вы живёте растительной жизнью или уподобились корове.

Понять всё это – значит не быть вовлечённым в это, не зависеть от этого. Это значит никогда ничего не отрицать, никогда не делать каких-либо выводов, не искать какого-то идеологического, словесного состояния или принципа, согласно которому вы постараетесь жить. И само восприятие всей этой развёрнутой карты являет собой разумность. Именно эта разумность будет действовать – а не умозаключение, не решение, не идеологический принцип.

Наши тела, как и наши умы и наши сердца, стали тупыми от воспитания, от приспособления к установленному общественному стереотипу, который отвергает чувствительность сердца. Этот стереотип посылает нас на войну, разрушая всю нашу красоту, нежность и радость. Наблюдение всего этого – не словесное или интеллектуальное, но подлинное, – сообщает нашему уму и телу высокую степень восприимчивости. Тогда тело будет требовать пищу надлежащего рода; тогда ум не будет захвачен словами, символами, банальностью мысли. Тогда мы будем знать, как жить

в долине и на вершине горы; тогда не будет никакого разделения, никакого противоречия между двумя людьми.

Медитация – это движение во внимании. Внимание – не достижение, поскольку в нём нет ничего личного. Личный элемент возникает только тогда, когда появляется наблюдающий в виде центра, из которого он сосредотачивается и управляет; так что всякое достижение фрагментарно и ограничено. Внимание же не имеет границ, у него нет рубежа, который надо пересечь; внимание – это ясность, очищенная от всякой мысли. Мысль никогда не ведёт к ясности, потому что корни мысли лежат в мёртвом прошлом; так что мышление – это действие в потёмках. Осознавать это и значит быть внимательным. Осознание – не метод, который ведёт к вниманию; такое внимание остаётся внутри поля мысли, и потому оно доступно контролю или видоизменению; осознание этой невнимательности и является вниманием. Медитация – не интеллектуальный процесс, ибо последний всё ещё внутри сферы мысли. Медитация – свобода от мысли и движение в экстазе истины.

Утром шёл снег. Дул резкий ветер и движение деревьев было мольбой о весне. В зимнем свете стволы берёзы и вяза приобретали тот специфический серо-зелёный оттенок, который мы находим в старых лесах, где мягкая земля покрыта осенними листьями. Гуляя между ними, вы чувствовали лес – не изолированные отдельные деревья с их отдельными очертаниями и формами, но скорее общность и целостность всех деревьев.

Внезапно выглянуло солнце и на востоке показалось огромное синее небо, тогда как на западе небо оставалось тёмным, затянутым густыми тучами. В это мгновение яркого солнечного света началась весна. В спокойной тишине весеннего дня вы чувствовали красоту земли, вы ощущали единство земли и всего, что на земле. Не было разделения между вами, деревом и изумительно разнообразными цветными пятнами сверкающего света на остролисте. Вы – наблюдающий – исчезли, и потому разделение в форме пространства и времени пришло к концу.

Он сказал, что он – религиозный человек; не принадлежа к какой-то особой организации или к какому-нибудь верованию, он чувствовал себя религиозным. Конечно, он прошёл через утомительную процедуру бесед со всеми религиозными руководителями и ушёл от них всех, несколько отчаявшись, но циником не став. Но он не нашёл блаженства, которое искал. Раньше он был профессором одного университета, но оставил это, чтобы вести жизнь медитации и исследования.

«Вы знаете, – сказал он, – я всегда ощущаю фрагментарность жизни. И сам я – фрагмент этой жизни, – отколовшийся, отличный от других, без конца борющийся, чтобы стать целостным, стать неотделимой частью этой вселенной. Я старался найти самого себя – ведь современное общество разрушает всякую определённую личность. Мне хотелось бы знать, существует ли какой-нибудь выход из всего этого разделения во что-нибудь такое, что не может быть разделено, отделено?»

– Мы разделили жизнь на семью и общество, семью и нацию, семью и службу, политику и религиозную жизнь, мир и войну, порядок и беспорядок; этому разделению противоположностей нет конца. Мы шагаем по этому коридору, пытаюсь создать гармонию между умом и сердцем, сохранить равновесие между любовью и завистью. Мы знаем всё это слишком хорошо, и мы стараемся выработать из этого какой-то род гармонии.

Что создаёт разделение? Очевидно, что есть разделение, контраст, – белое и чёрное, мужчина и женщина, и так далее, – но в чём источник, в чём суть этой фрагментации? Если мы

не найдём этого источника, фрагментация неминуема. Как вы думаете, в чём коренная причина этой двойственности?

«Я мог бы привести множество причин этого кажущегося бесконечным разделения, а так же и множество способов, которыми человек пытался построить мост между противоположностями. Интеллектуально я могу показать причины разделения, но это ни к чему не ведёт. Я часто играл в эту игру и с собой, и с другими. Я пытался с помощью медитации и волевых усилий ощутить единство вещей, быть единым со всем – но это тщетные попытки».

– Конечно, одно раскрытие причины разделения не приведёт к исчезновению разделения. Нам известна причина страха, но мы всё равно боимся. Интеллектуальное исследование теряет непосредственность своего действия, когда единственно важной оказывается острота мысли. Разрыв между "я" и "не-я", несомненно остаётся основной причиной этого разделения, хотя "я" старается отождествить себя с "не-я", которым может быть жена, семья, сообщество, или созданная мыслью формула Бога. "Я" всегда старается найти какое-то отождествление, но то, с чем оно отождествляет себя, всё ещё идея, понятие, воспоминание, построение нашей мысли.

Существует ли вообще двойственность? Объективно существует, например, свет и тень, но существует ли она психологически? Мы принимаем психологическую двойственность, как принимаем двойственность объективную; это часть нашей обусловленности. Мы никогда не подвергаем сомнению эту обусловленность. Но существует ли разделение психологически? Существует только то, что есть, а не то, что должно быть. То, что должно быть, есть разделение, созданное мыслью, чтобы избежать или преодолеть реальность того, что есть. Отсюда борьба между действительностью и абстракцией. Абстракция – это нечто фантастическое, романтическое, идеал. Действительность – это то, что есть, всё прочее нереально. Именно нереальное вызывает фрагментацию, вовсе не действительность. Боль действительна; не-боль – это удовольствие мысли, которая вводит разделение между болью и состоянием её отсутствия. Мысль всегда разделяет – это и разделение во времени, это и пространство между наблюдающим и объектом наблюдения. Существует лишь то, что есть, и видеть то, что есть без мысли в качестве наблюдающего – это конец фрагментации.

Мысль – не любовь; но мысль как наслаждение ограничивает любовь и приносит с собой боль внутри этого ограничения. В отрицании того, чего нет, остаётся то, что есть. В отрицании того, что не является любовью, есть любовь, в которой перестаёт существовать "я" и "не-я".

-2-

Чистота и простор – это расцвет медитации. Нет чистоты без пространства. Невинность не означает незрелости. Мы можем быть физически зрелыми, но то обширное пространство, которое приходит вместе с любовью, невозможно, если ум не освобождён от множества следов опыта. Именно эти шрамы опыта препятствуют чистоте. Освобождение ума от постоянного давления опыта есть медитация.

Как только садится солнце, приходит странное спокойствие и ощущение, что всё вокруг приходит к концу – хотя и автобусы, и такси, и шум продолжают существовать. Это чувство отстранённости как будто пронизывает всю вселенную. Вы, должно быть, тоже переживали его. Часто оно приходит совершенно неожиданно; кажется, что странное спокойствие и мир изливаются с небес и покрывают всю землю. Это – благословение, и красоту вечера оно делает безграничной. Сверкающая после дождя дорога, автомобили в ожидании хозяев и пустой парк будто составляют его часть; и смех проходящей мимо парочки никоим образом не нарушает мира этого вечера.

Обнажённые деревья со своими тонкими ветвями чернели на фоне неба; они ждали весны, и весна была уже совсем близко, за углом и торопилась на встречу с ними. Уже виднелась свежая трава; цвели фруктовые деревья. Местность медленно оживала; с вершины холма вы могли видеть город со множеством куполов; один из них был более надменным и высоким, чем прочие. Можно было видеть плоские верхушки сосен, и вечерний свет падал на облака. Казалось, весь горизонт заполнен этими облаками; гряда за грядой они скапливались вокруг холмов, принимая самые причудливые очертания, напоминавшие замки, которые никогда не строил человек. Среди них виднелись глубокие пропасти и громоздящиеся вершины. Все эти облака освещало тёмно-красное зарево, некоторые же из них казались охваченными огнём и освещёнными не солнцем, а внутренним сиянием.

Эти облака не создавали пространство; они пребывали в пространстве, простиравшемся, казалось, без конца и края, от вечности к вечности.

В ближнем кусте пел дрозд, и это было непреходящее блаженство.

Их было трое или четверо, и они привезли с собой жён – и все мы уселись на полу. В этом положении окна оказались очень высоко, чтобы видеть сад или стену напротив. Все они были профессионалами. Один сказал, что он учёный, второй назвался математиком, третий оказался инженером; это были специалисты, не выходявшие за пределы своей специальности, – как выходит река из берегов после сильного дождя. Именно выход из берегов обогащает почву.

Инженер сказал: «Вы часто говорили о пространстве, и всем нам интересно узнать, что вы под ним подразумеваете. Мост перекрывает пространство между двумя берегами и между двумя холмами. Плотины создают пространство, заполняемое водой. Есть пространство между нами и расширяющейся вселенной. Есть пространство между вами и мной. Вы это имеете в виду?»

Остальные поддержали вопрос; должно быть, они говорили об этом, прежде чем прийти сюда. Один из них сказал: «Я мог бы поставить вопрос по-другому, более научно; но всё сводится более или менее к одному и тому же».

– Существует пространство, которое разделяет или ограничивает, и пространство, которое не имеет границ. Пространство между двумя людьми, в котором растёт зло, – это ограниченное пространство разделения; существует разделение между вами, каковы вы есть, и тем образом самого себя, который у вас имеется; есть разделение между вами и вашей женой; разделение между тем, что вы такое, и идеалом того, чем вы должны были бы быть; существует разделение между одним холмом и другим холмом. И существует также красота пространства, не ограниченного временем или линией.

Существует ли пространство между мыслью и мыслью? Между воспоминаниями? Между действиями? Или между мыслью и мыслью совсем нет никакого пространства? Между рассуждением и рассуждением? Между здоровьем и нездоровьем – причиной, становящейся следствием, и следствием, становящимся причиной?

Если бы между мыслями существовал бы разрыв, мысль всегда была бы новой, но поскольку никакого разрыва, никакого пространства нет, мысль всегда стара. Вы можете не осознавать непрерывность мысли; вы можете обнаружить её через неделю после того, как её отбросили, – но она продолжала работать в пределах старых границ.

Таким образом, сознание в целом, как сфера сознательного, так и сфера бессознательного, – нам приходится пользоваться этими неудачными словами, – заключено внутри ограниченного, узкого пространства традиции, культуры, обычая, воспоминаний. Техника способна доставить вас на луну, вы можете построить арочный мост над пропастью, можете внести в ограниченное пространство общества некий порядок, но это опять породит беспорядок.

Пространство существует не только по ту сторону четырёх стен этой комнаты; есть ещё пространство, созданное комнатой. Есть замкнутое пространство, сфера, создаваемая наблюдающим вокруг себя, сквозь которую он видит наблюдаемое – которое тоже создаёт сферу вокруг себя.

Когда наблюдающий глядит на вечерние звёзды, пространство его ограничено. Он может быть способен с помощью телескопа видеть за многие тысячи световых лет, но при этом он остаётся создателем пространства, поэтому оно ограничено. Измерение между наблюдающим и наблюдаемым определяет пространство, а также и время, необходимое для покрытия этого пространства.

Существует не только физическое пространство, но и психологическое измерение, в котором мысль ограждает себя, – как вчера, сегодня и завтра. Пока наблюдающий существует, пространство остаётся узким двориком тюрьмы, где совсем нет никакой свободы.

«Но нам хотелось бы спросить, не пытаетесь ли вы говорить о существовании пространства без наблюдающего? Такое представляется совершенно невозможным, или же это может быть вашей собственной фантазией».

– Свободы, сэр, нет внутри тюрьмы, какой бы удобной и разукрашенной тюрьма не была. Если вы хотите диалога со свободой, то диалог этот невозможен внутри границ памяти, знания, опыта. Свобода требует чтобы вы разрушили стены тюрьмы, даже если вы, возможно, наслаждаетесь ограниченным беспорядком, ограниченным рабством и тяжёлым трудом внутри этих стен.

Свобода – не что-то относительное; либо она есть, либо её нет. Если её нет, мы вынуждены принять узкую, ограниченную жизнь с её конфликтами, печалью и болью – просто произведя кое-где незначительные изменения.

Свобода – бесконечное пространство. Когда не хватает пространства, возникает насилие, как в случае хищника или птицы, которые претендуют на своё пространство, на свою территорию, за которую они будут бороться. Это насилие может быть относительным под охраной закона или полисмена – так же как и ограниченность пространства, на которое претендуют хищники или птицы и за которое они будут сражаться, ограничивает насилие. Вследствие этой ограниченности между человеком и человеком должна существовать агрессивность.

«Вы стараетесь показать нам, сэр, что пока человек живёт внутри сферы, созданной им же самим, он всегда будет находиться в конфликте с самим собой и с окружающим миром?»

– Да, сэр. Так мы подходим к центральной проблеме свободы. Внутри узкой культуры общества нет свободы, и поскольку нет свободы, существует беспорядок. Человек, живущий внутри этого беспорядка, ищет свободу в идеологиях, в теориях, в том, что он называет Богом. Но это бегство – не свобода. Это всё тот же тюремный дворик, который отделяет человека от человека. Может ли мысль, которая навлекла на себя эту обусловленность, прийти к концу – разбить эту структуру и выйти за её пределы, подняться над ней? Очевидно, что не может и это первое, что нужно увидеть. Для интеллекта невозможно построить мост между собой и свободой. Мысль, эта реакция памяти, опыта и знания, всегда стара, как и сам интеллект, а старое не в состоянии построить мост к новому. Мысль по своей сути – это наблюдающий с его предрассудками, с его страхами, заботами, и этот мыслящий образ из-за своей изолированности очевидным образом строит вокруг себя некоторую сферу. Отсюда и дистанция между наблюдающим и наблюдаемым. Наблюдающий старается установить взаимоотношения, сохраняющие данное расстояние, – и отсюда конфликт и насилие.

Во всём этом нет фантазии. Воображение в любой форме разрушает истину. Свобода – вне

пределов мысли; свобода означает бесконечное пространство, которое не создано наблюдающим. Встреча с этой свободой и есть медитация.

Без безмолвия не существует пространства, и безмолвие не создаётся временем как мыслью. Время никогда не даст свободу; порядок возможен только когда сердце не прикрыто словами.

-3-

Медитативный ум безмолвен. Это не молчание, которое мысль способна постичь; это не молчание спокойного вечера; это то молчание, когда мысль – со всеми её образами, словами и восприятиями – полностью прекратилась. Этот медитативный ум и есть религиозный ум – это религия, не затронутая церковью, храмами и песнопениями.

Религиозный ум – это взрыв любви. Это та любовь, которая не знает деления. Для неё далёкое – близко. Здесь нет одного и нет многих – здесь, скорее, то состояние любви, в котором прекращаются все деления. Подобно красоте, оно не измеряется словами. Только из этого безмолвия действует медитативный ум.

Вчера шёл дождь, и вечером небо было затянуто облаками. Далёкие холмы были покрыты восхитительным облачным покровом, полным света, и когда вы наблюдали за ними, они принимали разнообразные формы.

Заходящее солнце, с его золотыми лучами, касалось только одной или двух облачных гор, но облака эти казались такими же прочными, как тёмный кипарис. Глядя на них, вы естественным образом погружались в безмолвие. Безбрежное пространство, одинокое дерево на холме, далёкий купол, продолжающийся вокруг разговор – всё было частью этого безмолвия. Вы знали, что утро будет прекрасным, так как закат был багровым. И оно было восхитительным; на яркосинем небе не было ни облачка. Жёлтые цветы и белое цветущее дерево против тёмной изгороди из кипарисов, запах весны, наполняющий всё вокруг. На траве была роса, и весна медленно выступала из темноты.

Он сказал, что только что потерял своего сына. У сына была очень хорошая работа, и скоро сын должен был стать одним из директоров крупной компании. Он всё ещё находился в состоянии потрясения, но проявлял большое самообладание. Вообще он не был склонен к слезам – вызвать у него слёзы было нелегко. Школой всей его жизни была усердная работа в сфере практической технологии. Он не был человеком с развитым воображением, и сложные, тонкие, психологические проблемы жизни едва ли коснулись его.

Недавняя смерть сына была для него неприятным ударом. Он сказал: «Это – печальное событие».

Эта печаль была ужасна для его жены и детей. «Как мог я объяснить им прекращение печали, о котором вы говорили? Сам я этот вопрос изучал и, пожалуй, могу понять его, но как быть с другими, кто вовлечён в неё?»

– Скорбь – в каждом доме, за каждым углом. У всякого человека есть это всепоглощающее чувство горя, вызванное столь многими происшествиями и несчастными случаями. Скорбь похожа на бесконечную волну, которая обрушивается на человека, почти заливая его; сожаление, вызванное скорбью, порождает горечь и цинизм.

Это скорбь о вашем сыне, или скорбь о себе, или о пресечении вашего продолжения в сыне? Это скорбь жалости к себе? Или она вызвана тем, что он был столь многообещающим человеком в мирском понимании?

Если это жалость к самому себе, тогда эта озабоченность собой, этот фактор изоляции в жизни – хотя здесь и есть внешняя видимость связи, – неизбежно должен вызывать страдание.

Этот процесс изоляции, это проявление заботы о себе в повседневной жизни, это честолюбие, стремление придать важность самому себе, этот разделяющий образ жизни осознаём мы его или нет – должен породить одиночество, от которого мы стараемся спастись столь многими различными способами. Жалость к себе есть боль одиночества, и эту боль называют скорбью.

Есть ещё скорбь невежества – не невежества от отсутствия книг или технических знаний, или от недостатка опыта, а невежества, которое мы приняли как время, как эволюцию – эволюцию от того, что есть к тому, что должно быть, невежества, которое заставляет нас принимать авторитет со всем его насилием, невежества приспособления, со всеми его опасностями и страданиями, невежества незнания всей структуры самого себя. Это та скорбь, которую человек распространяет повсюду, где бы он ни находился.

Поэтому мы должны ясно понять, что же это такое, что мы называем скорбью, – скорбь горя, несчастья и утраты того, что считалось благом, скорбь неуверенности и постоянной потребности в безопасности. Чем именно охвачены вы? Если это не будет ясно, не будет и конца печали.

Такая ясность – не словесное объяснение и не результат искусного интеллектуального анализа. Вы должны осознавать, о чём вы скорбите, так же ясно, как на уровне чувственного восприятия осознаёте прикосновение к этому цветку.

Без понимания всего этого пути скорби как можете вы положить ей конец? Вы можете убежать от неё, отправившись в храм или в церковь, или можете прибегнуть к помощи алкоголя, – но все виды бегства, будь то к Богу или к сексу, – это одно и то же, поскольку они не решают проблему скорби.

Поэтому вам нужно разложить карту скорби и проследить каждую тропу и дорогу. Если вы позволите времени покрыть эту карту, время лишь усилит жестокость скорби. Нужно охватить всю эту карту одним взглядом: видеть целое и затем детали, не сначала детали, затем целое. Для окончания скорби время должно прийти к концу.

Нельзя покончить со скорбью с помощью мысли. Когда останавливается время, прекращается и мысль как путь скорби. Это мысль и время разделяют и отделяют, а любовь – не мысль, не время.

Увидьте карту скорби не глазами памяти. Слушайте все её шорохи, шёпоты, все её невнятные звуки; будьте едины с ней, ведь вы являетесь и наблюдающим и наблюдаемым. Только тогда может окончиться скорбь. Другого пути нет.

-4-

Медитация никогда не бывает молитвой. Молитва, мольба рождена из жалости к самому себе. Вы молитесь, когда оказываетесь в трудном положении, когда переживаете печаль; но когда счастье, радость, мольбы нет. Эта жалость к себе, так глубоко заложенная в человека, есть корень разделения. То, что отделено, или считает себя отдельным, всегда стремясь к отождествлению с чем-то, не являющимся отдельным, порождает только ещё большее разделение и боль. Из такого смятения мы возносим мольбы к небесам или к мужу или к какому-нибудь божеству, созданному умом. Этот вопль может найти ответ, но ответ есть эхо жалости к себе в своей изоляции.

Повторение слов, молитв, – действие самогипнотическое, самоограничивающее и разрушительное. Изоляция мысли всегда происходит внутри поля известного, и ответ на молитву является реакцией известного.

Медитация далека от этого. Мысль не способна войти в её поле; здесь нет разделения, поэтому нет и отождествления. Медитация существует в открытом пространстве; в ней нет места тайне. Здесь всё открыто, всё ясно; тогда существует и красота любви.

Было раннее весеннее утро; с запада по голубому небу легко двигались редкие хлопья облаков. Запел петух, и было странно слышать его в переполненном городе. Начал он рано и в течение почти двух часов продолжал провозглашать приход дня. Деревья всё ещё стояли голыми, но на фоне ясного утреннего неба были видны тонкие, нежные листки.

Если вы были очень спокойны, без какой-либо мысли, вспыхивающей в уме, вы оказывались в состоянии уловить низкий колокольный звон какого-то собора. Собор находился, должно быть, где-то далеко, но в краткие промежутки безмолвия между криками петуха вы могли услышать, как волны этого звука приходят к вам, идут дальше вас – вы почти двигались на них, уносились прочь, исчезали в необъятных просторах. Крики петуха и звук далёкого колокола оказывали странное действие. Шумы города ещё не были слышны. Ничто не прерывало ясного звука. Вы не слушали его ушами, вы слушали его сердцем, не мыслью, которая знает, что это – "колокол", а вот это – "петух"; и это был чистый звук. Он исходил из безмолвия, и ваше сердце улавливало его и шло вместе с ним от вечности к вечности. Это не был упорядоченный звук, подобно музыке; это не был и звук безмолвия между двумя нотами; это не был звук, который вы слышите, когда перестаёте разговаривать. Все такие звуки вы слышите умом или ухом. Когда же вы слушаете сердцем, весь мир оказывается наполнен звуком, и ваши глаза видят ясно.

Это была совсем молодая женщина, хорошо одетая, с короткими волосами, весьма способная и умелая. Из того, что она сказала, явствовало, что у неё не было никаких иллюзий о себе. У неё были дети, и в ней чувствовалась определённая серьёзность. Она была, пожалуй, несколько романтична и очень молода, но Восток для неё уже утратил свою ауру мистицизма, что было хорошо. Она говорила просто, без каких-либо колебаний.

«Думаю, я уже давно совершила самоубийство, когда в моей жизни произошло определённое событие; с этим событием моя жизнь кончилась. Конечно, внешне я продолжала функционировать, с детьми и со всем остальным, – но жить я перестала».

– Вы не думаете, что в большинстве своём люди – сознательно или бессознательно – постоянно совершают самоубийство? Крайняя форма этого – прыжок из окна. Но начинается процесс, вероятно, тогда, когда появляется первое противодействие, неудача, разочарование. Мы строим вокруг себя стену, за которой мы и живём своей отдельной жизнью, хотя у нас могут быть мужья, жёны и дети. Эта отдельная жизнь и есть жизнь самоубийства, и она остаётся общепринятой моралью религии и общества. Действия отделения, акты разобщения составляют непрерывную цепь и ведут к войне и саморазрушению. Отделение – самоубийство, и это относится и к индивиду и к сообществу и к нации. Каждый хочет жить жизнью своего особого "я", жизнью эгоцентрической деятельности, жизнью самоизолирующейся скорби, связанной со следованием стереотипу. Когда верование и догма держат вас за руку – это самоубийство. До происшедшего события вы вложили и свою жизнь и всё движение жизни в одного, выделенного из многих; и когда этот один человек умирает, или же божество оказывается разрушенным, вместе с ним уходит и ваша жизнь – и получается, что жить вам незачем. Если вы необычайно умны, вы придумываете для жизни какой-то смысл, – так всегда делали специалисты, – однако, связав себя этим смыслом, вы уже совершаете самоубийство. Всякая связанность – это самоубийство, будь то во имя Бога, во имя социализма или во имя чего-либо другого.

Вы, мадам, – и это говорится не из жестокости, – перестали существовать потому, что не смогли получить то, чего вы хотели; или же оно было отнято у вас; или вам хотелось пройти через какую-то отдельную особую дверь, которая была плотно закрыта. Как печаль и

удовольствие замыкают в себе, так приятие и упорство порождают свой собственный мрак разобщённости. Мы не живём, мы постоянно совершаем самоубийство. Жизнь начинается лишь тогда, когда кончается акт самоубийства.

«Мне понятно, что вы хотите сказать. Я вижу, что я сделала. Но что мне делать теперь? Как мне вернуться назад после долгих лет смерти?»

– Вы не можете вернуться назад; если бы вы вернулись назад, вы стали бы следовать старому стереотипу, и скорбь последовала бы за вами, подобно облаку, движимому ветром. Единственное, что вы можете сделать, – это увидеть, что прожить свою жизнь в разделении, в тайне, требуя продолжения наслаждения, – значит призывать разобщение смерти. В разобщении нет любви. Любовь не привязана к личности. Наслаждение и тот, кто ищет его, строят замкнутую стену разобщения. Никакой смерти нет, когда прекращается всякая приверженность чему бы то ни было. Самопознание – открытая дверь.

-5-

Медитация – окончание слова. Безмолвие не вызывается словом, ибо слово – это мысль. Действие, проистекающее из безмолвия, совершенно отлично от действия, порождённого словом; медитация – это освобождение ума от всех символов, образов и воспоминаний.

В то утро высокие тополя своими свежими, новыми листьями играли в движении ветерка. Это было весеннее утро, и все холмы были покрыты цветущим миндалём, листьями и яблонями. Вся земля была невероятно живой. Кипарисы были величественными и отчуждёнными, а цветущие деревья соприкасались друг с другом ветвь к ветви, и ряды тополей отбрасывали колеблющиеся тени. Около дороги струились ручейки воды, которая в конце концов станет рекой.

В воздухе был разлит аромат, и каждый холм отличался от других холмов. На некоторых из них стояли дома, окружённые оливами и аллеями кипарисов, ведущими к дому. Между всеми этими пологими холмами вилась дорога.

Это было сверкающее утро, наполненное интенсивной красотой, и мощный автомобиль как-то не казался здесь неуместным. Везде как будто присутствовал необычайный порядок, хотя, конечно, внутри каждого дома был беспорядок – человек, замышляющий и интригующий против другого человека, дети, кричащие, плачущие или насмехающиеся; целая цепь несчастий невидимо протягивалась от дома к дому. Цепь эту никогда не разрывали ни весна, ни осень, ни зима.

Но в то утро происходило возрождение. Эти нежные листья никогда не знали зимы и прихода осени; они были уязвимы и потому невинны.

Из окна можно было увидеть и старый купол собора, облицованного полосатым мрамором, и многоцветную звонницу; внутри же находились тёмные символы печали и надежды. Это было по-настоящему чудесное утро, но странным образом птиц было мало: люди убивают их здесь ради спорта, и их пение было очень тихим.

Это был художник, живописец. Он сказал, что у него талант к живописи, как у другого человека может быть талант к строительству мостов. У него были длинные волосы и тонкие руки, и весь он был замкнут в мечтах, посвящённых собственной одарённости. По временам он выходил из этих грёз, во время беседы или объяснений, а затем снова возвращался в своё убежище. Он рассказывал, что на его картины существует спрос и у него было несколько персональных выставок. Он весьма гордился этим, о чём свидетельствовал и его голос.

Существует армия, замкнутая в стенах своих собственных интересов; бизнесмен заключён в

сталь и стекло; домашняя хозяйка хлопочет дома в ожидании мужа и детей. Есть хранитель музея, есть и дирижёр оркестра; каждый из них живёт внутри своего фрагмента жизни, и каждый фрагмент становится необычайно важным, вне связи с другими фрагментами и в противоречии с ними, имея свои собственные почести, своё социальное величие, своих собственных пророков. Религиозный фрагмент не связан с фабрикой, а фабрика – с художником; генерал не связан с солдатами, как и священник не связан с мирянами. Общество состоит из таких фрагментов, а благотворитель и реформатор стараются как-то скрепить разрозненные куски. Но в этих разделённых, разрозненных и обособленных сферах и ролях – и через них – продолжает существовать человек, со своими заботами, со своей виной и опасениями. Именно в этом все мы родственны друг другу, а не в наших обособленных сферах деятельности.

Во всеобщей жадности, ненависти, агрессивности человеческие существа родственны друг другу, и это насилие строит культуру, общество, в котором мы живём. Как раз ум и сердце вносят разделение – Бог и ненависть, любовь и насилие, – и в этой двойственности вся культура человечества расширяется и сжимается.

Единство человечества не заключено ни в одной из структур, придуманных человеческим умом. Сотрудничество – не в природе интеллекта. Между любовью и ненавистью не может быть единства, однако именно это ум старается найти и упрочить. Единство находится целиком и полностью вне данного поля, и мысль не может достичь его.

Мысль создала эту культуру агрессивности, соревнования и войны, и вот та же самая мысль наощупь отыскивает порядок и мир. Но мысль никогда не найдёт порядка и мира, что бы она ни делала. Мысль должна умолкнуть, чтобы была любовь.

-6-

Освобождение самого себя от известного – это и есть медитация. Молитва идёт от известного к известному; молитва может принести результаты, но всё же она находится внутри поля известного, а известное – это конфликт, горе и смятение. Медитация представляет собой тотальное отрицание всего накопленного умом. Известное – это наблюдающий, и наблюдающий видит только сквозь известное. Образ рождён прошлым, и медитация – это окончание прошлого.

Это была довольно большая комната, выходящая в сад с оградой из множества кипарисов, а за ним находился монастырь под красной крышей. Рано утром, до восхода солнца, здесь виднелся свет, и можно было увидеть спящих взад и вперёд монахов. Утро было очень холодным – ветер дул с севера, и высокий эвкалипт, возвышавшийся над всеми прочими деревьями и над домами, раскачивался на ветру крайне недовольно. Он любил бризы, приходящие с моря, потому что они не были слишком яростными; и в мягком движении он наслаждался своей красотой. Он был здесь рано утром, и он был, ловя вечерний свет, когда садилось солнце; это как-то выражало устойчивость и надёжность природы. Он сообщал уверенность всем деревьям, кустам, мелким растениям. Должно быть этот эвкалипт был очень стар. Но человек никогда не смотрел на него. Он срубил бы его, если бы ему нужно было построить дом, и никогда не почувствовал бы утраты; ибо в этой стране к деревьям не испытывают уважения, и для природы остаётся очень мало места; её оставляют только в декоративных целях. В садах великолепных вилл есть деревья, подчёркивающие изящные закругления домов. Но этот эвкалипт не служил декорацией никакому дому. Он стоял сам по себе, роскошный в своём спокойствии, полный безмолвного движения; монастырь с его садом и комната с окружающим её зелёным пространством находились в его тени. Он стоял здесь, год за годом, живущий в собственном величии.

В комнате было несколько человек. Они пришли продолжить разговор, начатый несколько дней назад. В большинстве своём это были молодые люди, некоторые с длинными волосами, другие – с бородами, в облегающих брюках; у женщин были очень короткие юбки, крашенные губы и взбитые волосы.

Разговор начался очень легко; они были не вполне уверены в себе или в том, куда приведёт этот разговор. «Конечно, мы не можем следовать установленному порядку, – сказал один из них, – однако мы им захвачены. Какое отношение имеем мы к людям старшего поколения и к их делам?»

– Простой мятеж не является подлинным ответом, не правда ли? Мятеж – это реакция, это ответ, который даст осуществление собственной обусловленности. Каждое поколение обусловлено прошлым поколением, и простой бунт против обусловленности не освобождает обусловленный ум. Любая форма повиновения также есть противодействие, порождающее насилие. Случаи насилия среди студентов, бунты в городах или война, будь то где-то вдали от вас или внутри вас самих, – всё это никоим образом не принесёт ясности.

«Но как нам действовать внутри общества, к которому мы принадлежим?»

– Если вы действуете как реформатор, вы ставите заплаты на это общество, которое всё время вырождается, и тем самым вы поддерживаете эту систему, создавшие войны, разделения, обособленность. В действительности реформатор представляет собой опасность для фундаментальной перемены человека. Вам следует быть посторонними по отношению ко всем сообществам, всем религиям и общественной морали, иначе вы окажетесь захвачены каким-нибудь старым стереотипом, может быть в чём-то и видоизменённым.

Вы посторонний лишь тогда, когда перестаёте быть завистливым и злым, перестаёте поклоняться успеху или его побудительному мотиву. Быть психологически посторонним возможно только тогда, когда вы понимаете себя как часть окружения, часть социальной структуры, которую вы сами построили, – вы, состоящий из множества "вас", существовавших многие тысячелетия, в течение бесчисленных поколений, создавших настоящее. И в понимании себя как человека вы и найдёте свои взаимоотношения со старшими, уходящими поколениями.

«Но как освободиться от столь тяжкой обусловленности, как обусловленность католика? Она так глубоко укоренилась в нас, она погребена в глубинах подсознания...»

– Будь человек католиком, мусульманином, индуистом или коммунистом, пропаганда сотни, двухсот или пяти тысяч лет представляет собой часть той словесной структуры образов, которая идёт на формирование нашего сознания. Мы обусловлены тем, чем мы питаемся, экономическим давлением, культурой, обществом, в котором мы живём. Мы и есть эта культура, мы и есть это общество. Просто восставать против него – это восставать против самих себя. Если вы бунтуете против самих себя, не зная, что вы такое, – ваш бунт полностью бесплоден. Но осознавать, без осуждения, что вы такое, такое осознание порождает действие, полностью отличное от действия реформатора или революционера.

«Но, сэр, наше бессознательное – коллективное расовое наследие, и, согласно психоаналитикам, оно обязательно должно быть понято».

– Я не понимаю, почему вы придаёте такое значение бессознательному. Оно столь же тривиально и низкопробно, как и сознательный ум, и придавая ему важность, мы только усиливаем его. Если же вы видите его истинную ценность, оно отпадает, как осенний лист. Мы полагаем, что важно поддерживать некоторые вещи, а другие можно и отбросить. Война действительно создаёт определённые периферические улучшения, но сама война – величайшее бедствие для человека. Мысль пыталась преодолеть наши мучения и тревоги и выйти за их

пределы многими, многими способами. Мысль создала церковь, спасителя, гуру; мысль придумала национальности; мысль разделила людей внутри нации на разные сообщества, классы, ведущие друг с другом войну. Мысль отделила человека от человека, и, породив анархию и величайшую скорбь, она начинает после этого изобретать структуры, которые должны соединять людей. Однако всё, что делает мысль, неизбежно должно породить опасность и озабоченность. Называть себя итальянцем или индийцем или американцем – поистине безумие, и это – работа мысли.

«Но любовь является ответом на всё это, не правда ли?»

– Опять вы делаете промах! Свободны ли вы от зависти, от честолюбия или вы просто пользуетесь этим словом "любовь", которому мысль придала определённый смысл? Если смысл слову придала мысль – это не любовь. Слово "любовь" – не любовь, что бы ни подразумевалось вами под этим словом. Мысль – это прошлое, память, опыт, знание, из которого приходит отклик на любой вызов. Так что отклик этот всегда неадекватен – отсюда и конфликт. Потому что мысль всегда стара; мысль никогда не бывает новой. Современное искусство есть отклик мысли, ответ интеллекта; хотя оно и претендует на новизну, в действительности оно так же старо, как и холмы, хотя и не так прекрасно. Именно вся эта построенная мыслью структура – как любовь, как Бог, как культура, как идеология политбюро – должна быть полностью отвергнута, чтобы имело место новое. Новое не может вписаться в старую модель. Вы, на самом деле боитесь полностью отвергнуть старую модель.

«Да, сэр, боимся, ведь если мы отвергнем её, что останется? Чем мы её заменим?»

– Этот вопрос – результат мысли, которая видит опасность и поэтому боится и хочет быть уверена, что найдёт что-нибудь взамен старого. Таким образом, вы опять захвачены этой сетью мысли. Но если вы фактически, не словесно, не интеллектуально, отвергли всё это строение мысли в целом, то вы, может быть, найдёте новое, новый образ жизни, видения и действия. Отрицание – самое позитивное действие. Отрицать ложное, не зная, что истинно, отрицать кажущуюся истину в ложном, отрицать ложное как ложное – вот мгновенное действие ума, свободного от мысли. Видеть этот цветок с его образом, построенным мыслью, – это совсем не то, что видеть его без этого образа. Отношение между наблюдающим и цветком есть образ наблюдаемого, имеющийся у наблюдающего, и именно в этом – огромное расстояние между ними.

Когда образ отсутствует, временной промежуток исчезает.

-7-

Медитация – всегда новое. Её не касается прошлое, потому что в ней нет дряхлеющей преемственности. Слово "новое" не передаёт качества того, чего не было прежде. Это похоже на свет свечи, потушенной и вновь зажжённой. Новый свет – не прошлый свет, хотя свеча и осталась той же самой. Медитация имеет длительность лишь тогда, когда мысль окрашивает её, формирует её, придаёт ей цель. Цель и смысл медитации, приданные ей мыслью, становятся оковами, приковывающими к времени. Но медитация, не затронутая мыслью, имеет собственное движение, и это движение не от времени. Время предполагает старое и новое как движение от корней вчерашнего дня к расцвету завтрашнего. Но медитация – это совершенно иной расцвет. Медитация – не результат опыта вчерашнего дня, а потому не имеет совсем никаких корней во времени. Она имеет протяжённость, но это не протяжённость времени. Слово "протяжённость", применительно к медитации ведёт к заблуждению, ибо то, что было, вчерашний день, сегодня не имеет места. Медитация сегодняшнего дня – это новое пробуждение, это новый расцвет красоты добра.

Автомобиль медленно пробирался через всю суету движения большого города с его автобусами, грузовиками и легковыми автомобилями, и всем шумом узких улиц. Тянулись бесконечные многоквартирные дома, заполненные бесчисленными семьями, и нескончаемые магазины; город распространялся во все стороны, поглощая деревню. Наконец мы выехали в сельскую местность, к зелёным полям с посевами пшеницы и с большими участками цветущей горчицы ослепительно жёлтого цвета. Контраст между яркой зеленью и яркой желтизной был таким же резким, как и контраст между городским шумом и спокойствием деревни. Мы оказались на автомобильной дороге, ведущей на север; дорога то поднималась вверх, то опускалась вниз. Здесь были леса, речки и прекрасное синее небо.

Это было весеннее утро и в лесу виднелись огромные участки колокольчиков, а около леса посева жёлтой горчицы тянулись почти до самого горизонта, а затем шли зелёные поля пшеницы, простиравшиеся насколько видит глаз. Дорога проходила мимо деревень и городов, и ответвление её вело к красивому леску, с его свежими новыми весенними листьями и запахами сырой земли; и здесь было такое особое чувство весны и новизны жизни. Когда вы наблюдали эту свою часть земли – деревья, новый нежный листик и бегущий мимо ручеёк, – вы были очень близки к природе. Это не было романтическим чувством или воображаемым ощущением, но вы действительно были всем этим – синим небом и раскинувшейся во все стороны землёй.

Дорога привела к старому дому с аллеей высоких буков с их молодыми, свежими листьями, и вы смотрели сквозь них вверх, на синее небо. Это было прекрасное утро, и медные буки были ещё совсем юными, хотя и очень высокими.

Это был крупный, тяжёлый человек с очень большими руками, и он заполнял собой всё это широкое кресло. У него было доброе лицо – и готовность смеяться. Удивительно, как мало мы смеёмся. Наши сердца слишком подавлены; они увяли под воздействием утомительного процесса жизни, рутины, монотонной повседневности. Нас заставляет смеяться какая-нибудь шутка или какое-нибудь остроумное выражение, но внутри нас смеха нет; горечь – этот зреющий в человеке плод – кажется столь общим свойством. Мы никогда не видим бегущей воды, мы не смеёмся вместе с ней. Печально видеть, как с каждым днём свет в наших глазах всё более и более тускнеет; давление муки и отчаяния как будто окрашивают всю нашу жизнь своими обещаниями надежды и удовольствия, которые культивирует мысль.

Его интересовала особая философия происхождения и приятия безмолвия – с которым он, вероятно, никогда не встречался. Вы не можете купить безмолвие, как купили бы хороший сыр. Вы не можете выращивать его, как стали бы выращивать красивое растение. Оно не появляется благодаря какой-нибудь деятельности ума и сердца. Безмолвие, которое производит музыка, является продуктом этой музыки, оно вызвано музыкой. Безмолвие – не переживание; вы знаете его только тогда, когда оно прошло.

Сядьте когда-нибудь на берегу реки и посмотрите в воду. Не гипнотизируйте себя движением воды, светом и ясностью или глубиной течения. Смотрите на воду без всякого движения мысли. Безмолвие повсюду вокруг вас, внутри вас, в реке и во всех этих необычайно спокойных деревьях. Вы не можете унести его домой, удержать его в уме или в руках и думать, что вы достигли какого-то необыкновенного состояния. Если вы его достигли – это не безмолвие; тогда это просто память, воображение, романтическое бегство от повседневного шума жизни.

Всё существует благодаря безмолвию. Музыка, которую вы слышали сегодня утром, пришла к вам из безмолвия, и вы услышали её потому, что были безмолвны, и она ушла дальше, ушла в безмолвие.

Только мы не слушаем безмолвия, потому что наши уши наполнены болтовнёй ума. Когда

вы любите, и в любви нет безмолвия, мысль делает из неё игрушку общества, чьей культурой является зависть, чьи божества сфабрикованы умом и руками. Безмолвие находится там, где находитесь вы, внутри вас и подле вас.

-8-

Медитация – объединение всей энергии. Её нельзя собирать понемногу, отрицая это или то, захватывая одно и держась за другое; скорее это тотальное отрицание – без какого бы то ни было выбора – всяческой бесполезной траты энергии. Выбор есть следствие смятения; и сущность бесполезных затрат энергии – это смятение и конфликт. Чтобы в любое время ясно видеть то, что есть, требуется внимание всей энергии; и в этом нет никакого противоречия, никакой двойственности. Эта тотальная энергия не проявляется благодаря воздержанию, благодаря обетам безбрачия и бедности, ведь всякое решение и действие воли представляет собой трату энергии, поскольку в это вовлечена мысль, а мысль есть трата энергии; восприятие же никогда не бывает такой тратой. Видение – не преднамеренное усилие. Нет никакого "я увижу", есть только видение. Наблюдение устраняет наблюдающего и в этом нет никакой траты энергии. Мыслящий, который пытается наблюдать, разрушает энергию. Любовь – не растроченная впустую энергия, однако когда мысль превращает её в наслаждение, боль рассеивает энергию. Общая сумма энергии – медитации – всегда расширяется, и действие в повседневной жизни становится её частью.

В это утро ветерок, пришедший с запада, расшевелил тополь; каждый его лист что-то говорил ветру, каждый лист танцевал, неутомимо радуясь весеннему утру. Было очень рано. На крыше пел дрозд. Он садился там и каждое утро, и каждый вечер и иногда спокойно оглядывал всё вокруг, а в других случаях издавал призывные трели и ожидал ответа. Просидев здесь несколько минут, он затем улетал. Сейчас его жёлтый клюв сверкал в раннем свете. Когда дрозд улетел, над крышей стали собираться облака, ими затянуло весь горизонт, они располагались одно над другим, как будто кто-то старательно размещал их в таком чётком порядке. Они двигались и как бы уносили с собой всю землю – и дымовые трубы, и телевизионные антенны, и очень высокое здание на другой стороне дороги. Вот они прошли и появилось синее весеннее небо – чистое, с той лёгкой свежестью, которую может принести только весна. Оно было необычайно синим, и в это утреннее время улица снаружи была почти безмолвной. Вы могли слышать и стук каблучков по тротуару, и звук проезжавшего в отдалении грузовика. Скоро начнётся день. Когда вы смотрели из окна на тополь, вы видели вселенную и её красоту.

Он спросил: «Что такое разум, разумность? Вы много говорите о них; мне хотелось бы знать ваше мнение об этом».

– Мнение, и выяснение мнения, – это не истина. Вы можете до бесконечности обсуждать разнообразные мнения, их правильность и ошибочность, однако мнение – не истина, каким бы хорошим и умным оно ни было. Мнение всегда находится под влиянием предубеждений – оно окрашено культурой, образованием, имеющимся у нас знанием. Зачем уму вообще отягощать себя мнениями, тем, что вы думаете о том или другом человеке, о книге или об идее? Почему бы уму не оставаться пустым? Только когда ум пуст, он способен видеть ясно.

«Но ведь все мы полны мнений. Моё мнение о нынешнем политическом руководителе сформировано под влиянием того, что он сказал или сделал, и без этого мнения я не был бы в состоянии отдать за него свой голос. Мнения необходимы для действия – разве это не так?»

– Можно культивировать мнения, заострять их и придавать им твёрдость, и действия в большинстве своём основаны на этом принципе приязни и неприязни. Закрепление опыта и

знание выражается в действии – но такое действие разделяет людей, отделяет их друг от друга; именно мнения и убеждения препятствуют наблюдению того, что есть в действительности. Видение того, что есть, – это часть той разумности, о которой вы спрашиваете. Разумности нет, если нет чувствительности, восприимчивости тела и ума – восприимчивости чувства и ясности наблюдения. Эмоциональность и сентиментальность препятствуют восприимчивости чувства. Восприимчивость в одной области и тупость в другой приводит к противоречию и конфликту – конфликт же исключает разумность. Соединение многих осколков в одно целое не порождает разумности. Восприимчивость – это внимание, которое и есть разумность. Разумность не имеет ничего общего с информацией или знанием. Знание – это всегда прошлое; к нему можно обращаться, чтобы действовать в настоящем, однако знание ограничивает настоящее. Разумность – всегда в настоящем, и она не принадлежит какому-либо времени.

-9-

Медитация – освобождение ума от всей нечестности. Мысль порождает нечестность. Мысль, в своих попытках быть честной, производит сравнение и тем самым оказывается нечестной. Всякое сравнение есть процесс уклонения, уловка, и потому порождает нечестность. Честность – не противоположность нечестности. Честность – не принцип. Это не приспособление к образцу, но, скорее, – тотальное восприятие того, что есть. Медитация является движением этой честности в безмолвии.

День начался довольно облачно и сумрачно, и обнажённые деревья в лесу были молчаливы. Сквозь деревья вы могли видеть крокусы и жёлтые нарциссы и ярко-жёлтые форсайтии; глядя на всё это издали, вы видели жёлтое пятно на зелёной лужайке. Когда вы приближались к нему, ослепляла живая яркость этого жёлтого цвета – это было Богом. Не то, чтобы вы отождествляли себя с этим цветом, или сами становились пространством, которое наполняло жёлтым цветом вселенную, – здесь не было вас, чтобы смотреть на это. Существовало только это, и более ничего. Не было ни голосов, вокруг вас, ни дрозда, выводившего свою утреннюю мелодию, ни голосов проходящих, ни шумного автомобиля, проскрежетавшего мимо вас по дороге. Существовало это, ничего больше. И красота и любовь были в том существовании.

Вы снова вернулись в лес. Упало несколько капель дождя и лес опустел. Только что пришла весна, но здесь, на севере, листьев на деревьях ещё не было. Они устали от зимы, от ожидания солнечного света и тёплой погоды. Проехал всадник на вспотевшей лошади. Лошадь, с её грациозностью, её движением, была больше человека; человек, со своими бриджами, начищенными до блеска сапогами и в шапке для верховой езды выглядел незначительным. Лошадь была породистой и высоко держала голову. Человек, хотя он и ехал верхом на лошади, был чужд миру природы, а лошадь казалась частью природы, которую человек постепенно разрушает.

Деревья были большими – дубы, вязы, буки. Они стояли в глубоком безмолвии. Прошлогодняя листва делала почву мягкой, и земля казалась здесь очень старой. Птиц было немного. Дрозд издавал призывные трели, и небо прояснилось.

Когда вечером вы вернулись сюда, небо уже полностью очистилось, и свет на этих огромных деревьях казался необычным, полным безмолвного движения.

Свет – нечто необыкновенное; чем больше вы наблюдаете его, тем глубже и шире он становится; и движение света захватило деревья. Зрелище было изумительное; никакое полотно не могло бы уловить прелесть этого света. Он был чем-то большим, нежели свет заходящего солнца, большим, чем видели ваши глаза. Как будто на этой земле обитала любовь. Вы опять

увидели жёлтое пятно форсайтий, и земля ликовала.

Она пришла с двумя дочерьми, но оставила их поиграть на свежем воздухе. Это была молодая женщина довольно приятной наружности и прекрасно одетая; выглядела довольно нетерпеливой и способной. Сказала, что муж работает в каком-то министерстве, а жизнь проходит мимо. В неё чувствовалась особенная грусть, прикрытая поспешной улыбкой. Она спросила: «Что такое взаимоотношения? Я замужем уже несколько лет. Полагаю, мы любим друг друга, но в этом чего-то ужасно не хватает».

– Вы на самом деле хотите углубиться в этот вопрос?

«Да, ведь я приехала издалека, чтобы побеседовать с вами об этом».

– Ваш муж работает в своём министерстве, вы заняты дома, у вас обоих свои честолюбивые замыслы, разочарования, мучения и страхи. Он хочет быть крупным руководителем и опасается, что может и не стать им – что другие могут опередить его. Он замкнут в своём честолюбии, в своих разочарованиях, в стремлении осуществить свои замыслы – а вы замкнуты в своих. Он приходит домой утомлённым, раздражительным, со страхом в сердце – и он приносит домой это напряжение. Вы также устали после долгого дня, устали от детей и от всего остального. Вы с ним немного выпиваете, чтобы успокоить нервы, и начинается несколько принуждённый разговор. После небольшой беседы – ужин, а за этим неизбежная постель. Вот это и называется взаимоотношениями: каждый живёт своей собственной эгоцентрической деятельностью, и оба встречаются в постели; это то, что называют любовью. Конечно, во всём этом есть немного нежности, внимания, детей разок погладят по голове. Затем наступят старость, смерть. Вот то, что называют жизнью. И вы принимаете такой образ жизни.

«Но что ещё можно сделать? Мы выросли в нём, воспитаны для него. Нам нужна надёжность, кое-что из жизненных благ. Я не вижу, что ещё можно сделать».

– Вас связывает желание надёжности? Или это привычка, принятие стереотипа общества – идеи мужа, жены и семьи? Несомненно, во всём этом очень мало счастья, не правда ли?

«Какое-то счастье всё же есть, однако надо делать слишком многое и следить за слишком многим. Нужно так много читать, если хочешь быть хорошо информированной. Остаётся не так уж много времени, чтобы подумать. Очевидно, мы не счастливы по-настоящему, но мы просто продолжаем жить».

– Всё это и называют жизнью во взаимоотношениях – но очевидно, что здесь совсем нет взаимоотношений. Вы можете физически быть вместе в течение некоторого времени – но каждый живёт в собственном изолированном мире, лелея лишь собственные горести, и здесь нет действительного сближения, не просто физического, а на более глубоком и широком уровне. Это вина общества, вина культуры, в которой мы были воспитаны, и которой столь легко оказались захвачены, – не так ли? Это прогнившее общество, разлагающееся и безнравственное, создано людьми. Именно его необходимо изменить, но оно не может быть изменено, пока человек, построивший его, не изменит сам себя.

«Пожалуй, я могу понять, что вы говорите, и, может быть, могу измениться, но что будет с ним? Бороться, достигать и становиться кем-то – это доставляет ему большое наслаждение. Он не намерен меняться, поэтому мы оказываемся там же, где и были – я робко пытаюсь преодолеть свою замкнутость, он же всё больше и больше укрепляет тесную клетку своей жизни. В чём же тогда смысл всего этого?»

– Никакого смысла в существовании подобного рода вообще нет. Мы создали эту жизнь – повседневную жестокость и уродство этой жизни, со случайными проблесками удовольствия; и потому мы должны умереть для всего этого. Знаете, мадам, на самом деле завтрашнего дня не существует. "Завтра" – это выдумка мысли, и придумано оно для того, чтобы осуществить свои

ничтожные замыслы и желания. Мысль строит множество завтрашних дней, но на самом деле "завтра" не существует. Умирать для "завтра" – значит жить с полнотой сегодня. Когда вы это делаете, всё существование изменяется. Потому что любовь существует не завтра, любовь – не изделие мысли, любовь не имеет ни прошлого, ни будущего. Когда вы живёте всецело в сегодняшнем дне, имеет место огромная интенсивность, и в красоте такой жизни, которая недоступна для честолюбия, ревности или времени, возникают взаимоотношения – не только с людьми, но и с природой, с цветами, с землёй и небом. В этом есть интенсивность чистоты и невинности; тогда жизнь имеет совершенно иной смысл.

-10-

Вы не можете приступить к медитации преднамеренно: она должна случиться без вашего домогательства. Если вы добиваетесь её, или если спрашиваете, как медитировать, метод не только будет и в дальнейшем вас обуславливать, но и укрепит вашу нынешнюю обусловленность. В действительности, медитация – это отрицание всей структуры мысли. Мысль обладает структурой – обоснованной или необоснованной, объективной или имеющей болезненный характер, – и когда она пытается медитировать с позиций рассудка или исходя из противоречивого и невротического состояния, она неизбежно будет проецировать то, что она есть, и примет свою собственную структуру за серьёзную реальность. Это подобно тому, как верующий медитирует о своём веровании – он укрепляет и защищает то, что сам же создал из страха. Слово – это образ или картина, ставшие объектом идолопоклонства.

Звук создаёт собственную клетку, и тогда шум мысли исходит из этой клетки; именно слово и звук слова разделяют наблюдающего и наблюдаемое. Слово – не только языковая единица, не только звук, но также и символ, воспоминание о каком-то событии, которое даёт ход движению памяти, мысли. Медитация – полное отсутствие этого слова. Корень страха – это механизм слова.

Стояла ранняя весна, и в Булонском лесу она оказалась необычайно мягкой. Появились редкие новые листочки, и небо ещё не наполнилось той интенсивной голубизной, которая приходит вместе с радостью весны. Каштаны ещё не пробудились, но ранний запах весны уже ощущался в воздухе. В этой части Булонского леса почти никого не было, и вы могли слышать проезжавшие вдалеке автомобили. Мы гуляли рано утром, и чувствовалась эта мягкая пронзительность ранней весны. Он говорил, задавал вопросы и спрашивал, что ему делать.

«Этому не видно конца – этому постоянному анализу, самонаблюдению, этой бдительности. Я пробовал столь многое; я видел гладковыбритых и бородатых гуру, я пробовал несколько систем медитации – вы же знаете, это целый мешок с фокусами, – и всё это оставляет нас пустыми и жаждущими».

– Почему вы не начинаете с другого конца, конца, о котором ничего не знаете, – с другого берега, который вы, вероятно, не можете увидеть с этого? Начните лучше с неизвестного, вместо того чтобы начинать с известного, ведь эта постоянная проверка, этот анализ, только усиливает известное и далее его обуславливает. Если ум будет жить с другого конца, этих проблем не будет.

«Но как мне начать с другого конца? Я его не знаю, я не могу его увидеть».

– Когда вы спрашиваете: "Как мне начать с другого конца?", – вы всё ещё задаёте вопрос с этого конца. Так что не задавайте его, а начните с другого берега, о котором вы не знаете ничего, – из другого измерения, завладеть которым хитрая мысль не может.

Какое-то время он хранил молчание, и мимо пролетел фазан-петух. На солнце он показался

сверкающим, а скрылся он в кустах. Когда немного позже он снова появился, здесь уже были четыре или пять фазаньих курочек с оперением цвета опавших листьев; и этот крупный фазан-петух мощно возвышался среди них.

Он был настолько озабочен, что не заметил фазана, а когда мы указали на него, собеседник произнёс: "Какой красивый!" – но это были только слова, так как ум его был занят вопросом, как же ему начать с чего-то такого, чего он не знает. Ранняя ящерица, длинная и зелёная, сидела на камне, греясь на солнце.

«Я не в состоянии увидеть, как начать с того конца. Я действительно не понимаю этого неясного утверждения, этого заявления, которое, по крайней мере для меня, совершенно лишено смысла. Я могу идти только к тому, что я знаю».

– Но что вы знаете? Вы знаете только что-то такое, что уже закончилось, что уже прошло. Вы знаете только вчерашний день, а мы говорим: "Начните с того, чего вы не знаете, и живите из этого". Если вы спрашиваете: "Как мне жить из этого?", – вы призываете стереотип вчерашнего дня. Но если вы живёте с неизвестным, вы живёте в свободе, действуете, исходя из свободы, и, в конце концов, это и есть любовь. Если вы говорите: "Я знаю, что такое любовь", вы не знаете, что это такое. Несомненно, любовь – не память, не воспоминание о наслаждении. А раз так, то и живите с тем, что вы не знаете.

«Я на самом деле не знаю, о чём вы говорите. Вы только усложняете проблему».

– Я прошу о чём-то очень простом. Я говорю, что чем больше вы копаете, тем больше надо копать. Само копанье – это обусловленность, и каждая лопата создаёт ступени, которые никуда не ведут. Вы хотите, чтобы для вас рыли новые ступени, которые привели бы вас к совершенно иному измерению, или вам самому хочется вырыть собственные ступени такого рода. Но если вы не знаете, что представляет собой это измерение – фактически, не умоглядно, – каждая ступень, вырытая или пройденная вами, сможет привести вас лишь к тому, что уже известно. Так что отбросьте всё это и начните с другого конца. Будьте безмолвны, и вы найдёте.

«Но я не знаю, как быть безмолвным!»

– Вот вы опять оказались в том же положении "как", и нет конца этим "как". Всё знание – не на той стороне. Если вы знаете, то вы уже в могиле. Бытие не есть знание.

-11-

В свете безмолвия разрешаются все проблемы. Этот свет не рождён из древнего движения мысли. Не рождается он и из самопознания; его не зажечь ни временем, ни каким-либо действием воли. Он возникает в медитации. Медитация – не частное занятие, не личные поиски наслаждения; наслаждение всегда разделяет и отделяет. В разделении исчезает разделительная линия между вами и мной; в ней свет безмолвия разрушает знание "я". "Я" можно изучать без конца, так как оно изменяется изо дня в день, но его кругозор всегда ограничен, каким бы обширным мы его не представляли. Безмолвие является свободой, и свобода приходит с окончательным установлением полного порядка.

Этот лес был около самого моря. Постоянный ветер изуродовал сосны, оставив их невысокими и с ветвями, лишёнными хвои. Прошла весна, но к этим соснам она никогда не приходила. Она существовала, но где-то там, далеко от них, далеко от этого непрерывного ветра, солёного воздуха. Весна была там, цветущая, и каждая травинка, каждый цветок кричали о ней; свечки каждого расцветающего каштана были освещены солнцем. Там были утки с их утятами, были тюльпаны и нарциссы. А здесь была голая земля, без всякой тени, и каждое дерево страдало, искривлённое, оглушённое, оголённое. Море находилось слишком близко. Это место

обладало и собственным качеством красоты, но глядело на далёкие леса с молчаливой тоской, потому что в этот день холодный ветер дул очень сильно; высокие волны и порывистые ветры отгоняли весну всё дальше, в глубь суши. Над морем висел туман; бегущие тучи покрывали всю землю, унося с собой каналы, леса и плоское побережье. Даже низкие тюльпаны дрожали, такие близкие к земле, и их сверкающий цвет казался волной яркого света над полем. Птицы жили в лесах, но не среди этих сосен; здесь же оставались всего один-два дрозда, с их ярко-жёлтыми клювами, и один или два голубя. Это было чудесно – видеть свет на воде.

Он был крупный мужчина, крепко сбитый, с большими руками, – человек, должно быть, очень богатый. Он коллекционировал картины современных художников и весьма гордился своей коллекцией, которую критики оценивали как очень хорошую. Когда он говорил вам об этом, можно было видеть огонёк гордости в его глазах. У него был пёс, большой, деятельный и полный игривости; он проявлял большую живость, чем его хозяин. Ему хотелось выбежать на траву среди дюн и побегать наперегонки с ветром, но он послушно сидел там, где ему велел сидеть хозяин, и вскоре он заскучал и заснул.

Собственность владеет нами больше, чем мы владеем ею. Замок, дом, картины, книги, знания – они становятся гораздо более важными, более существенными, чем человек.

Он сказал, что много читал, и по книгам его библиотеки вы могли видеть, что у него собраны все последние авторы. Говорил он о духовной мистике, о безумной тяге к наркотикам, которая пронеслась по всей стране. Здесь сидел богатый, преуспевающий человек – а за ним скрывались пустота и поверхностность, которые никогда невозможно заполнить ни книгами, ни картинами, ни познаниями в области торговли.

Такова печаль жизни – пустота, которую мы пытаемся заполнить всевозможными фокусами ума. Но пустота остаётся. Эта печаль – тщетное усилие обладать. Из этой попытки проистекает стремление к господству и утверждению "я" с его пустыми познаниями и богатыми воспоминаниями о вещах, которые ушли и уже никогда не вернуться. Именно эту пустоту и одиночество порождает изолирующая мысль и продолжает питать их созданным ею знанием.

Именно эта горечь тщетного усилия и разрушает человека. Мысль не столь хороша, как компьютер, но располагает он только орудием мысли, с которым встречает проблемы жизни, а потому эти проблемы и разрушают его. Это та горечь понапрасну истраченной жизни, которую человек осознаёт, возможно, только в момент своей смерти – однако тогда будет слишком уж поздно.

Поэтому собственность, характер, достижения, домовитая, занятая семьёй жена становятся ужасно важными, и эта горечь изгоняет любовь. У вас есть либо одно, либо другое; иметь и то и другое вы не можете. Одно порождает цинизм и горечь как единственный результат жизни человека; другое же – дальше всех лесов и холмов.

-12-

Воображению и мысли нет места в медитации. Они ведут к рабству, а медитация приносит свободу. Доброе и приятное – разные вещи; одно приносит свободу, другое приводит к рабской зависимости от времени. Медитация – это свобода от времени. Время – наблюдающий, переживающий и мыслящий; время – мысль; медитация – выход и восхождение за пределы проявлений времени.

Воображение – всегда в поле времени; каким бы скрытым и тайным оно ни было, оно будет действовать. Это действие неизбежно приводит к конфликту и к зависимости от времени. Медитировать – значит быть чистым от времени.

Это озеро можно было увидеть издалека, за много миль. Вы добирались до него по извилистым дорогам, проходившим через поля зерновых и сосновые леса. Это была очень опрятная страна. Дороги были очень чистые, и на фермах с их домашним скотом, с лошадьми, с курами и свиньями царил образцовый порядок. Вы направлялись вниз, к озеру, пересекая холмистую местность, и со всех сторон высились покрытые снегом горы. Стояла очень ясная погода и снег искрился в свете раннего утра.

В этой стране много столетий не было войн; здесь ощущалась прочная безопасность, невозмутимая рутина повседневной жизни, приносящая с собой скуку и безразличие установившегося общества при хорошем правительстве.

Дорога была ровная, в хорошем состоянии, и достаточно широкая, чтобы автомобили легко могли разъехаться; теперь, перевалив через холм, вы оказались среди фруктовых садов. Немного подальше находился небольшой участок табака, и когда вы подходили ближе, вы могли ощутить сильный запах его зреющих цветов.

В то утро, когда вы спускались с высоты, начинало теплеть, и воздух был достаточно плотным. Мир страны входил в ваше сердце и вы становились частью земли.

Был день ранней весны. С севера дул прохладный ветер, и тени от солнца уже начинали становиться резкими. Высокий и тяжёлый эвкалипт мягко раскачивался на фоне дома; пел единственный дрозд – и вы могли увидеть его с того места, где сидели. Должно быть, он чувствовал себя довольно одиноко, ведь птиц в то утро было очень немного. На стене над садом уселись в линию воробьи. Сад содержался весьма скверно; не мешало бы скосить траву на газоне. Днём выходили дети и играли, и вы слышали их крики и смех. Они гонялись друг за другом среди деревьев и играли в прятки, и звонкий смех детей наполнял воздух.

Во время ланча за столом собралось около восьми человек. Один из них был кинорежиссёром, другой – пианистом; и был также молодой студент какого-то университета. Они беседовали о политике, бунтах в Америке, о войне, которая всё продолжалась и продолжалась; шёл непринуждённый разговор ни о чём. Внезапно режиссёр сказал: «Нам, людям старшего поколения, нет места в наступающем новом мире. Один весьма известный писатель выступал недавно в университете, так студенты буквально разорвали его на куски, он остался ни с чем. То, что он говорил, не имело никакого отношения к тому, чего хотят студенты, о чём они думают и чего добиваются. Он отстаивал свои взгляды, свою значительность и свой образ жизни, а студентам ничего этого не нужно. Поскольку я с ним знаком, мне известно, что он почувствовал. Он совершенно растерялся, хотя и не хотел признавать этого. Ему хотелось, чтобы новое поколение приняло его, а им не нужен его респектабельный традиционный образ жизни, хотя в своих книгах он писал о какой-то оформившейся перемене... Лично я вижу, – продолжал режиссёр, – что не имею никакой связи и никакого соприкосновения с кем-либо из молодого поколения. Я чувствую, что мы – лицемеры».

Это было сказано человеком, имя которого было хорошо известно по многим авангардным кинофильмам. Он не выказывал горечи по этому поводу. Он просто констатировал факт с улыбкой и пожатием плеч. Что в нём было особенно приятно, так это его откровенность с тем налётом смирения, что часто ей сопутствует.

Пианист был совсем молод. Он отказался от своей многообещающей карьеры, так как решил, что весь этот мир импресарио и концертов, с его рекламой и деньгами, является разукрашенным вымогательством. Сам же он хотел жить жизнью совсем другого рода – религиозной жизнью.

Он сказал: «То же самое происходит и во всём мире. Я только что вернулся из Индии. Там разрыв между старым и новым, пожалуй, даже ещё шире. Там невероятно сильны традиции,

старое страшно живуче, и, по всей вероятности, молодое поколение будет им поглощено. Но надеюсь, что останутся хотя бы немногие, кто начнёт сопротивляться и начнёт движение в другом направлении.

И я заметил, так как немного путешествовал, что молодое поколение (я ведь стар в сравнении с молодёжью) всё больше и больше отказывается от установленного порядка. Возможно, они запутались в мире наркотиков и восточной мистики, но у них есть перспектива, есть новая жизненность. Они отвергают церковь, жирного жреца, изодрённую иерархию религиозного мира. Они не желают иметь ничего общего с политикой и с войнами. Возможно, из их среды придёт росток нового».

Студент университета всё это время молча ел спагетти и смотрел в окно; но он, как и другие, внимательно следил за разговором. Он был довольно застенчив; хотя ему не нравилось учение, он посещал университет и слушал профессоров, не способных научить его надлежащим образом. Он много читал; ему нравилась английская литература, как и литература собственной страны, – он уже говорил об этом раньше во время встреч за столом, да и в другое время.

Он сказал: «Хотя мне всего лишь двадцать, я уже стар по сравнению с пятнадцатилетними. Их мозги работают быстрее, и они более проницательны, видят вещи яснее, доходят до сути дела раньше меня. Кажется, они знают гораздо больше, я чувствую себя старым по сравнению с ними. Но я совершенно согласен с тем, что вы сказали. Вы чувствуете, что вы – лицемеры, которые говорят одно, а делают другое. Это видно на примере политиков и священнослужителей, но я не понимаю, почему другие должны вступать в этот мир лицемерия? Ваша мораль отвратительна; вы хотите войны.

Что касается нас, мы не испытываем ненависти ни к негру, ни к человеку с тёмной кожей, ни к человеку с кожей какого-то другого цвета. Мы чувствуем себя свободно со всеми ними. Я знаю это потому, что много с ними общался.

Но вы, старшее поколение, создали этот мир расовых различий и войны – а мы ничего этого не хотим. Поэтому мы восстаём. Но и этот бунт сделался модным движением, его эксплуатируют разные политиканы, и поэтому мы теряем своё первоначальное отвращение к этому. Может, мы тоже станем уважаемыми, добродетельными гражданами. Но сейчас мы ненавидим вашу мораль и не имеем вообще никакой морали».

Минуту или две длилось молчание; эвкалипт был неподвижен, почти прислушиваясь к словам, которые произносились за столом. Дрозд улетел, улетели и воробьи. Мы сказали:

– Bravo, вы совершенно правы. Отрицать всякую мораль – значит быть нравственным, ибо общепринятая мораль есть мораль уважительности, а я боюсь, что все мы жаждем быть уважаемыми, то есть, чтобы нас признавали хорошими гражданами в этом загнившем обществе. Уважаемость весьма выгодна и обеспечивает вас хорошей работой и устойчивым доходом. Общепринятая мораль жадности, зависти, ненависти – это путь установленного порядка.

Когда вы целиком и полностью отрицаете всё это, не только на словах, но и всем сердцем, – вы подлинно нравственны. Ибо нравственность эта проистекает из любви, а не из какого-либо мотива выгоды, достижения, места в иерархии. Этой любви быть не может, если вы принадлежите обществу, в котором хотите найти славу, признание, положение. Поскольку во всём этом нет любви, мораль подобного общества аморальна. Когда вы отрицаете всё это из самой глубины вашего сердца, тогда имеет место добродетель – добродетель, присущая любви.

мысль в своих достижениях. Это всегда – движение по старому пути; новое покрытие, новые пейзажи, но дорога всё та же, ведущая в никуда, только к боли и печали.

Только когда ум выходит за пределы времени, истина перестаёт быть абстракцией. И тогда блаженство – не идея, извлечённая из наслаждения, но действительность, а не что-то словесное.

Опустошение ума от времени есть безмолвие истины, и видение этого есть действие; так что нет разделения между видением и действием. В промежутке между видением и действием рождается конфликт, горе и смятение. То, что не имеет времени, – вечно.

На каждом столе стояли жёлтые нарциссы – молодые, свежие, только что из сада, и в них всё ещё чувствовалось цветение весны. На боковом столике стояли кремово-белые лилии с ярко-жёлтой сердцевинкой. Увидеть этот кремово-белый цвет лилий и сияющую желтизну множества нарциссов было всё равно, что увидеть синее небо, необъятное, безграничное, безмолвное.

Почти все столы были заняты громко говорившими и смеявшимися людьми. За ближним столом какая-то женщина потихоньку кормила собаку мясом, которое сама не могла съесть. Казалось, у всех присутствующих были огромные порции; зрелище людей за едой было не из приятных; возможно и сам обычай есть на людях – варварский обычай. Человек в другом конце комнаты, наполнив себя вином и мясом, зажжёт большую сигару, и на его лице было блаженное выражение. Его столь же полная жена зажгла сигарету. Оба, казалось, забыли обо всём мире.

И здесь же были они, жёлтые нарциссы, и никто как будто не обращал на них внимания. Они были поставлены здесь в декоративных целях – что вообще было лишено какого бы то ни было смысла; когда вы наблюдали за ними, их жёлтый блеск наполнял шумную комнату. Цвет оказывал на глаз странное воздействие – получалось, что не столько глаз поглощает цвет, сколько цвет как бы наполняет ваше существо. Вы были этим цветом; вы не стали им – вы были от него без отождествления и наименования; эта безымянность и есть чистота. Где нет безымянности, там насилие, во всех его разнообразных формах.

А вы забывали мир, комнату, наполненную дымом, жестокость человека и красное уродливое мясо; казалось, эти стройные нарциссы уводят вас за пределы всякого времени.

Такова и любовь. В ней нет времени, пространства и личности. Именно личность порождает наслаждение и боль; именно личность приносит ненависть и войну, возводит стены вокруг людей, вокруг каждого человека, каждой семьи и сообщества. Человек тянется через слово к другому человеку – но и тот так же замкнут; мораль представляет собой слово, строящее мост между ними, и потому она становится уродливой и тщетной.

Любовь не такова; она похожа на лес по ту сторону дороги, который всегда обновляется, ибо всегда умирает. В ней нет никакого постоянства, которого ищет мысль; это движение, которого мысль никогда не сможет понять, не сможет его коснуться или почувствовать. Чувство мысли и чувство любви – разные; одно ведёт к рабству, другое – к расцвету доброты. Расцвет не происходит в сфере какого-то общества или какой-то культуры или какой-то религии, рабство же присуще всем обществам, религиозным верованиям и вере в потустороннее. Любовь безымянна и потому не склонна к насилию. Наслаждение же склонно к насилию, как и его движущие силы – желание и воля. Любовь не может породиться мыслью или добрыми делами. Отрицание всего процесса мысли становится красотой действия, которое есть любовь. Без этого не существует блаженства истины.

А там, на том столе, стояли жёлтые нарциссы.

продолжительности, потому что не имеет времени. Счастье и радость взаимоотношений, зрелище облака, увлекающего за собой землю, и свет листвы на листьях – это наслаждение и глаз и ума. Это наслаждение можно культивировать мыслью и придать ему продолжительность в пространстве памяти; однако это – не блаженство медитации, в которое включена интенсивность чувств. Чувства должны быть острыми и никоим образом не искажёнными мыслью и дисциплиной приспособления или общественной морали. Свобода чувств – не потворство этим чувствам: потворство есть наслаждение мысли. Мысль подобна дыму костра, но блаженство – это костёр без облака дыма, вызывающего слёзы на глазах. Наслаждение – это одно, блаженство – другое. Наслаждение – рабство мысли, блаженство – за пределами мысли, превыше неё. Основа медитации – понимание мысли и наслаждения, с их моралью и дисциплиной, создающими удобство. Блаженство медитации не принадлежит времени и не имеет длительности; оно за пределами обоих и потому неизмеримо. Его экстаз не во взгляде созерцающего и не в переживании мыслящего.

Мысль не в состоянии коснуться его ни своими словами и символами, ни порождённым ею смятением; это не слово, которое может иметь корни в мысли и может быть сформировано ею. Это блаженство приходит из полного безмолвия.

Стояло прекрасное утро с плывущими облаками и чистым синим небом. Прошёл дождь и воздух был чист. Каждый лист был новым; мрачная зима прошла; любой листик в сверкающем свете солнца, знал, что с прошлогодней весной никакой связи у него нет. Солнце сияло сквозь новые листья и бросало мягкий зелёный свет на влажную тропу, которая шла через лес к главному шоссе, ведущему к большому городу.

Вокруг играли дети, но они совсем не глядели на этот прекрасный весенний день. Им не было нужды смотреть на него – они сами были весной. Их смех и их игры были частью дерева и листка и цветка. Вы чувствовали это, здесь не было игры воображения. И листья и цветы как будто принимали участие в смехе, в криках и в пролетавшем мимо воздушном шаре. Каждая былинка, каждый жёлтый одуванчик и нежный лист были такими уязвимыми – и все они составляли часть этих детей, а дети были частью всей земли. Исчезла линия разделения между человеком и природой; но мужчина, мчавшийся на своём автомобиле, и женщина, возвращавшаяся с рынка, не осознавали этого. По всей вероятности, они даже ни разу не взглянули на небо, на трепещущий листик и на белую сирень. Они несли в сердцах свои проблемы, и их сердца никогда не бросали взгляда ни на детей, ни на сверкающий весенний день. Печально было то, что они родители этих детей, и скоро дети станут тем мужчиной на гоночной трассе и этой возвращающейся с рынка женщиной; и мир опять потускнеет. В этом заключалась нескончаемая скорбь. Наступающая осень сдует любовь с этого листка.

Это был молодой человек с женой и детьми. Он казался высокообразованным, интеллектуалом, удачно пользовавшимся словами. Довольно худощавый, он удобно уселся в кресле, скрестив ноги и сложив руки на коленях; его очки сверкали под лучами солнца, падавшими из окна. Он сказал, что всегда ищет – не только философские истины, но и ту истину, которая превыше слова и системы.

– Я полагаю, вы ищете потому, что вы не довольны?

«Нет, это не совсем так. Подобно каждому человеку, я тоже не удовлетворён, но не в этом причина искания. Это не искание при помощи микроскопа или телескопа, не искание жрецом своего Бога. Я не могу сказать, чего я ищу, я не могу указать на это пальцем. Мне кажется, что я был рождён с этим исканием; и хотя я счастливо женат, искание всё ещё продолжается. Это не бегство. Я и в самом деле не знаю, чего я ищу и что хочу найти. Я беседовал об этом и с некоторыми умными философами и с религиозными миссионерами с Востока, и все они

советовали мне продолжать моё искание и никогда не прекращать искать. После всех этих лет это всё ещё постоянное беспокойство».

– Нужно ли вообще искать? Искание всегда обращено к чему-то, находящемуся там, на другом берегу, на расстоянии, которое преодолевается временем и долгими переходами. Мы ищем и находим в будущем – там, сразу за холмом. Таков важнейший смысл исканий. Существует настоящее и вещь, которую надо найти в будущем. Настоящее не вполне деятельно и живо, и потому, конечно, то, что скрыто за холмом, более заманчиво, большего от нас требует. Учёный, у которого глаза прикованы к микроскопу, никогда не увидит паука на стене, хотя паутина его жизни не в микроскопе, а в жизни настоящего.

«Вы говорите, сэр, что искать бесполезно? – что нет никакой надежды в будущем? – что всё время заключено в настоящем?»

– Вся жизнь пребывает в настоящем, а не в тени вчерашнего дня и не в блеске надежды на завтра. Чтобы жить в настоящем, необходимо быть свободным и от прошлого и от завтрашнего дня. В завтрашнем дне ничего нельзя найти, так как "завтра" – это настоящее, а "вчера" – лишь воспоминание. Поэтому расстояние между тем, что нужно найти, и тем, что есть, благодаря исканию постоянно увеличивается – каким бы приятным и успокаивающим это искание ни было.

Непрестанные поиски цели жизни – одна из пустых уловок человека. Если он найдёт то, что ищет, найденное окажется не более ценным, чем камешек на дороге. Для того, чтобы жить в настоящем, ум не должен быть разделён воспоминанием о вчерашнем дне или блестящей надеждой на завтрашний день: у него не должно быть ни завтрашнего дня, ни вчерашнего. Это не поэтическое утверждение, а действительный факт. Поэзии и воображению нет места в деятельном настоящем. И речь не о том, чтобы вы отрицали красоту, но любовь и есть та красота в настоящем, которую нельзя найти исканием.

«Мне кажется, я начинаю видеть всю бесплодность тех лет, которые я потратил на искание, на тех вопросов, которые я задавал себе и другим, начинаю видеть всю бесплодность ответов».

– Конец – это начало, и начало есть первый шаг, и первый шаг – это единственный шаг.

-15-

Это был несколько грубоватый человек, полный интереса и напористости. Он много читал и говорил на нескольких языках. Он побывал на Востоке, знал кое-что об индийской философии и читал так называемые священные книги, был последователем то одного, то другого гуру. И вот теперь он сидел здесь, в этой комнате с видом на зелёную долину, улыбающуюся на утреннем солнце. Сверкали снежные вершины, и над горами только что показались огромные облака. Ожидался очень приятный день, и на этой высоте воздух был чист и повсюду проникал свет. Лето только начиналось, и в воздухе всё ещё чувствовалась весенняя прохлада. Это была спокойная долина, особенно в это время года, наполненная тишиной, звуками коровьих колокольчиков, запахом сосен и свежескошенной травы. Множество детей кричало и играло, и в это утро, так рано, в воздухе витало блаженство и от красоты земли захватывало дух. Глаза видели синее небо и зелёную землю, и это был праздник.

«Поведение и есть добродетель – по крайней мере, вы так сказали. Я слушал вас несколько лет в разных частях света, и я постиг смысл вашего учения. В своей жизни я не пытаюсь воплощать это учение в действие, ведь тогда оно становится ещё одним стереотипом, ещё одной формой подражания, приятием какой-то новой формулы. Я вижу эту опасность. Я усвоил многое

из того, что вы сказали, и усвоенное почти стало частью меня самого. Это может воспрепятствовать свободе действия, на которой вы так настаиваете. Жизнь человека никогда не бывает свободной и спонтанной. Мне приходится жить повседневной жизнью, но я всегда слежу за тем, чтобы не следовать просто ещё одному новому стереотипу, который сам для себя создал. Поэтому я живу как бы двойной жизнью – существует обычная деятельность, семья, работа, и прочее, а с другой стороны существует учение, которое даёт вы и которое меня глубоко интересует. Если я слеую этому учению, тогда я – такой же человек, как любой католик, подчиняющийся авторитету догмы. Так вот, исходя из чего мы действуем в повседневной жизни, если мы живём учением, а не просто подчиняемся ему?»

– Необходимо отбросить учение и учителя, а так же последователя, который старается жить жизнью какого-то другого порядка. Существует только изучение – в изучении содержится действие. Изучение неотделимо от действия. Если они отделены друг от друга, изучение – какая-то идея или набор идеалов, согласно которому происходит действие, тогда как настоящее изучение – это такое действие, в котором нет конфликта. Когда мы поняли этот факт, в чём тогда вопрос? Изучение – это не абстракция, не идея, а фактическое изучение чего-то. Вы не можете учиться не действуя; вы не можете изучать самого себя иначе, нежели в действии. Это не означает, что вам следует сначала изучить себя, а уж затем действовать, исходя из этого знания, ведь тогда действие станет подражательным, приспособляющимся к накопленному вами знанию.

«Но, сэр, я каждое мгновение подвергаюсь вызову со стороны того или иного фактора, и я реагирую на вызов, как это делал всегда, что зачастую означает конфликт. Мне хотелось бы понять место того, что вы говорите о процессе изучения, в этих повседневных ситуациях».

– Вызовы всегда должны быть новыми, иначе они не будут вызовами, но ответ, который стар, – неадекватен, и потому здесь налицо конфликт. Вы спрашиваете, что здесь изучать. Здесь происходит изучение реакций, того, как они проявляются, их глубинной основы и обусловленности, то есть изучение всей структуры и природы реакции. Это не накопление, исходя из которого вы станете реагировать на вызов. Изучение представляет собой движение, не привязанное к знанию. Если оно к нему привязано, оно не будет движением. Машина, компьютер – привязаны. В этом основное различие между человеком и машиной. Учиться, изучать – это наблюдать, видеть. Если вы исходите из накопленного знания, это видение ограничено, и в нём нет ничего нового.

«Вы говорите, что мы изучаем всю структуру ответа. Это как будто означает, что имеется определённый объём изученного. С другой стороны, вы сказали, что изучение, о котором вы говорите, настолько текуче, что оно совсем не создаёт никаких накоплений».

– Наше образование – это накопление объёма знаний, – и компьютер делает это быстрее и с большей точностью. Какая же нужда в таком образовании? Очень скоро машины примут на себя большую часть деятельности человека. Когда вы говорите, как говорят и другие, что учёба есть собирание некоторого объёма знаний, вы отвергаете движение жизни, которое является отношением и поведением, не так ли? Если отношения и поведение основаны на прошлом опыте и знании – есть ли тогда подлинные отношения? Является ли память, со всеми её ассоциациями, истинной основой для отношений? Память – это образы и слова, и когда вы основываете свои отношения на символах, образах, словах, может ли это когда-либо породить истинные отношения?

Как мы сказали, жизнь представляет собой движение отношений; и если все эти отношения привязаны к прошлому, к памяти, их движение ограничено и становится мучительным.

«Я очень хорошо понимаю, что вы говорите, и я снова спрашиваю: исходя из чего

действуете вы? Не противоречите ли вы сами себе, когда говорите, что мы учимся, наблюдая всю структуру наших откликов, и в то же время заявляете, что учение исключает накопления?»

– Видение структуры – живое; оно движется; но когда это видение прибавляет нечто к структуре, структура становится гораздо более важной, чем видение – которое и есть жизнь; в этом нет никакого противоречия. Мы говорим: видение гораздо важнее, чем природа структуры. Когда вы придаёте важность изучению структуры, а не учению как видению, тогда противоречие действительно налицо; тогда видение – это одно, а изучение структуры – другое.

Вы спрашиваете, сэр, – каков источник, из которого исходит действие. Если существует какой-то источник действия, тогда это – память, знание, то есть прошлое. Мы сказали: видение есть действие, они нераздельны. Видение всегда новое, значит и действие всегда новое. Поэтому видение повседневных реакций выявляет новое, а это и есть то, что вы называете спонтанностью. В сам момент гнева нет узнавания его как гнева. Узнавание происходит через несколько секунд: мы узнаём, что мы "рассержены". Является ли это видение гнева осознанием его без выбора, или это опять выбор, основанный на старом? Если оно основано на старом, тогда все ответы на гнев – подавление, контроль, потворство и прочее – все они являются традиционной деятельностью. Но когда видение происходит без выбора, тогда существует только новое.

Из этого вытекает другая интересная проблема: наша зависимость от вызовов, которые поддерживают нашу пробуждённость, выбивают нас из рутины, традиции, выводят из установленного порядка посредством кровопролития, бунта или какого-то другого потрясения.

«Возможно ли, чтобы ум совсем не зависел от вызовов?»

– Это возможно, когда ум подвергается постоянным изменениям, не имеет места отдыха, безопасной стоянки, внутренних капиталовложений или обязательств. Пробуждённому уму – уму, который полон света, – зачем ему какие бы то ни было вызовы?

-16-

Медитация – это действие безмолвия. Мы действуем, исходя из мнения, из умозаключения, из знания, исходя из умозрительных намерений. Такое действие неизбежно приносит результаты в виде противоречия в действиях между тем, что есть, и тем, что было или что должно быть. Это действие, исходящее из прошлого, называемого знанием, механично, способно к приспособляемости, видоизменениям, но корни его в прошлом. И потому тень прошлого всегда покрывает настоящее. Такое действие в отношениях – результат образа, символа и вывода; отношения при этом оказываются явлением прошлого, памятью, а не чем-то живым. Из этой болтовни, из этого беспорядка и противоречия вытекает деятельность, разбивающаяся на стереотипы культуры, сообществ, общественных институтов и религиозных догм. Из этого нескончаемого шума совершается революция нового социального порядка, представляющего, как нечто действительно новое, – но поскольку она идёт от известного к известному, это вообще не изменение. Изменение возможно лишь при отрицании известного; действие тогда совершается не согласно какому-то стереотипу, но исходя из разумности, которая постоянно обновляется.

Разумность – это не различение и суждение или критическая оценка. Разумность – видение того, что есть. То, что есть, постоянно изменяется, и когда видение стоит на якоре в прошлом, разумность видения прекращается. Тогда действие продиктовано мёртвым грузом памяти, а не разумностью восприятия. Медитация – мгновенное видение всего этого. И чтобы видеть, должно быть безмолвие; из безмолвия исходит действие, совершенно отличное от деятельности мысли.

Весь день шёл дождь; вода капала с каждого листа, с каждого лепестка. Ручей вздулся, чистая вода ушла; так что сейчас он был грязен и стремителен. Были деятельны лишь воробьи,

вороны и крупные чёрно-белые сороки. Горы скрывались за тучами, и холмы, лежащие ниже, были едва видны. Дождя не было несколько дней, и запах свежего ливня на сухой земле был восхитителен. Если бы вы находились в тропических странах, где целыми месяцами нет дождей и яркое горячее солнце ежедневно иссушает землю, вы бы с наступлением первых дождей ощутили бы запах свежей влаги, падающей на старую и оголённую землю, как наслаждение, проникающее в самые глубины сердца. Но здесь, в Европе, запах был другого рода, более мягкий, не такой сильный, не столь проникающий. Он напоминал лёгкий ветерок, который вскоре проходит.

А на завтра, ранним утром, небо было ярко-синим; все облака ушли, и на горных вершинах искрился снег, луга были покрыты свежей травой и тысячами свежих весенних цветов. То было утро, полное невыразимой красоты; и на каждом листке травы была любовь.

Это был хорошо известный режиссёр, и что удивительно, совсем не тщеславный. Напротив, он был весьма дружелюбным, с готовой улыбкой. Он поставил много удачных фильмов; другие подражали им. Как многих наиболее восприимчивых режиссёров, его занимало выражение в фильмах бессознательного, с его фантастическими снами и конфликтами. Он изучал труды богов психоанализа и сам принимал наркотики в экспериментальных целях.

Человеческий ум сильно обусловлен культурой, в которой живёт, её традициями, экономическим состоянием и особенно религиозной пропагандой. Ум энергично возражает против того, чтобы оказаться рабом какого-либо диктатора или тирании государства, однако охотно подчиняется тирании церкви, мечети или наиболее модным психиатрическим догмам. Видя так много беспомощности и горя, он ловко придумывает какой-нибудь новый Святой Дух или новый Атман, который вскоре становится почитаемым образом.

Ум, который произвёл в мире такие разрушения, в своей основе боится самого себя. Он знаком с материалистическим мировоззрением науки, её достижениями, её возрастающим влиянием и поэтому начинает формировать новую философию; философские системы вчерашнего дня уступают место новым теориям, но основные проблемы человека остаются нерешёнными.

Среди всей этой суматохи войны и раздоров и крайнего эгоизма существует главный вопрос – вопрос о смерти. Как и самые древние, так и недавно возникшие религии обусловили человека определёнными догмами, надеждами и верованиями, дающими готовый ответ на эту проблему; однако на смерть нельзя ответить мыслью, интеллектом; это факт, и уклониться от него вы не можете.

Вам нужно умереть, чтобы выяснить, что такое смерть, а делать это человек, по-видимому, не может, ибо его пугает смерть по отношению ко всему, что он знает, к самым сокровенным своим надеждам и видениям, имеющим глубокие корни.

В действительности завтрашнего дня нет, но между настоящим моментом жизни и будущим моментом смерти лежит множество завтрашних дней. В этом разделяющем промежутке человек живёт в страхе и озабоченности, но никогда не спускает глаз с того, что неизбежно. Он не хочет даже разговаривать об этом и украшает могилу всеми известными ему украшениями.

Умереть для всего, что мы знаем, – не для особых форм знания, а для всего знания, – это и есть смерть. Призвать будущее, то есть смерть, для того, чтобы покрыть им весь сегодняшний день, есть тотальное умирание; тогда нет промежутка между жизнью и смертью. Тогда смерть – это жизнь, и жизнь – это смерть.

Сделать это, очевидно, ни один человек не хочет. И всё-таки человек всегда ищет нового, и держа в одной руке старое, он другой рукой нащупывает ход в неведомое, чтобы найти это новое. Отсюда неизбежный конфликт двойственности: "я" и "не-я", наблюдающий и

наблюдаемое, факт и то, что должно быть.

Это смятение полностью прекращается, когда наступает окончание известного. Такое окончание и есть смерть. Смерть – это не идея, не символ, а грозная реальность, и вы не можете спастись от неё, цепляясь за предметы сегодняшнего дня, которые принадлежат вчерашнему дню, или поклоняетесь символу надежды.

Нужно умереть для смерти – только тогда и рождается чистота, только тогда и проявляется вневременная новизна. Любовь – всегда новое, и воспоминание о любви есть смерть любви.

-17-

Это был широкий, пышный луг с зелёными холмами вокруг него. В то утро он сверкал и искрился от росы и птицы пели небу и земле. На этом лугу с таким множеством цветов, стояло единственное дерево, величественное и уединённое. Высокое и стройное, оно в то утро имело особое значение. Оно отбрасывало длинную глубокую тень, и между деревом и тенью существовало необычайное безмолвие. Они находились в общении друг с другом – реальное и нереальное, символ и факт. Дерево было поистине великолепным со всеми поздними весенними листьями, которые все трепетали в дуновении ветерка, здоровые, ещё не изъеденные червями; и в нём было огромное величие. Не облачённое в одеяние величия, оно само по себе было роскошным и внушительным. К вечеру оно погрузится в себя, молчаливое и равнодушное, хотя бы даже дул и сильный ветер; а когда взойдёт солнце, дерево также пробудится и распространит своё богатое зелёную благословение на луг, холм и всю землю.

Слышались крики голубых соек, да и белки были очень деятельны в то утро. Красота дерева в его одиночестве сжимала сердце. Это не было красотой того, что вы видели; красота заключалась в самой себе. Хотя ваши глаза видели и более красивые предметы, это дерево, уединённое, огромное, наполненное чудом, вы видели взором, не отягощённым привычкой. Должно быть, оно было очень старым, но вы никогда бы не подумали о нём, как о старом. Когда вы подходили к нему и садились в его тени, опираясь спиной о ствол, вы чувствовали землю, силу, заключённую в этом дереве, и его великую отчуждённость. Вы почти могли разговаривать с ним, и оно многое вам рассказывало. Но всегда оставалось это ощущение, что оно далеко, хотя вы прикасались к нему, чувствовали его шероховатую кору, по которой ползали многочисленные муравьи. Этим утром его тень была весьма резкой и ясной, и казалось, что она простирается за эти холмы до других холмов. Это было подлинное место для медитации – если вы умели медитировать. Оно было очень спокойным; и ваш ум, если он был острым, ясным, тоже успокаивался, освобождаясь от влияния окружающего, становясь частью этого сверкающего утра с росой, оставшейся на траве и тростнике. Эта красота всегда будет там, на лугу с этим деревом.

Это был человек средних лет, хорошо сохранившийся, аккуратный, одетый с большим вкусом. Он сказал, что много путешествовал, хотя и не по каким-то особым делам. Отец оставил ему немного денег, и он повидал какую-то часть мира, не только то, что находится на поверхности земли, но также и все эти редкости самых богатых музеев. Говорил, что любит музыку и иногда играет сам; он также казался начитанным человеком. Во время разговора он сказал: «В людях так много насилия, злобы и ненависти друг против друга. Мы как будто утратили любовь, в сердцах наших нет красоты; вероятно, никогда и не было. Любовь превращена в такой дешёвый товар, а искусственная красота стала более важной, чем красота гор и деревьев и цветов. Красота детей быстро вянет. Меня всегда интересовали любовь и красота. Давайте поговорим об этом, если вы можете уделить этому немного времени».

Мы сидели на скамье у ручья. За нами тянулась линия железной дороги, и высились холмы,

усеянные дачами и фермами.

– Любовь и красота не могут быть разделены. Без любви нет красоты; они взаимосвязаны, неразделимы. Мы до такой степени развили свой ум, свой интеллект и свою ловкость, сделали их столь разрушительными, что они получили преобладание, попирая то, что можно назвать любовью. Конечно, слово – не реальная вещь, оно не в большей степени реально, чем эта тень дерева есть само дерево. Мы не сможем выяснить, что такое любовь, если мы не отступим от своей ловкости и от высот интеллектуальных ухищрений, если мы не почувствуем сверкающую воду, не осознаем эту свежую траву. Разве можно найти эту любовь в музеях, в показной красоте церковных ритуалов, в кино или в лице женщины? Не является ли для нас важным самим выяснить, как мы отделились от самых обычных предметов жизни? Не то, чтобы нам нужно было невротически поклоняться природе; но если мы утратили контакт с природой, не значит ли это также, что мы теряем контакт с человеком, с самим собой? Мы ищем красоту и любовь вне самих себя, в людях, в собственности, в обладаниях; они становятся гораздо более важными, чем сама любовь. Обладание, собственность означает наслаждение, и поскольку мы держимся за наслаждение, любовь оказывается изгнанной. Красота – внутри нас самих, не обязательно в вещах, которые нас окружают. Когда окружающие нас вещи становятся более важными и мы вкладываем красоту в них, красота внутри нас уменьшается. И вот всё больше и больше, по мере того, как мир становится всё более насильственным, материалистичным, музеи и все остальные объекты становятся тем, чем мы стараемся облечь собственную наготу и заполнить свою пустоту.

«Почему вы говорите, что когда мы находим красоту в людях и в окружающих нас предметах, и когда мы испытываем наслаждение, это ослабляет красоту и любовь внутри нас?»

– Всякая зависимость порождает в нас чувство обладания, и мы становимся той вещью, которой владеем. Я владею этим домом – я и есть этот дом. Тот мужчина, проезжающий мимо нас верхом, и есть гордость обладания, хотя красота и достоинство лошади более значительны, чем этот человек. Таким образом, зависимость от красоты линии или от прелести лица, несомненно, должна унижить самого наблюдающего; и это не означает, что следует отказаться от красоты линии или от прелести лица; это означает, что когда вещи вне нас приобретают большое значение, мы оказываемся во власти внутренней нищеты.

«Вы говорите, что если я реагирую на это привлекательное лицо, я внутренне беден. Но ведь если я не реагирую на это лицо или на линию какого-то здания, я оказываюсь изолированным и бесчувственным».

– Когда существует изоляция, определённо должна существовать зависимость, и зависимость порождает наслаждение, а следовательно и страх. Если вы совсем не реагируете, налицо или паралич, безразличие, или чувство отчаяния, которое возникло в силу безнадежности стремления к постоянной удовлетворённости. Поэтому вы вечно захвачены этой ловушкой отчаяния и надежды, страха и наслаждения, любви и ненависти. Когда существует внутренняя нищета, есть и стремление её заполнить. Это бездонная яма противоположностей – противоположностей, наполняющих нашу жизнь и порождающих борьбу в этой жизни. Все эти противоположности тождественны, ибо являются ответвлениями одного и того же корня. Любовь – не продукт зависимости, и любовь не имеет противоположности.

«Разве в мире не существует уродство? Разве оно не противоположно красоте?»

– Конечно, в мире существует уродство – в виде ненависти, насилия и прочего. Почему вы сравниваете всё это с красотой, с ненасилием? Мы сравниваем их потому, что мы имеем шкалу ценностей, и мы ставим на самый верх то, что называем красотой, а уродство помещаем на дне. Можете ли вы взглянуть на насилие без сравнения? И если вы смотрите таким образом, что

происходит? Вы обнаруживаете, что имеете дело только с фактами, не с мнениями, не с тем, что должно быть, не с измерениями. Мы можем иметь дело с тем, что есть, и немедленно действовать; то, что должно быть, становится идеологией а потому фантастично, а следовательно бесполезно. Красота не подлежит сравнению, не подлежит сравнению и любовь; и когда вы говорите: "Я люблю этого человека больше, чем того", это перестаёт быть любовью.

«Вернёмся к тому, о чём я говорил. Будучи впечатлительным, человек с готовностью и без осложнений реагирует на приятное лицо или на красивую вазу. Этот бездумный ответ незаметно переходит в зависимость и наслаждение, а также во все описываемые вами сложности. Поэтому зависимость кажется мне неизбежной».

– Существует ли что-нибудь неизбежное – кроме, разве что смерти?

«Если она не является неизбежной, это означает, что я могу управлять своим поведением, – которое поэтому будет механичным».

– Видеть неизбежность процесса и означает быть не механичным. Именно отказывающийся видеть то, что есть ум становится механичным.

«Если я вижу неизбежное, я всё ещё не могу понять, где и как мне поставить себе предел?»

– Вы не ставите себе никакого предела, но видение приносит с собой собственное действие. Когда вы спрашиваете: "Где мне поставить себе предел?", то это вмешательство мысли, которая боится быть захваченной, хочет быть свободной. Видение – не процесс мысли; видение – всегда новое, свежее, деятельное. Мышление – всегда старое, оно никогда не бывает свежим. Видение и мышление принадлежат к двум совершенно различным порядкам, и эти два порядка никогда не могут сблизиться. Так что любовь и красота не имеют противоположностей, и они не являются следствием внутренней нищеты. Следовательно, любовь существует вначале, а не в конце.

-18-

Звон церковных колоколов проникал через лес, распространялся над водой и доносился со стороны густого луга. Звук слышался по-разному в зависимости от того, откуда он приходил – через лес, над открытым пространством луга или через быстро текущий шумный поток. Подобно свету, звук обладает особым качеством, которое приносит безмолвие: чем глубже безмолвие, тем слышнее красота звука. В тот вечер, когда солнце проплывало над западными холмами, звук церковных колоколов был совершенно необычным. Вы слышали их как бы впервые. Они не были такими старыми, как колокола древних храмов, но несли с собой чувство этого вечера. На небе ни облачка. Это был самый долгий день в году, и солнце заходило на севере дальше, чем когда-либо.

Едва ли мы когда-нибудь прислушиваемся к звукам собачьего лая или к плачу ребёнка или к смеху прохожего. Мы отделяем себя от всего, а затем из этой изоляции смотрим на все вещи и прислушиваемся к ним. Именно это отделение оказывается таким разрушительным, потому что в нём то и заложен весь конфликт, всё смятение. Если вы слушали звон этих колоколов в полном молчании, вы как бы плыли с ним; вернее, звук как бы уносил вас через долину и переносил через холмы. Красота его ощущается лишь тогда, когда вы не отделены от звука, когда вы – часть его. Медитация есть окончание отделения, но не в силу какого-то действия воли или желания, не благодаря стремлению к наслаждению вещами, ещё не испробованными.

Медитация – не что-то отдельное от жизни, а самая её сущность, самая сущность повседневной жизни. Слушать эти колокола, слышать смех этого крестьянина, когда он с женой проходит мимо, слушать звук звонка велосипеда, проезжающей мимо вас маленькой девочки – это и есть жизнь как целое, не просто её осколок, и такую жизнь открывает медитация.

«Что такое для вас Бог? В современном мире, в среде студентов, рабочих, политиков, Бог мёртв. Для священнослужителей Бог – удобное слово, оно даёт им возможность сохранить свою работу, по-прежнему извлекать выгоду, как в физической, так и в духовной сфере; для среднего человека... не думаю, чтобы его это слишком беспокоило, разве что в некоторых случаях, когда случается какое-то бедствие, или когда ему хочется показаться добропорядочным гражданином среди добропорядочных соседей. В других условиях это слово имеет очень мало значения. И вот я проделал это достаточно далёкое путешествие сюда, чтобы узнать от вас, во что вы верите, или, если вам не нравится это слово, существует ли Бог в вашей жизни. Я был в Индии, посетил там разных учителей с их учениками; и все они с большей или с меньшей уверенностью утверждают, что Бог существует; и они указывают путь к нему. Я хотел бы, если возможно, побеседовать с вами об этом довольно серьёзном вопросе, который преследует человека многие тысячелетия».

– Вера – одно, реальность – совсем другое. Одно ведёт к рабству, другое возможно только в свободе. Никакой связи между ними нет. Нельзя оставить или отбросить веру с целью получить свободу. Свобода – не награда, не морковка перед мордой осла. С самого начала очень важно понять именно это – противоречие между верой и реальностью.

Вера никогда не может привести к реальности. Верование есть результат обусловленности; либо это следствие страха, либо результат внешнего или внутреннего авторитета, который приносит успокоение. Реальность не имеет с ними ничего общего. Это нечто целиком и полностью иное, и не существует перехода отсюда туда. Теолог начинает с твёрдо установленной позиции. Он верит в Бога, в Спасителя, в Кришну или в Христа – а затем плетёт теории соответственно своей обусловленности и ловкости своего ума. Он, подобно теоретику-коммунисту, привязан к концепции, к формуле, и то, что он сплетает есть следствие его собственных размышлений.

Неосмотрительные захвачены этим процессом, подобно тому, как неосторожная муха попадает в паутину к пауку. Вера рождена из страха или традиции. Две тысячи лет или десять тысяч лет пропаганды – такова религиозная структура слов, с их ритуалами, догмами и верованиями. Слово тогда становится чрезвычайно важным и повторение этого слова гипнотизирует легковерных. Легковерные всегда желают поверить, принять или подчиниться – вне зависимости от того, будет ли предлагаемое хорошим или плохим, вредным или благотворным. Верующий ум – не исследующий ум, поэтому он остаётся в пределах формулы или принципа. Подобно животному, привязанному к столбу, он способен ходить только в пределах длины верёвки.

«Но без веры мы ничего не имеем! Я верю в добро, в святость брака, в посмертное существование – и в эволюционный рост, направленный к совершенству. Эти убеждения имеют для меня огромную важность, ибо они удерживают меня в каких-то границах, в пределах нравственности; если вы отнимите у меня веру – я погиб».

– Быть добрым и становиться добрым – это разное. Расцвет доброты – это не то же самое, что становиться добрым. Становиться добрым – это отрицать доброту. Пытаясь стать лучше, мы отрицаем то, что есть; это "лучше" портит то, что есть. Быть добрым – это "сейчас", в настоящий момент; становиться добрым – это в будущем, которое представляет собой изобретение ума, захваченного верой или сравнением или временем. Если есть измерение, добро исчезает.

Важно не то, во что вы верите, не каковы ваши формулы, принципы, догмы, мнения, а почему они вообще у вас имеются, почему ваш ум отягощён ими. Существенны ли они, необходимы ли? Если вы серьёзно зададите себе этот вопрос, вы обнаружите, что они –

результат страха или привычки принимать. Именно этот основополагающий страх препятствует вашей вовлечённости в то, что действительно есть. Именно этот страх создаёт условия для связанности. Вовлечённость естественна: вы вовлечены в жизнь, в свою деятельность; вы – внутри жизни, внутри всего её движения. Но быть связанным – это обдуманное действие ума, который функционирует и думает фрагментарно; привязаться можно только к фрагменту. Вы не в состоянии преднамеренно связать себя с тем, что считаете целым, потому что это намерение есть часть процесса мысли – мысль же всегда разделяет, она всегда действует фрагментарно.

«Да, вы не можете быть связанными, не называя того, с чем связаны, а наименование есть ограничение».

– Что такое это ваше утверждение – просто набор слов или действительность, которую вы сейчас осознали? Если это просто набор слов – то это верование и потому никакой ценности не имеет вообще. Если это действительная истина, которую вы сейчас открыли, тогда вы свободны и находитесь в состоянии отрицания. Отрицание ложного – не утверждение. Всякая пропаганда ложна, а человек жил пропагандой, простирающейся от мыла до Бога.

«Вы загоняете меня в угол вашим восприятием; разве это не тоже своего рода пропаганда – пропаганда того, что видите вы?»

– Конечно нет. Вы сами загоняете себя в угол, где вам приходится видеть вещи такими, каковы они есть, – не подвергаясь уговорам и влиянию. Вы сами начинаете осознавать то, что действительно существует прямо перед вами, а потому вы свободны от другого, вы свободны от всякого авторитета – от авторитета слова, человека, идеи. Для того, чтобы видеть, нет необходимости в вере. Наоборот, для того, чтобы видеть, необходимо отсутствие веры. Видеть вы можете только тогда, когда есть состояние отрицания, а не положительное состояние веры. Видение – состояние отрицания, в котором единственная очевидность – "то, что есть". Вера – формула бездействия, порождающая лицемерие; именно против этого лицемерия восстаёт и борется всё молодое поколение. Но позднее, в течение жизни, и это молодое поколение также оказывается захваченным лицемерием. Вера – опасность, которой следует полностью избегать, если необходимо увидеть истину того, что есть. Политик, священнослужитель или добропорядочный член общества всегда функционируют согласно формуле, принуждая и других жить в соответствии с этой формулой, – и бездумные, глупые всегда ослеплены их словами, обещаниями, надеждами. И авторитет формулы становится гораздо более важным, чем любовь к тому, что есть. Поэтому авторитет есть зло, будь то авторитет верования, традиции или обычая, называемого моралью.

«Могу ли я быть свободен от этого страха?»

– Вы, несомненно, задаёте неправильный вопрос, не так ли? Вы и есть этот страх; вы и страх – не два отдельных явления. Отделение – это страх, порождающий формулу: "Я подчиню его, я подавлю его, я убегу от него". Такова традиция, которая вселяет ложную надежду на преодоление страха. Когда вы видите, что вы и есть страх, что вы и страх – не два разных явления, этот страх исчезает. Тогда совершенно не нужны формулы и верования. Тогда вы живёте только с тем, что есть и видите его истину.

«Но вы не ответили мне на вопрос о Боге, не так ли?»

– Пойдите к любому месту поклонения – есть ли там Бог? А в камне, в слове, в ритуале, в возбуждённом чувстве, когда вы видите нечто, красиво сделанное? Религии разделили Бога на вашего Бога и моего Бога, на Богов Востока и Богов Запада, – и каждый Бог отменил и ликвидировал другого Бога. Где же найти Бога? Под листком, в небесах, в вашем сердце? – или это всего только слово? – символ, представляющий нечто такое, что не может быть облечено в слова? Несомненно, нужно отбросить символ, место поклонения и паутину слов, сотканную

человеком вокруг себя. Только после того, как вы это сделали, – и не раньше, – вы сможете приступить к исследованию вопроса о том, существует ли какая-нибудь неизмеримая реальность, или нет.

«Но отказавшись от всего этого, вы совсем погибли, вы пусты, одиноки – как в таком состоянии вы можете заниматься исследованием?»

– Вы в таком состоянии, потому что испытываете жалость к себе, а жалось к себе – это мерзость. Вы потому в таком состоянии, что не увидели по-настоящему, что ложное действительно ложно. Когда же вы это видите, такое видение даёт вам огромную энергию и свободу видеть истину как истину, а не как иллюзию или фантазию ума. Эта свобода необходима, чтобы увидеть из неё нечто такое, что нельзя облечь в слова. Но это не переживание и не личное достижение. Все переживания в этом смысле ведут к противоречивому существованию, несущему разобщение. Именно это разобщающее существование в качестве мыслящего, наблюдающего, требует и дальнейших и более широких переживаний, и этот наблюдающий получит то, что требует, – но это не истина.

Истина – не ваша и не моя. "Ваше" можно организовывать, благоговейно хранить, эксплуатировать. Именно это и происходит в мире. Но истину нельзя упорядочить. Подобно красоте и любви, истина вне сферы обладания.

-19-

Если вы пройдёте через городок по его единственной улице с множеством лавок, булочной, магазином фотоаппаратов, книжной лавкой и рестораном на открытой площадке, пройдёте под мостом мимо мастерской дамского платья и перейдёте через ещё один мост, минуете лесопилку, затем войдёте в лес, проследуете мимо ручья – глядя на всё, мимо чего проходили, глазами и чувствами полностью пробуждёнными, но без единой мысли в уме, – вы узнаете, что это такое – существовать без отделения. Вы пройдёте мимо этого ручья мило или две, опять без единого колебания мысли, глядя на стремительный поток воды, прислушиваясь к его шуму и видя его цвет – серо-зелёный цвет горного ручья, – глядя на деревья, на их зелёные листья, на виднеющееся между ветвями синее небо – без единой мысли и без единого слова, – и тогда вы узнаете, что значит не иметь пространства между собой и этим листком травы.

Если вы пройдёте через луга, с их тысячами цветов всех невообразимых оттенков, от ярко-красного до жёлтого и пурпурного, с их ярко-зелёной травой, дочиста отмытой дождём последней ночи, богатой и зеленеющей, – снова без единого движения мысленного механизма, – тогда вы узнаете, что такое любовь. Если смотреть на голубое небо, на высокие, надутые ветром облака, на зелёные холмы с их чистыми линиями на фоне неба, на буйную траву и увядающий цветок, – смотреть без единого слова вчерашнего дня, когда ум вполне спокоен и безмолвен, когда никакая мысль его не беспокоит и наблюдающий полностью отсутствует, – существует единство. Не то, чтобы вы сливались в единстве с цветком или облаком или этими раскинувшимися вокруг холмами – но, скорее, это чувство полнейшего небытия, в котором исчезает разделение между вами и кем-то другим. Женщина несёт продукты, купленные на рынке, большой чёрный эльзасский пёс, двое детей, играющие с мячом, – если вы можете смотреть на всё это без единого слова, без измерения, без каких-либо ассоциаций, прекратятся всякие раздоры между вами и другим человеком. Это состояние без слова, без мысли, есть расширение ума; оно не имеет границ, не имеет рубежей, внутри которых могут существовать "я" и "не-я". Не думайте, что это воображение, или какой-то полёт фантазии, или некоторое желаемое мистическое переживание; это не так. Это состояние также действительно, как пчела не том цветке или маленькая девочка на велосипеде и человек, взбирающийся на лестницу

красить дом, – весь конфликт ума в его разделённости пришёл к концу. Вы смотрите без взгляда наблюдающего, вы смотрите без оценки слова и без меры вчерашнего дня. Взгляд любви отличен от взгляда мысли. Один ведёт туда, куда мысль проследовать за ним не может, другой ведёт к разобщению, конфликту, печали. Из этой печали вы не можете прийти к другому состоянию. Расстояние между ними создано мыслью, а мысль, как бы она ни шагала, не может достичь ничего другого.

Возвращаясь мимо небольших ферм и лугов, мимо железнодорожной линии, вы увидите, что вчерашний день пришёл к концу: жизнь начинается там, где кончается мысль.

«Почему так получается, что я не могу быть честной?» – спросила она. «Естественным образом я оказываюсь нечестной. Не то, чтобы я хотела быть такой, но нечестность выскальзывает из меня. Я говорю не то, что действительно имею ввиду. Речь не о вежливом пустом разговоре – тогда каждый знает, что разговор ведётся просто ради разговора. Но даже когда я серьёзна, я обнаруживаю, что иногда говорю такие вещи и совершаю такие поступки, которые до бессмысленности нечестны. То же самое я заметила и у своего мужа. Он говорит одно, делает же нечто совершенно другое. Он обещает, однако вы прекрасно знаете, что когда он говорит, он совсем не имеет ввиду сказанного; когда вы укажете ему на это, он проявляет раздражение, а иногда он сильно сердится. Оба мы знаем, что очень во многом мы нечестны. На днях муж дал обещание одному человеку, которого достаточно уважает, и тот ушёл, поверив ему. Но муж не сдержал своего слова и нашёл для себя оправдание; он стал доказывать свою правоту и неправоту этого человека. Вы знаете игру, которую мы ведём с собой и с другими, – это часть нашей общественной структуры и отношений. Иногда она достигает такой точки, где становится весьма уродливой и вызывает глубокое беспокойство; вот и я дошла до такого состояния. Я сильно взволнована, не только из-за мужа, но и из-за самой себя и всех тех людей, которые говорят одно, делают другое, а думают что-то третье. Политик даёт обещания, и мы в точности знаем, что значат эти обещания. Он обещает рай на земле, вы же хорошо знаете, что он создаст на земле ад и во всём этом обвинит какие-то факторы, ему неподвластные. Почему же происходит так, что мы оказываемся столь глубоко нечестными?»

– Что такое честность? Может ли честность, то есть ясное понимание, видение вещей такими, каковы они есть, вообще существовать, если имеет место какой-то принцип, идеал, облагороженная формула? Можно ли быть прямыми, когда налицо путаница? Может ли существовать красота, если имеется какой-то стандарт красивого или справедливого? Когда есть это разделение между тем, что есть и тем, что должно быть, может ли быть честность? – или только назидательная и респектабельная нечестность? Мы воспитаны между этими двумя факторами: тем, что есть, и тем, что может быть. В промежутке между ними, в промежутке времени и пространства, находится всё наше воспитание и образование, наша мораль, наша борьба. Мы устремляем смятённый взор на одно и на другое – взор, полный страха и взор надежды. Разве может существовать честность, искренность в этом состоянии, которое общество называет образованием? Когда мы говорим, что мы нечестны, то, по существу, хотим сказать, что имеет место сравнение того, что мы говорим с тем, что есть. Человек сказал что-то такое, чего не имел ввиду, сказал, возможно, для того, чтобы ободрить, или же потому что он нервный, застенчивый, или ему трудно сказать то, что действительно есть. Таким образом, нервозность и страх делают нас нечестными. Когда мы стремимся к успеху, нам необходимо быть в чём-то нечестными, подыгрывать другому, быть хитрыми, обманывать для достижения своей цели. Или когда человек приобрёл авторитет, занял положение, которое он хочет защитить. Так что всякое противодействие, сопротивление, защита – форма нечестности. Быть честным – это не иметь никаких иллюзий о себе и никакого семени иллюзии, то есть желания и удовольствия.

«Вы хотите сказать, что желание порождает иллюзию! Мне хочется иметь хороший дом – в этом нет никакой иллюзии. Я хочу, чтобы мой муж занимал лучшее положение – и в этом желании я не могу усмотреть никакой иллюзии!»

– В желании всегда присутствует "лучше" или "больше", "ещё". В желании имеется измерение, сравнение – и сравнение есть корень иллюзии. Благо – не лучшее, и вся наша жизнь тратится на то, чтобы добиваться лучшего – будет ли это лучшей ванной комнатой, лучшим положением, лучшим божеством. Недовольство тем, что есть, производит изменение того, что есть, – но это просто улучшенное продолжение того, что есть. Улучшение – это не изменение, и именно это постоянное улучшение, как в себе, так и в общественной морали порождает нечестность.

«Не знаю, вполне ли улавливаю смысл ваших слов, и не знаю, хочу ли вас понять», – сказала она с улыбкой. «На словесном уровне я понимаю сказанное вами, но куда вы ведёте? Я нахожу это довольно устрашающим. Если бы я на самом деле жила так, как вы говорите, муж, вероятно, потерял бы работу, ведь в деловом мире существует большая доля нечестности. Наши дети также воспитываются соперничать и бороться за выживание. Когда из сказанного вами я понимаю, что мы учим их быть нечестными, конечно, не явно, я в тонкой и уклончивой форме, я начинаю бояться за них. Как смогут они встретиться с этим миром, столь нечестным и жестоким, если сами не приобретут какую-то часть этой нечестности и жестокости? О, я знаю, что говорю ужасные вещи, но ведь так оно и есть! Я начинаю видеть, что я в высшей степени нечестна!»

– Жить без всякого принципа, без всякого идеала – это значит жить, встречая то, что есть, каждое мгновение. По-настоящему прямо встречать то, что есть, – что означает быть в полном контакте с этим, и не через слово или прошлые ассоциации и воспоминания, а непосредственно соприкоснуться с этим, – и значит быть честным. Знать, что вы солгали, и не искать извинений и оправданий этому, но видеть это как действительный факт – это и есть честность; и в этой честности – великая красота. Такая красота никому не вредит. Сказать, что мы лжём, – значит признать факт; это признать ошибку ошибкой. Но находить этому причины, извинения и оправдания – это нечестность, и в ней есть жалость к себе. Жалость к себе есть мрак нечестности. Это не значит, что следует стать безжалостным к себе – но, скорее, следует быть внимательным. Быть внимательным – заботиться, смотреть, следить.

«Я, конечно, не ожидала всего этого, когда пришла сюда. Я чувствовала некоторый стыд за свою нечестность и не знала, что с этим делать. Неспособность сделать что-то с этим заставляла чувствовать себя виновной, а борьба с чувством вины или противодействие этому чувству вносит другие проблемы. Теперь мне необходимо тщательно обдумать всё, что вы сказали».

– Позвольте дать вам совет – не обдумывайте сказанного. Сейчас надо увидеть всё так, как оно есть. Из этого видения произойдёт что-то новое. Но если вы это обдумываете, вы опять оказываетесь в той же самой старой ловушке.

У животных инстинкты следовать за кем-то и повиноваться естественны и необходимы для выживания – однако у человека они становятся опасными. У индивида следование и подчинение становится подражанием, приспособлением к стереотипу общества, которое он сам же и построил. Без свободы разум не в состоянии функционировать. Понимание природы повиновения и притяжения в действии приносит свободу. Свобода – не инстинктивное побуждение делать что хочется. В очень большом и усложнённом обществе это невозможно; отсюда конфликт между индивидуумом и обществом, между многими и одним.

Много дней стояла сильная жара; жара была удушающей – и на этой высоте солнечные лучи проникали в каждую пору вашего тела, что вызывало лёгкое головокружение. Быстро таял снег и ручей всё более и более приобретал коричневую окраску. Большой водопад ниспадал стремительным потоком. Ручей брал начало от обширного ледника, длиной, пожалуй, более километра. Этот ручей никогда не высохнет.

Вечером погода переменилась. На склонах гор громоздились тучи, и слышались раскаты грома, и сверкала молния – и начался дождь; можно было ощутить запах дождя.

Их было трое или четверо в этой маленькой комнате с окнами на реку. Они приехали из разных частей света, имея, пожалуй, общий вопрос. Сам вопрос был не так важен, как их собственное состояние. Состояние их собственного ума выражало больше, чем вопрос. Вопрос был похож на дверь, ведущую в дом из многих комнат. Это была не очень здоровая компания, и по-своему они были несчастны. Они были образованы, что бы это не означало; они говорили на нескольких языках, а выглядели неухоженными.

«Почему не следует принимать наркотики? Вы выступаете, по-видимому, против этого. А ваши выдающиеся друзья принимали их, писали о них книги, поощряли других принимать их, – и они переживали красоту простого цветка с огромной интенсивностью. Мы также принимали их, и нам хотелось бы узнать, почему вы как будто настроены против этих химических опытов. Весь наш физический организм является, в конце концов, биохимическим процессом, и добавление к нему лишнего химического вещества, возможно, даст нам переживание, которое может оказаться приближением к реальности. Вы ведь не принимали сами наркотики, не так ли? Как же вы можете, не испробовав, осуждать их?»

– Нет, мы не принимали наркотики. Необходимо ли напиваться допьяна, чтобы узнать, что такое трезвость? Необходимо ли доводить себя до болезни, чтобы выяснить, что такое здоровье? Так как в приём наркотиков вовлечено несколько факторов, давайте подойдём ко всему вопросу с осторожностью. В чём вообще заключается необходимость приёма наркотиков – наркотиков, обещающих психоделическое расширение ума, великие видения и интенсивность восприятий? По-видимому, их принимают потому, что собственные восприятия довольно тусклы. Ясность затемнена и жизнь человека очень поверхностна, лишена смысла; человек принимает их для выхода за пределы этой посредственности.

Интеллектуалы создали из наркотиков новый образ жизни. Во всём мире мы видим разногласия и невротические принуждения, конфликты и болезненное убожество жизни. Мы осознаём агрессивность человека, его жестокость, его крайний эгоизм, который никакие религии, никакие законы, никакая общественная мораль укротить не сумели.

В человеке так много анархии и такие научные способности. Этот дисбаланс разрушает мир. Такая непреодолимая пропасть между передовой технологией и жестокостью человека производит огромный хаос и несчастье. Это очевидно. И вот интеллектуалы, игравшие с различными теориями – с Ведантой, дзен, идеалами коммунизма и прочим, – не найдя для человека выход из затруднительного положения, теперь обращаются к чудодейственному средству, которое принесёт и динамическое здоровье психики и гармонию. Открытие такого чудодейственного средства – полного ответа на все вопросы – ожидается от учёного, – и тот, вероятно, сумеет сделать это. А писатели и интеллектуалы станут пропагандировать его, чтобы прекратить все войны, – как вчера они отстаивали коммунизм или фашизм.

Но ум, с его необыкновенными способностями к научным открытиям и к их практическому применению, всё ещё остаётся мелким, узким и фанатичным, и он будет оставаться таким, разве нет? Благодаря одному из подобных средств у вас могут быть потрясающие и бурные

переживания – но исчезнут ли при этом глубоко укоренённая агрессивность, грубость и печаль человечества? Если эти средства смогут разрешить сложные и запутанные проблемы отношений, говорить нам больше не о чем, раз и проблемы отношений, и потребность в истине, и окончание скорби – настолько всё это поверхностно, что разрешить это можно простым принятием щепотки чудодейственного средства.

Безусловно, это ложный подход, не правда ли? Говорят, что такие средства дают переживания, приближающиеся к реальности, и потому приносят надежду и воодушевление. Но тень – не реальное; символ никогда не является фактом. Видно, как повсюду в мире поклоняются символу, а не истине. Так что говорить, что результат приёма этого средства близок к истине – не ложное ли это утверждение?

Никакая динамическая золотая пилюля никогда не разрешит наших человеческих проблем. Их можно разрешить только радикальной революцией в уме и в сердце человека. Это требует трудной, постоянной работы, необходимо видеть и слушать, и быть тем самым в высшей степени восприимчивым.

Наивысшая форма восприимчивости является наивысшей разумностью, и никакое средство, когда-либо изобретённое человеком, не даст этой разумности. Без этой разумности не существует любви; а любовь – отношение. Без этой любви нет никакого динамического равновесия внутри человека. Эта любовь не может быть нам дана – ни священнослужителями, ни их божествами, ни философами, ни чудесным средством.